А. И. КРАСНОСЕЛЬСКІЙ.

МІРОВОЗЗРѢНІЕ ГУМАНИСТА НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Основы ученія Н. К. Михайловскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія **Б. М. Вольфа**, Разъѣзжая, 15
1900.

А. И. КРАСНОСЕЛЬСКІЙ.

МІРОВОЗЗРѢНІЕ ГУМАНИСТА НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Основы ученія Н. К. Михайловскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Марта 1900 г.

Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени.

(Сочиненія Н. К. Михайловскаго).

„Судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (то есть гегелевской Allgemeinheit). Для меня человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше всего человѣчества". (Бѣлинскій).

Вся его (Бѣлинскаго) дѣятельность проникнута борьбой съ рабствомъ во имя достоинства человѣческой личности.

(Н. К. Михайловскій, „Рус. Бог." 1898, V, 160).

Когда слѣдишь за тѣмъ, какъ Н. К. Михайловскій въ отношеніи ко всевозможнымъ явленіямъ практической дѣйствительности, отвлеченной мысли и художественнаго творчества, къ задачамъ теоріи и практики, философіи и эстетики, къ вопросамъ психологіи, нравственности и счастья, общественнымъ, экономическимъ и политическимъ—неизмѣнно примѣняетъ одну и ту же основную точку зрѣнія, въ качествѣ руководящей и рѣшающей, то не знаешь, чему больше удивляться: тому-ли, какіе широкіе горизонты способна открыть эта точка зрѣнія, или тому искусству, съ которымъ г. Михайловскій умѣетъ пользоваться тѣмъ, что она даетъ. Американскій психологъ Джемсъ, приведя извѣстное утвержденіе Бюффона, что «геній есть терпѣніе» или, согласно Гельвецію,—«способность къ продолжительному вниманію», съ своей стороны видоизмѣняетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ. Терпѣніе, способность къ упорному вниманію не составляютъ источника даровитости, а наоборотъ—даровитость есть причина способности быть упорно внимательнымъ. Все именно зависитъ тутъ отъ

того, что передъ живымъ, разносторонне дѣятельнымъ умомъ талантливаго человѣка каждый предметъ дастъ отъ себя безконечно разнообразныя развѣтвленія, предлагая, такимъ образомъ, уму все новую пищу. Эта-то способность находить новыя стороны въ одномъ и томъ же предметѣ, и даетъ возможность «терпѣливо» и «продолжительно» удерживать сосредоточенное вниманіе на одномъ предметѣ. Эти соображенія остроумнаго американскаго психолога какъ нельзя болѣе примѣнимы къ г. Михайловскому. Съ удивительной настойчивостью въ теченіе десятковъ лѣтъ г. Михайловскій держится основной своей идеи, съ неослабѣвающей силой самъ интересуется ея примѣненіемъ и привлекаетъ къ ней интересъ читателей,—безъ сомнѣнія именно благодаря умѣнью находить въ этой идеѣ все новыя стороны, новыя иллюстраціи и подтвержденія ея плодотворности, новые выводы и примѣненія. Въ этомъ свойствѣ, безъ сомнѣнія, лежитъ объясненіе того, изъ ряда вонъ выдающагося положенія, которое выпало на долю г. Михайловскаго въ ходѣ русской литературы и мысли за послѣднія тридцать лѣтъ

Однако, при всей популярности г. Михайловскаго, не будетъ, кажется, особенной смѣлостью утверждать, что его мало знаютъ даже многіе изъ тѣхъ, среди которыхъ онъ въ большей или меньшей степени пользуется успѣхомъ. Главной причиной этого является журнальный характеръ всѣхъ работъ г. Михайловскаго. Житейская практика сегодняшняго дня, по его собственному свидѣтельству, не позволяла ему удѣлять достаточно вниманія внѣшнему единству въ изложеніи и развитіи своихъ взглядовъ. Это обстоятельство способствовало склонности читателя ставить въ произведеніяхъ г. Михайловскаго очень много на счетъ таланта писателя и очень мало на счетъ міросозерцанія мыслителя. Между тѣмъ, врядъ ли будетъ ошибкой считать, что на многихъ талантливыхъ писателей приходятся немногіе мыслящіе люди, и на этихъ немногихъ мыслящихъ очень немногіе съ цѣльнымъ и широкимъ міросозерцаніемъ. Въ связи съ этимъ участь талантливыхъ работъ, можетъ быть, лестная для авторовъ, часто незавидная: произведеніями таланта сплошь и рядомъ наслаждаются—и проходятъ мимо. Талантъ самъ по себѣ не требуетъ къ себѣ другого отношенія. И именно этого рода отношеніе къ г. Михайловскому выражено недавно однимъ критикомъ въ слѣдующей формѣ: «я всегда читаю статьи г. Михайловскаго съ большимъ удовольствіемъ, пишетъ онъ; философія г. Михайловскаго превосходная вещь, но... я ея рѣшительно не понимаю». Мы опасаемся, что

у г. Михайловскаго слишкомъ много подобнаго рода читателей, которые при всемъ «удовольствіи», испытываемомъ ими отъ чтенія г. Михайловскаго, остаются при непониманіи общаго смысла его міровоззрѣнія,—того, что связываетъ его многочисленныя работы въ одно цѣлое, т. е. въ концѣ концовъ безъ пониманія самаго цѣннаго въ его дѣятельности. Такъ какъ это обстоятельство безъ сомнѣнія не всѣмъ читателямъ доставляетъ то удовольствіе, которое оно повидимому причиняетъ упомянутому критику, то мы хотѣли бы настоящей работой придти имъ на помощь

I.

„Общество самымъ процессомъ своего развитія стремится подчинить и раздробить личность, оставить ей какое нибудь одно специальное отправленіе, а остальныя раздать другимъ, превратить ее изъ индивида въ органъ. Личность, повинуясь тому же закону развитія, борется или по крайней мѣрѣ должна бороться за свою индивидуальность, за самостоятельность и разносторонность своего „я“ (Сочиненія, I, 46 —2).

Что связываетъ всю дѣятельность г. Михайловскаго въ одно цѣлое, такъ это широкое ученіе, ярко освѣщающее многоразличнѣйшіе вопросы жизни и мысли,—путемъ выясненія соотношенія между дѣйствительностью, съ одной стороны, и человѣческими требованіями, т. е. стремленіями, побужденіями, тенденціями личности—съ другой, путемъ разграниченія того, что *есть*, отъ того, что *можетъ* и *должно быть*:—факта отъ желательнаго, жизненныхъ задачъ человѣка, сознаніе и воля котораго стиснуты и рабски запечатлѣны фактическими условіями дѣйствительности — отъ широкаго круга задачъ, дѣйствительно доступныхъ личности, вообще, ученіе, ясно ставящее и опредѣленно рѣшающее вопросъ всѣхъ вопросовъ — какъ человѣку владѣть обстоятельствами, а не быть въ ихъ власти. Согласно этому мировоззрѣнію, всю совокупность явленій жизни человѣка можно сгруппировать около одного центральнаго явленія—отношеній общественности къ личности. Съ одной стороны, общественность, спеціализирующая, обособляющая и атрофирующая жизненныя функціи личности, дѣлаетъ ее безвольнымъ орудіемъ внѣшнихъ вліяній. А съ другой—личность, оберегая себя отъ спеціализирующихъ воздѣйствій общественности, тѣмъ самымъ отстаиваетъ важнѣйшую и драгоцѣн-

нѣйшую изъ своихъ способностей,—способность налагать на жизнь, ея содержаніе и направленіе печать человѣческой индивидуальности, способность быть самой собой въ своихъ вкусахъ, сужденіяхъ и дѣйствіяхъ.

Чтобы правильно уяснить себѣ характеръ зависимости жизненнаго строя личности отъ общественныхъ условій, необходимо различать два существенно отличныхъ другъ отъ друга типа общественныхъ отношеній, подъ воздѣйствіемъ которыхъ находится личность. Надо именно имѣть въ виду, что личность живетъ въ обществѣ среди людей, по своему общественному положенію преслѣдующихъ одинаковыя съ нею цѣли и обладающихъ одинаковыми съ ней средствами къ тому, и въ то же время жизнь ея находится въ тѣсной зависимости отъ людей и цѣлыхъ категорій людей, по общественнымъ условіямъ руководимыхъ, въ общемъ, совсѣмъ другими цѣлями и располагающихъ совсѣмъ другого рода средствами къ тому. Характеръ отношеній перваго рода названъ Уэкфильдомъ, въ примѣненіи къ экономической сферѣ,—типомъ «простого сотрудничества», а второго—„сложнаго сотрудничества“ или „раздѣленія труда“. Въ простомъ сотрудничествѣ—т. е. въ сотрудничествѣ лицъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ,—человѣкъ всегда сознаетъ, что сотрудничаетъ съ другими; взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ—по типу раздѣленія труда—только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу „Причину этого различія, говоритъ Уэкфильдъ, нетрудно понять. Когда нѣсколько человѣкъ поднимаютъ одну тяжесть или тащатъ одинъ канатъ въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, тутъ невозможно сомнѣваться, что они сотрудничаютъ другъ съ другомъ: этотъ фактъ вносится въ мысль простымъ чувствомъ зрѣнія Но когда разные люди работаютъ въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, надъ разными дѣлами, ихъ сотрудничество не такъ прямо замѣчается, хотя они столь же положительнымъ образомъ содѣйствуютъ другъ другу чтобы замѣтить этотъ фактъ, нужна сложная умственная операція“. И по мѣрѣ того, что раздѣленіе труда, не ограничиваясь техническимъ дробленіемъ и технической спеціализаціей приспособленій и занятій, обрекаетъ человѣка всю жизнь производить исключительнымъ образомъ какую нибудь часть булавки, обрекаетъ его на какую нибудь спеціальную категорію отправленій, стремленій и интересовъ, оно тѣмъ самымъ уже является источникомъ существенныхъ и глубокихъ

измѣненій въ общественныхъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всемъ организмѣ и душевномъ строѣ личности; — является дробление общества на обособленныя группы, имѣющія свои собственные и другимъ недоступные цѣли и интересы, и какъ вся организація личности, такъ и ея душевный строй пріобрѣтаютъ характеръ *односторонности* и *отрывочности*. Какъ указывалъ еще Шиллеръ въ письмахъ объ эстетическомъ образованіи человѣка, „вѣчно возясь съ какимъ нибудь обрывкомъ цѣлаго, человѣкъ и самъ превращается изъ цѣлаго въ обрывокъ". И въ этихъ двухъ особенностяхъ «обрывка цѣлаго»,—односторонности и отрывочности,—и заключается неизмѣнная основная причина всевозможныхъ, до безконечности разнообразныхъ проявленій несамостоятельнаго—«рабскаго»—отношенія личности къ дѣйствительности, ослабленной способности владѣть обстоятельствами и собой. «Вѣчно слыша однозвучный шумъ только того колеса, которое вертитъ онъ самъ, говоритъ Шиллеръ, человѣкъ никогда не въ состояніи развить гармонію въ своемъ существѣ»,—т. е. не владѣетъ собой, «и дѣлается отпечаткомъ своего занятія, своей науки», т. е. становится рабомъ внѣшнихъ условій. «Даже то скудное, обрывочное участіе, которое привязываетъ частныхъ членовъ къ цѣлому, состоитъ не въ томъ, чтобы они самодѣятельно выработали формы данныхъ имъ обрывковъ; нѣтъ, имъ съ самою скрупулезною точностью начертаны образцы, которыхъ и должно неуклонно держаться ихъ свободное знаніе. Мертвая буква замѣняетъ живой разумъ». При этихъ условіяхъ, когда цѣлостная индивидуальность развивается въ раздробь, силы и способности человѣка не достигаютъ гармонической и всесторонней напряженности въ предѣлахъ одной индивидуальности, а распредѣляются по множеству индивидуальностей. Сила мысли оказывается у одной группы, у другой—сила мышцъ, у третьей — эстетическая способность и т. д. Эти изолированныя силы, развиваясь въ нецѣлостныхъ недѣлимыхъ на счетъ другихъ силъ и болѣзненно обостряясь, получаютъ колоссальную интенсивность, заглушая собой остальныя отправленія. При этомъ личность, подпадая подъ исключительную власть какой нибудь одной стороны своего существа, одной умственной складки или одной страсти въ ущербъ полнотѣ жизни, теряетъ вслѣдствіе этого устойчивость, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самообладаніе и способность владѣть обстоятельствами.

Съ психологической стороны явленія эти г. Михайловскому удалось объединить въ одну общую группу — очень примѣчательную и

любопытную. Дѣло въ томъ, что своеобразныя явленія гипнотизма оказались точно нарочно приноровленными для обнаруженія въ обнаженномъ видѣ основныхъ свойствъ личности, потерявшей цѣлостность, и для группировки ихъ въ стройную систему.

Гипнотическое состояніе, какъ извѣстно, достигается однообразными, равномѣрными и слабыми вліяніями на органы чувствъ. Съ психологической стороны гипнотизмъ есть не что иное, какъ искусственно произведенная ненормальная односторонность сознанія, то есть ненормально односторонняя концентрація сознанія. Вслѣдствіе продолжительной фиксаціи блестящаго предмета, вслѣдствіе прислушиванія къ извѣстнымъ однообразнымъ звукамъ, процессъ сознанія постепенно концентрируется въ ненормальной степени на одномъ данномъ явленіи, такъ что другія явленія очень трудно доходятъ до сознанія или вовсе не доходятъ. Вслѣдствіе этой ненормальной односторонности сознанія получается своеобразное «омраченіе сознанія и ослабленіе воли:» загипнотизированный субъектъ автоматически подчиняется внушеніямъ гипнотизера, повинуется его приказаніямъ или съ чрезвычайной тщательностью подражаетъ всѣмъ его дѣйствіямъ, потерявъ способность управлять самимъ собой. Въ гипнотическихъ явленіяхъ, такимъ образомъ, въ необычайно чистомъ видѣ обнаруживается, что ненормально односторонняя концентрація сознанія ослабляетъ связность и устойчивость душевнаго строя, его способность къ самообладанію и самостоятельности. На почвѣ физіологическаго опыта наглядно обнаруживается зависимость между односторонностью въ жизненныхъ отправленіяхъ личности и отрывочностью и разрозненностью побужденій, выражающейся въ роковой склонности относиться къ окружающей дѣйствительности пассивно, рабски отражая внѣшнія впечатлѣнія, рабски подчиняясь внѣшнимъ воздѣйствіямъ, въ своей обезличенности доходя до потери ощущенія своего «я».

Если явленія этой категоріи на почвѣ физіологической представляются особенно удобными для изученія—благодаря своей большей наглядности, а также возможности экспериментальнаго изслѣдованія, то съ другой стороны, повторяясь въ широкой сферѣ исторіи и органической природы, эти же явленія, осложняясь и достигая полнаго расцвѣта, пріобрѣтаютъ совсѣмъ особенный интересъ.

Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ областяхъ жизни явленія гипноза, то есть автоматизма, встрѣчаются въ чистомъ своемъ видѣ, ничѣмъ не осложненныя. «Исторія человѣчества, говоритъ г. Михайловскій, переполнена такими явленіями, которыя представляютъ собою

не аналогію какую нибудь съ автоматизмомъ гипнотика, а самый этотъ автоматизмъ въ болѣе или менѣе сильной, болѣе или менѣе слабой степени». Особенно рѣзкій примѣръ тому представляетъ нервная болѣзнь, наблюдавшаяся на солдатахъ въ Якутской области. Во время ученья они стали повторять командныя слова и на брань, угрозы, крики командира аккуратно повторяли за нимъ его брань и угрозы. Оказалось, что они больны «олгинджей» или «омеряченьемъ», мѣстной болѣзнью. Разновидностью этой же болѣзни страдаютъ и якутки, и подъ ея вліяніемъ онѣ исполняютъ приказанія, отъ кого бы они ни исходили Какъ и въ гипнозѣ, въ этой болѣзни автоматизмъ выражается въ двухъ формахъ: человѣкъ либо подражаетъ, либо повинуется чему бы то ни было И условія возникновенія автоматичности тутъ тѣ же, что и въ гипнотическихъ опытахъ скудная однообразная жизнь.

«Однообразіе и обособленность жизни въ Якутской области, говоритъ г. Михайловскій, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Тамъ есть мѣстности, куда почта рѣдко приходитъ, и которыя, слѣдовательно, сообщаются съ остальнымъ міромъ разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ и даже разъ въ годъ. Тамъ зима тянется шесть мѣсяцевъ. Тамъ можно проѣхать 500 верстъ, не встрѣтивъ того образа и подобія Божьяго, который называется человѣкомъ. Тамъ ѣдятъ рыбу, рыбу и опять рыбу, и рѣдька и капуста составляютъ мѣстами едва-ли не лакомство. Тамъ человѣкъ можетъ въ теченіе цѣлаго дня не услышать, кромѣ воя вѣтра, почти никакого другого звука и не видѣть, кромѣ бѣлаго, никакого другого цвѣта. Сгустите еще немножко краски скудости и однообразія—и вы получите настоящій, только чудовищно огромный залъ, приспособленный для гипнотическихъ опытовъ». (II, 163—4).

При аналогичныхъ условіяхъ замкнутой и однообразной жизни въ женскихъ монастыряхъ и институтахъ наблюдаются повальные нервные припадки. Въ XV столѣтіи по женскимъ монастырямъ Германіи и другихъ странъ ходила курьезная эпидемія — монахини кусались. Въ другомъ подобномъ случаѣ монахини мяукали по кошачьи. Средніе вѣка были вообще необыкновенно богаты нравственными эпидеміями. Сюда относятся эпидеміи самобичеванія, неистовой пляски, демономаніи, демонолатріи, истребленія евреевъ, освобожденія гроба Господня,—захватывавшія громадныя массы народа, людей всякаго общественнаго положенія, пола и возраста. Это были эпидемическіе порывы потребности къ автоматическому подражанію и къ от-

дачѣ своей воли въ чужія руки. Г. Михайловскій настойчиво оговаривается противъ мысли, что подражаніе и повиновеніе были единственными двигателями этихъ массовыхъ движеній. Тутъ имѣли значительное вліяніе и экономическія условія средневѣковой жизни, ея политическій и гражданскій строй, умственный и нравственный уровень общества, вообще рядъ общихъ условій, которыя непосредственно дѣйствовали на каждаго изъ участниковъ даннаго движенія. Но рядомъ съ этимъ было и особенное автоматическое состояніе толпы—состояніе безпредметнаго напряженія и готовности подражать и повиноваться чему бы то ни было. Соотвѣтственно съ этимъ специальнымъ свойствомъ мы видимъ въ средневѣковой жизни поразительную дробность, замкнутость и отчужденность между сословіями «феодальный баронъ и его крѣпостные, торговецъ, далекій отъ всякаго труда и презирающій его, ремесленникъ — мастеръ сапожнаго цеха, производящій только новые сапоги; мастеръ близкаго, но другого все-таки цеха, только починяющій обувь и т. д Всѣ они отдѣлены другъ отъ друга рѣзкими политическими, юридическими, нравственными гранями. Всѣ крѣпко держатся за ту маленькую клѣточку жизни, которая образуется пересѣченіемъ этихъ граней. Каждая функція дробится, обособляется, выдѣляется.. При этомъ личная жизнь средневѣковаго человѣка должна была оскудѣвать, становиться все болѣе однообразною и одностороннею... Все было вогнано въ непомѣрно узкія стойла, гдѣ царило томительное и дѣйствительно почти усыпляющее, почти гипнотизирующее, однообразіе впечатлѣній» (182, 3, II).

Установивъ такимъ образомъ на длинномъ ряду примѣровъ тѣсную связь между односторонней концентраціей сознанія—продуктомъ однообразныхъ, скудныхъ впечатлѣній, и склонностью къ автоматической подражательности и покорности, г. Михайловскій для выясненія того, что при этомъ собственно происходитъ съ душевнымъ строемъ личности, въ чемъ заключается ея обезсиленіе и къ чему оно ведетъ,—обратился къ явленіямъ такъ называемой имъ «патологической магіи». Сюда относятся замѣчательные случаи чудесныхъ воздѣйствій человѣка на человѣка и на животныхъ. Уже для Брэда, открывшаго въ началѣ этого столѣтія гипнотизмъ, опыты со стекляннымъ или металлическимъ шарикомъ, односторонне-сосредоточенное созерцаніе котораго приводитъ въ гипнотическое состояніе, служили объясненіемъ катоптромантіи и всѣхъ другихъ древнихъ видовъ гаданія и магіи при помощи блестящихъ предметовъ. Чародѣи и чудодѣи были просто въ его глазахъ гипнотизаторами. Точно также объ-

яснялъ Брэдъ то своеобразное очарованіе, которое производятъ змѣи своимъ взглядомъ на птицъ и мелкихъ млекопитающихъ. Вызываемое этимъ взглядомъ состояніе, въ которое впадаетъ очарованное животное, Брэдъ назвалъ «моноидеизмомъ» Вотъ какъ представляетъ себѣ г. Михайловскій это состояніе. «Чары змѣи состоятъ въ томъ, что она своимъ пристальнымъ взглядомъ всецѣло овладѣваетъ вниманіемъ животнаго, такъ что доступъ постороннимъ впечатлѣніямъ на это время совсѣмъ или почти совсѣмъ прекращается Въ сознаніи животнаго водворяется какъ-бы пустыня, безгласная, безцвѣтная, безъобразная. среди которой ярко горитъ лишь одинъ единственный пунктъ,—этотъ странный, упорный взглядъ змѣи, грозящій какой-то опасностью. Такое состояніе моноидеизма, *одноидейности*, придавливая сознаніе, вытѣсняя изъ него всю нормальную игру *сложныхъ* и разнообразныхъ впечатлѣній, въ то же время парализуетъ и волю, отдавая ее во власть того единственнаго пункта, который блеститъ въ опустошенномъ сознаніи животнаго, можно сказать единственнаго, который для него теперь существуетъ. Сосѣднія вѣтки деревьевъ на которыя животное можетъ отпрыгнуть, волны воздуха, по которымъ птица можетъ, взмахнувъ крыльями, улетѣть за тридевять земель отъ пресмыкающейся чаровницы, самыя эти крылья, самая способность владѣть ими,—все это вытѣснено изъ сознанія очарованной жертвы. Для нея не существуетъ ничего, кромѣ жаднаго змѣинаго взгляда и разверстой пасти. Поэтому она уже не можетъ убѣжать, вообще совершить какое-нибудь цѣлесообразное произвольное дѣйствіе, подсказываемое, казалось-бы, самымъ элементарнымъ чувствомъ самосохраненія Ея мускульная дѣятельность можетъ быть только автоматическою. (Замѣчательно, что змѣя, въ свою очередь, оказывается склонной къ автоматическому подчиненію заклинателямъ, съ той разницей, что заклинатели дѣйствуютъ на нихъ не зрительнымъ впечатлѣніемъ, а слуховымъ—монотонной игрой на дудкѣ).»

Такова любопытная психологическая картина опустошеннаго сознанія и обезсиленной воли—какъ продуктовъ односторонней концентраціи сознанія. Къ этимъ психологическимъ явленіямъ присоединяются иногда—при подобныхъ же условіяхъ—явленія физіологическія, съ особенной яркостью обнажающія процессъ преобразованій, которымъ подвергается при этомъ личность. Дѣло въ томъ, что чрезмѣрно усиленное вниманіе, внезапно-ли настороженное какимъ-нибудь чрезвычайнымъ явленіемъ, или какъ результатъ продолжи-

тельной фиксаціи, не только дѣйствуетъ на личность человѣка или животнаго въ цѣломъ, лишая ее самостоятельности и самообладанія по отношенію къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, но, въ то же время, освобождаетъ изъ подъ власти личности отдѣльные органы и отправленія ея, сообщая имъ своеобразную самостоятельность по отношенію къ цѣлому организму.

Давно уже извѣстны случаи того, какъ беременныя женщины, присутствовавшія при мучительныхъ казняхъ, рожали дѣтей съ уродствами, точно воспроизводившими подробности казни. Извѣстно также, что подъ вліяніемъ ожиданія, страха и воображенія, люди чувствуютъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ боль. Высокіе авторитеты утверждаютъ, что можно вызвать боль въ любой части тѣла, усиленно сосредоточивая на ней свое вниманіе. Въ этомъ и состоятъ проявленія мнительности. Къ этой-же категоріи явленій относится тотъ, напримѣръ, случай, что у одной матери, видѣвшей какъ тяжелая рама отдавила три пальца на рукѣ ея сына, тотчасъ же оказались воспаленными и опухшими тѣ именно три пальца, которые пострадали у ребенка Сюда же относится случай появленія, подъ вліяніемъ сильныхъ потрясеній, кроваваго пота на опредѣленныхъ мѣстахъ, въ особенности появленіе кровоизліяній, такъ называемыхъ стигматовъ, на тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ были раны у Христа: въ концѣ шестидесятыхъ годовъ извѣстна была дѣвушка Луиза Лато, у которой каждую пятницу появлялись кровоизліянія, съ большею или меньшею точностью воспроизводившія раны распятаго Христа. Подобные же стигматы извѣстны были и раньше, начиная съ XIII вѣка (то есть опять-таки со временъ среднихъ вѣковъ). Къ этой же категоріи относится замѣчательный случай съ 48-лѣтней женщиной, о которой разсказываетъ Лейкартъ: она присутствовала при крайне трудныхъ родахъ своей дочери и, подъ вліяніемъ сильнаго волненія, у нея, три дня спустя, въ грудяхъ оказалось молоко

Къ этой же категоріи фактовъ относятся не менѣе замѣчательныя проявленія повышенной воспріимчивости, граничащей съ чудеснымъ, у гипнотиковъ. У нихъ слухъ, осязаніе, зрѣніе, мышечное чувство доходятъ до такой степени тонкости, какая совершенно недоступна нормальному человѣку. То же самое наблюдается у лунатиковъ, а также и у индусскихъ факировъ. Будучи въ концѣ концовъ ограничены тѣми же условіями, которыя природа наложила на человѣка вообще, эти послѣдніе различаютъ такіе оттѣнки и подробности, которые ускользаютъ отъ органовъ чувствъ нормальныхъ

людей. Они чуютъ такія слабыя колебанія воздуха, или такіе запахи, которые совершенно неуловимы, неразличимы для нормальныхъ людей. «Метафорически говоря, замѣчаетъ г. Михайловскій, внѣшній міръ входитъ въ нихъ въ тѣ же двери, что и у обыкновенныхъ людей, но у нихъ эти двери отворены настежь»

При этомъ у гипнотиковъ и имъ подобныхъ картина этой своеобразной воспріимчивости осложняется еще тѣмъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ, что, находясь въ этомъ состояніи, они недоступны ощущеніямъ болевымъ. Гипнотика можно рѣзать, жечь, колоть, онъ этого не замѣчаетъ. Точно также индусскіе факиры претерпѣваютъ жесточайшія самоистязанія, не чувствуя при этомъ никакой боли.

Эта анестезія, являясь въ рукахъ чудодѣевъ средствомъ для пораженія воображенія людей, очень ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что тутъ имѣетъ мѣсто *распаденіе человѣческой личности.* Цѣлое, человѣческая личность, при этомъ какъ бы не существуетъ въ психологическомъ смыслѣ, потому что чувство боли, этотъ аттрибутъ цѣлаго, исчезаетъ Воспріятіе впечатлѣній и отвѣтные на нихъ дѣйствія различныхъ частей организма продолжаются, но только они минуютъ порогъ сознанія, не доходятъ до него и поэтому впечатлѣнія прямо отражаются соотвѣтственными измѣненіями въ соотвѣтственныхъ частяхъ тѣла. Вслѣдствіе того, что подавлено сознаніе, то есть, дѣятельное состояніе коркового вещества мозга, низшіе центры живутъ, какъ выражается г. Михайловскій, на всей своей вольной волѣ, дѣйствуютъ внѣ всякой зависимости отъ общаго индивидуальнаго согласія и возбуждаются постороннимъ впечатлѣніемъ къ самостоятельной дѣятельности, мятежной по отношенію къ личности. Получается индивидуальность, надъ составными частями которой, въ большей или меньшей степени, *ослабленъ контроль центральнаго сознанія и центральной воли,—индивидуальность съ децентрализованнымъ душевнымъ строемъ*, а потому въ соотвѣтственной степени *обезличенная.* Въ этомъ и заключается характерная, наиболѣе существенная особенность всей совокупности приведенныхъ явленій. Односторонность оказывается неразрывно связанной съ разрозненностью и неустойчивостью сознанія и воли, а это ведетъ къ тому, что получается индивидуальность не только съ ослабленной зависимостью составныхъ частей, и потому болѣе податливая внѣшнимъ воздѣйствіямъ и съ уменьшенной силой самообладанія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ ослабленнымъ сознаніемъ своей личности. Односторонняя индивидуальность именно потому такъ

склонна къ рабской податливости, что она обезличена, то есть. въ ней помрачены самыя чувства и сознаніе личности

II.

Значеніе разсмотрѣнныхъ выше основныхъ явленій для оцѣнки различныхъ сторонъ жизни можетъ быть выяснено только по мѣрѣ заполненія этой голой схемы соотвѣтственными условіями сложной живой дѣйствительности. Пониманіе же взаимной связи между намѣченными явленіями и руководящую нить для разрѣшенія тѣхъ коллизій, которыя на этой почвѣ возникаютъ, даетъ ученіе г. Михайловскаго о «борьбѣ за индивидуальность».

Въ эмбріологіи давно уже признанъ законъ развитія, отмѣченный въ свое время Гете и твердо установленный Бэромъ,—основывающійся на свойствѣ организованной матеріи принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе. «Въ свойствѣ этомъ, говоритъ г. Михайловскій, нѣтъ ничего мистическаго. Какъ магнитной стрѣлкѣ свойственно обращаться всегда однимъ концомъ къ сѣверу, какъ въ неорганической природѣ извѣстнымъ элементамъ свойственно группироваться только въ опредѣленныя химическія соединенія и принимать только опредѣленныя кристаллическія формы, какъ въ клѣточкѣ атомы углерода, водорода, кислорода и азота обнаруживаютъ стремленіе слагаться въ болѣе и болѣе сложныя и высшія соединенія, такъ точно и самимъ клѣточкамъ свойственно сходиться все въ большемъ и большемъ числѣ и составлять все болѣе сложныя формы органической жизни. Усложненіе это состоитъ въ увеличеніи числа и разнообразіи органовъ и въ увеличеніи физіологическаго раздѣленія труда, то есть, въ усиленіи обособленія и приспособленія органовъ къ спеціальнымъ отправленіямъ Такимъ образомъ законъ развитія неудержимо и постоянно толкаетъ организованную матерію впередъ, къ дальнѣйшему усложненію. Подъ его вліяніемъ сумма силъ и способностей недѣлимыхъ постоянно растетъ». (I, 459)

Этимъ „процессомъ своего развитія организмъ устанавливаетъ между своими частями раздѣленіе труда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависимость и рабство. Подвергшіяся дифференцированію части всякаго цѣлаго другъ безъ друга жить не могутъ и въ то же время суть рабы цѣлаго, или другъ друга». Но на пути къ своему развитію, то есть къ

дифференцированію своихъ частей, организмъ встрѣчается и сталкивается съ другими ступенями индивидуальности,—низшими, входящими въ его составъ, и высшими, въ составъ которыхъ онъ самъ входитъ.

Г. Михайловскій приводитъ длинный рядъ естественно-научныхъ изслѣдованій, устанавливающихъ вѣрность мысли Гете, что «все живое есть многое, а не единое», и что «даже являясь намъ въ видѣ недѣлимаго, оно остается совокупностью живыхъ, самостоятельныхъ единицъ» Согласно Шлейдену, въ растительномъ царствѣ существуютъ три ступени индивидуальности клѣточка, простое растеніе и сложное растеніе. Негели считаетъ ихъ шесть молекулы, клѣточка, органъ, почка, видъ, растительное царство. Въ животномъ мірѣ Карусъ сосчиталъ шесть ступеней индивидуальности, а Геккель распредѣляетъ и растительное, и животное царство на шести ступеняхъ индивидуальности, изъ которыхъ низшая есть клѣточка, а высшая—колонія Кромѣ того, въ строѣ человѣческаго общества можно различить цѣлую лѣстницу общественныхъ индивидуальностей—семья, община, цехъ, родъ, племя, государство

И вотъ, интересы каждой индивидуальности, какъ органической, такъ и общественной, поскольку эти интересы опредѣляются приведеннымъ выше основнымъ закономъ развитія, враждебны интересамъ индивидуальностей, стоящихъ выше и ниже ея, по той простой причинѣ, что процессы дифференцированія двухъ сосѣднихъ индивидуальностей необходимо враждебны другъ другу. Развиваясь, то есть дифференцируясь, организмъ побѣждаетъ входящія въ него низшія индивидуальности, водворяя между ними несходство, специализацію и раздѣленіе труда, обращая ихъ въ органы, устанавливая между ними зависимость и рабство.

Несходныя между собой индивидуальности, низведенныя на степень органовъ, другъ безъ друга жить не могутъ и потому являются рабами или цѣлаго, или другъ друга. Поэтому, если общественный строй развивается по органическому типу, то есть по системѣ «раздѣленія труда», а не «простого сотрудничества», то это общественное раздѣленіе труда имѣетъ тенденцію помѣшать физіологическому раздѣленію труда въ предѣлахъ индивидуальности, стремится уменьшить дифференціацію индивида, сократить число его органовъ и способностей. Такъ оно и происходитъ въ общественномъ организмѣ многихъ низшихъ животныхъ, чему наиболѣе извѣстнымъ и замѣчательнымъ примѣромъ можетъ служить общество пчелъ и муравьевъ. Въ

муравьиной общинѣ раздѣленіе труда, доведенное до крайней степени, повлекло за собой образованіе такого вида рабовладѣльческихъ муравьевъ, у которыхъ атрофирована даже способность питаться безъ помощи другихъ. Естествоиспытатель Губеръ заперъ нѣсколько такихъ муравьевъ, положилъ имъ много пищи, куколокъ, личинокъ, но несчастныя жертвы раздѣленія труда, очутившись въ положеніи щедринскихъ генераловъ, начали скоро дохнуть съ голода: они, по выраженію Фигаро у Бомарше, дали себѣ трудъ родиться, но не потрудились научиться брать пищу въ ротъ, ибо законъ раздѣленія труда исковеркалъ ихъ челюсти. Когда же Губеръ пустилъ къ нимъ раба, то все пошло какъ по маслу. И примѣровъ такого изуродованія индивида въ пчелиномъ и муравьиномъ обществѣ очень много. Всѣ они результатъ побѣды надъ индивидомъ общественнаго строя, развивающагося по органическому типу, то есть, слѣдуя органическому закону развитія. Но эта побѣда есть только частный случай, частный результатъ борьбы, въ которой индивиду принадлежитъ не пассивная роль, потому что въ немъ, какъ это выражаетъ законъ развитія, заключено вѣчное стремленіе усложнять свою организацію. Это есть стремленіе увеличивать число своихъ органовъ, силъ и способностей, стремленіе защищаться противъ возможности снизойти до степени безвольнаго орудія сложнаго цѣлаго съ рабской зависимостью отъ себѣ подобныхъ, стремленіе заключать въ себѣ самомъ возможно цѣлостную и возможно самостоятельную организацію. Это стремленіе къ цѣлостности, какъ необходимое выраженіе основного закона развитія всѣхъ организмовъ, заставляетъ личность, согласно термину г. Михайловскаго, бороться за свою индивидуальность, и въ этой борьбѣ за индивидуальность, въ ясномъ сознаніи ея цѣлей, заключается высшій залогъ не рабскаго, а истинно-человѣческаго отношенія къ дѣйствительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніе счастья, здоровья, нравственности, истины, красоты и справедливости.

Борьба за индивидуальность существенно дополняетъ дарвиновскую борьбу за существованіе. Въ послѣдней побѣда дается цѣной приспособленія къ существующимъ условіямъ, каковы бы они ни были, то есть въ томъ числѣ и къ тѣмъ условіямъ, которыя враждебны ея цѣлостности,—враждебны самообладанію личности и ея способности владѣть обстоятельствами. Приспособленіе имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, экономію жизни Приспособляясь, живое существо утрачиваетъ тѣ органы и отправленія, которые въ данный моментъ, при данныхъ специальныхъ условіяхъ, оказываются

случайно (т. е. временно) ненужными, хотя бы въ дальнѣйшемъ они могли оказаться и весьма цѣнными. При этомъ «самый недостатокъ, самая слабость, самая уродливость могутъ обратиться въ оружіе борьбы за существованіе». Такимъ образомъ, напримѣръ, на островахъ пропорція между безкрылыми или слабокрылыми насѣкомыми и крылатыми совершенно иная, чѣмъ на материкахъ: число первыхъ относительно несравненно больше на островахъ, благодаря тому, что крылатыя насѣкомыя залетаютъ сильнымъ вѣтромъ далеко и погибаютъ въ морѣ. Въ тѣхъ специальныхъ, узкихъ условіяхъ, въ которыхъ они живутъ, ихъ сила, лишняя способность, которою они обладаютъ, является источникомъ ихъ пораженія. Слабокрылыхъ же, приспособившихся къ даннымъ тѣсно ограниченнымъ условіямъ, спасаетъ ихъ слабость. Точно также для пещерныхъ животныхъ глаза составляютъ роскошь, ненужное бремя,—въ ихъ условіяхъ жизни даже нѣчто вредное для борьбы за существованіе, потому что на поддержаніе ихъ приходится даромъ тратить извѣстную долю питательнаго матеріала. Поэтому для нихъ въ данныхъ специальныхъ условіяхъ единымъ шансомъ побѣды въ борьбѣ за существованіе явится утрата чувства и органа зрѣнія. Побѣдителями явятся подслѣповатые. Для нѣкоторыхъ паразитовъ—тоже живущихъ въ очень скудныхъ условіяхъ жизни—въ этомъ же смыслѣ оказываются лишнимъ бременемъ и органы зрѣнія, и органы движенія. Изъ нихъ шансы на побѣду въ борьбѣ за существованіе, путемъ все того же приспособленія, окажутся у тѣхъ, кто уже обладаетъ задатками вялости какъ зрѣнія, такъ и движенія. Вообще, въ узкихъ условіяхъ жизни, побѣда въ борьбѣ за существованіе можетъ достаться не болѣе сильнымъ и совершеннымъ, а слабымъ, лѣнивымъ, уродливымъ,—стоитъ имъ только лучше приспособиться къ этимъ условіямъ сегодняшняго дня или даннаго мѣста.

Поэтому-то побѣда въ борьбѣ за существованіе не есть еще побѣда. Она непрочна, недолговѣчна, вообще неустойчива—по своей узкости. Организмы, приспособившіеся къ узкимъ условіямъ существованія—цѣною утраты или ослабленія нѣкоторыхъ изъ своихъ органовъ и отправленій—могутъ, съ теченіемъ времени, дойти до того, что уже не въ состояніи будутъ существовать, при измѣнившихся болѣе широкихъ условіяхъ, требующихъ болѣе широкой организаціи. Организмъ, который окончательно приспособился къ узкимъ замкнутымъ условіямъ, хотя бы онъ царилъ и хозяйничалъ при нихъ, непремѣнно обреченъ на гибель вмѣстѣ съ ними, если поге-

рять способность примѣняться къ болѣе широкимъ условіямъ жизни, т. е. если не сохранилъ въ себѣ достаточно многосторонности, достаточно способности къ дальнѣйшему развитію. Геккель въ этомъ смыслѣ противополагаетъ одностороннимъ узкимъ организаціямъ или «типамъ», которые онъ называетъ «практическими»,—многосторонніе организаціи, которымъ онъ присваиваетъ названіе «идеальныхъ». Практическіе типы живутъ, такъ сказать, данной минутой, данными условіями. Идеальные—какъ бы «проникнуты какимъ-то темнымъ позывомъ къ будущему». Господство первыхъ неустойчиво, вслѣдствіе ихъ односторонности. Вторые, благодаря своей многосторонности, сохраняются для дальнѣйшаго развитія. Агассицъ называетъ эти «идеальныя» организаціи— пророческими». Дѣло въ томъ, что въ отдаленные геологическіе періоды имѣли значительное распространеніе существа смѣшанныя, совмѣщавшія въ себѣ, напримѣръ, признаки нынѣшнихъ лягушекъ, черепахъ и ящерицъ. По выраженію одного ученаго, подобное существо было не лягушка, не черепаха и не ящерица, а земноводное вообще, съ самою общею организаціею, какую только допускаетъ этотъ классъ животныхъ во всей своей совокупности. Это была какъ бы воплощенная идея земноводнаго. Нынѣ же эта идея воплощается только по частямъ. Первоначальный «идеальный» типъ «пророческій» предвосхитилъ собой совокупность нѣсколькихъ «практическихъ» организацій, на которыя онъ въ настоящее время размѣняется. соединеніе (синтезъ) которыхъ онъ собой когда-то представлялъ. Другой подобный идеальный типъ соединялъ въ себѣ всѣ черты организаціи, которыя нынѣ встрѣчаются порознь въ рыбахъ и пресмыкающихся. При этомъ, понизженный типъ, сфера жизни котораго сузилась, въ своей болѣе узкой сферѣ можетъ обладать болѣе высокимъ развитіемъ органовъ и способностей, чѣмъ прежній, болѣе высокій типъ. Какъ выражается г. Михайловскій, понизженный *типъ* можетъ обладать въ извѣстномъ спеціальномъ направленіи болѣе высокой *степенью* развитія. Такъ, напримѣръ, положимъ, какой нибудь видъ всеядныхъ животныхъ разбился на животныхъ, питающихся исключительно животной и растительной пищей, или даже на питающихся исключительно живыми животными, на питающихся падалью, рыбой и т. д. Произошло *понижение типа*, потому, что кругъ способностей сократился. Но въ то же время въ данномъ сокращенномъ кругѣ способности могли достигнуть болѣе высокой *степени* совершенства: у хищника могли развиться клыки, сила челюстей, извѣстныя умствен-

ныя качества, у питающихся рыбой—способность плавать у питающихся растительной пищей—желудокъ, приспособленный къ подобной пищѣ и т. п. Точно также типъ безполаго рабочаго муравья ниже типа его отдаленнаго предка, обладающаго способностью размножаться Но въ предѣлахъ своей односторонности онъ, можетъ быть, достигъ болѣе высокой степени развитія Вообще, во всевозможныхъ случаяхъ, когда высокая степень совершенства организма сопровождается пониженіемъ типа, индивидуальность въ цѣломъ терпитъ коренной ущербъ, нисколько не восполняемый побочными побѣдами Ущербъ состоитъ въ потерѣ или упрощеніи нѣкоторыхъ изъ основныхъ свойствъ, что дѣлаетъ организмъ менѣе стойкимъ въ борьбѣ съ мѣняющимися условіями. Борьба за существованіе при узкихъ условіяхъ жизни, являясь орудіемъ односторонняго развитія, при одновременномъ упрощеніи другихъ сторонъ (т. е., когда возвышенная «степень» развитія сопровождается пониженіемъ «типа»), является такимъ образомъ силой, которая загоняетъ организмъ въ глухой закоулокъ, изъ котораго ему нѣтъ выхода на путь всесторонняго развитія и совершенствованія. Въ примѣненіи къ душевной жизни человѣка это выражается цѣлымъ рядомъ комплексій, общій характеръ которыхъ аналогиченъ съ душевнымъ состояніемъ гипнотика, который сознаетъ, что онъ собирается совершить какое нибудь неприличіе или преступленіе, но въ то же время не въ силахъ совладать съ собой. У него, такъ сказать, отлично работаетъ механизмъ мышленія, но въ большей или меньшей степени атрофированъ механизмъ воли Душевныя комплексіи при подобныхъ условіяхъ неотвратимы и роковой, безъисходный характеръ ихъ вообще непзбѣженъ тамъ, гдѣ высокая степень развитія одной стороны индивидуальности идетъ бокъ о бокъ съ пониженіемъ степени развитія другихъ ея сторонъ. Подобное несоотвѣтствіе естественно влечетъ за собой унизительное чувство зависимости отъ отдѣльныхъ темныхъ и несогласныхъ между собой элементовъ собственнаго «я», и какъ слѣдствіе этого—неувѣренность въ самомъ себѣ. Поэтому-то въ побужденія личности, приспособляющейся къ узко одностороннимъ условіямъ существованія, роковымъ образомъ вплетается унизительное сознаніе необходимости подчиняться чему то чуждому самой личности, хотя бы и входящему въ ея составъ

Во многихъ отношеніяхъ мы настолько привыкли къ характеру интересовъ и стремленій личности, какъ они складываются подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, т. е. приспособленія къ всевоз-

можнымъ частнымъ условіямъ, что коллизіи, неизбѣжныя при этихъ условіяхъ, кажутся намъ неизбѣжными при всякихъ условіяхъ, лежащими въ самой природѣ вещей. Неоцѣнимое достоинство ученія о борьбѣ за индивидуальность заключается въ обнаруженіи, что рядъ основныхъ коллизій мысли, чувствъ, интересовъ личнаго и общественнаго порядка, коллизій, преслѣдующихъ личность своимъ безъисходно роковымъ характеромъ, не лежатъ въ природѣ вещей, а зависятъ только отъ той комбинаціи обстоятельствъ, которая благопріятствуетъ дробленію личности, ея интересовъ и стремленій. Ученіе это удивительно просто возводитъ въ систему то положеніе, что природа вещей шире всякой частной комбинаціи обстоятельствъ, и что коллизіи мысли, чувствъ и стремленій, неизбѣжныя для тѣхъ кто «приспособляется» цѣною сокращенія сферы своихъ интересовъ, теряютъ свое напряженіе и остроту съ того момента, когда человѣкъ отстаиваетъ возможную ширину и цѣлостность своей личности, и къ этому требованію стремится приспособить внѣшнія условія жизни.

Ученіе о «типахъ» и степеняхъ развитія, составляя необходимую составную часть ученія о борьбѣ за индивидуальность, подчеркиваетъ въ немъ идеальный моментъ. Оно подчеркиваетъ значеніе тѣхъ задатковъ высшаго совершенства, которые въ большей степени соотвѣтствуютъ достоинству индивидуальности, какъ въ настоящемъ, такъ въ особенности въ будущемъ, чѣмъ побѣда конкретной личности въ ея борьбѣ за существованіе, чѣмъ многіе видимые успѣхи реальной личности, отшлифованной узкими, замкнутыми условіями исторической жизни. Заключающіяся въ этихъ «задаткахъ» идеалъ человѣческаго совершенства, — идеалъ, опирающійся на совершенно реальную почву, — является во многихъ вопросахъ жизни, во многихъ столкновеніяхъ и душевныхъ коллизіяхъ указателемъ рѣшенія ихъ съ такой точки зрѣнія, съ которой борьба за индивидуальность пріобрѣтаетъ значеніе борьбы не просто за личное совершенство, а за человѣческое достоинство. Ученіе о типахъ и степеняхъ развитія вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на возможность одновременнаго существованія во взаимныхъ отношеніяхъ личности и общества двухъ встрѣчныхъ теченій. Оно отмѣчаетъ то обстоятельство, что ограниченіе жизненнаго бюджета личности можетъ сопровождаться одновременнымъ частичнымъ расширеніемъ личнаго существованія, обогащеніемъ его новыми элементами, «новыми красками и звуками жизни», — хотя бы и въ предѣлахъ суженной сферы. Отсюда возможность очень разнообразныхъ и сложныхъ комбинацій, отъ ха

рактера которыхъ вполнѣ зависитъ, въ какой степени и въ какомъ родѣ индивидъ чувствуетъ себя личностью, т. е. устойчивымъ связнымъ цѣлымъ, съ централизованнымъ сознаніемъ и центральной волей, управляющихъ отдѣльными своими элементами, и въ какой степени и въ какомъ родѣ всѣ эти основныя свойства личности помрачены и притуплены.

Примѣненіе изложенныхъ руководящихъ началъ къ столькимъ и запутаннымъ вопросамъ жизни и мысли лучше всего объяснитъ ихъ смыслъ и значеніе.

III

Центральнымъ всеобъемлющимъ отраженіемъ специализаціи жизненныхъ задачъ, обособленности интересовъ и утраты цѣлостнаго отношенія къ дѣйствительности является во всѣхъ сферахъ жизни фатализмъ, т. е. склонность не признавать вліянія личныхъ усилій на ходъ событій. Тенденція эта—очень характерное выраженіе ослабленія вообще всякихъ личныхъ началъ, т. е. вообще обезличеннаго отношенія къ жизни, и г. Михайловскій настойчиво обнаруживаетъ эту тенденцію во всѣхъ областяхъ жизни.

Вотъ какъ онъ представляетъ себѣ тѣ условія, которыя порождаютъ это направленіе въ области мышленія и знанія.

Пока раздѣленіе труда не оторвало интересовъ людей мысли и знанія отъ интересовъ другихъ классовъ, первые изъ нихъ понимаютъ интересы вторыхъ, сочувствуютъ имъ и уважаютъ ихъ, потому что это ихъ же собственные интересы или такіе, которые близко съ ними соприкасаются, составляютъ съ ними одно неразрывное цѣлое. При этомъ любознательность и работа мысли направляются на предметы, связанные съ законченнымъ кругомъ человѣческихъ цѣлей, интересовъ и побужденій. Мышленіе и познаваніе при этомъ служатъ интересамъ человѣка, но эта служба нисколько не принижаетъ содержанія ихъ дѣятельности, пока это содержаніе широко охватываетъ собой весь кругъ доступнаго человѣку. Но затѣмъ, при господствѣ принципа раздѣленія труда въ обществѣ, наступаетъ время, когда общія всѣмъ классамъ общества цѣли постепенно размѣниваются на рядъ частныхъ цѣлей, одна отъ другой совершенно обособленныхъ. Въ такомъ обществѣ человѣкъ, выработавшій себѣ особенную напряженность того или другого спеціальнаго отправленія и болѣе или менѣе заглушившій въ себѣ всѣ остальныя, понимаетъ и цѣнитъ только то, что тѣсно соприкасается съ его спеціальнымъ

отправленіемъ. Понятіе о единствѣ индивидуальности человѣка здѣсь больше не имѣетъ мѣста. Центромъ помысловъ и стремленій становится не человѣкъ, какъ недѣлимое, не вся совокупность человѣческой индивидуальности, а только извѣстная отвлеченная отъ нея категорія. Членъ общества, въ которомъ раздѣленіе труда провело достаточно глубокія борозды, не въ состояніи охватить понятіе человѣка во всей его цѣлости, онъ можетъ понять и оцѣнить только ту долю человѣка, которая развита въ немъ самомъ И специалистъ мысли и знанія, находясь въ этомъ положеніи, смотрѣвшій до этого на свои специальныя цѣли только какъ на звено въ общей цѣпи человѣческихъ интересовъ, теперь, односторонне сосредоточившись на интересахъ своей профессіи (аналогично съ тѣмъ, какъ въ состояніи односторонняго сосредоточенія вниманія въ гипнозѣ), перестаетъ замѣчать то, что находится внѣ облюбованнаго имъ круга профессіональныхъ интересовъ, оторванныхъ отъ всего остального. Вслѣдствіе этого онъ проникается убѣжденіемъ, что процессъ мышленія и накопленія знанія самъ по себѣ, независимо отъ отношенія къ чему бы то ни было, заключаетъ въ себѣ конечную самостоятельную цѣль, устраняющую всѣ другія цѣли, и всякое служеніе другимъ цѣлямъ считаетъ унизительнымъ. Архимедъ извиняется предъ современниками и потомствомъ въ томъ, что иногда работаетъ для практическихъ цѣлей. Платонъ говоритъ, что значеніе ариѳметики состоитъ отнюдь не въ ея практической пользѣ, а въ томъ, что она «облегчаетъ душѣ путь изъ области преходящихъ вещей къ созерцанію истины и бытія», что она обязана «заниматься числами въ себѣ, въ ихъ сущности, а не терпѣть вмѣшательства чего бы то ни было видимаго и осязаемаго»; что геометры заблуждаются, если удаляются отъ изученія того, что составляетъ сущность вещей, истину вѣчную и безусловную, что цѣль астрономіи совсѣмъ не практическая, она не есть даже изученіе видимаго, она должна вести къ той же вѣчной истинѣ, постижимой одной чистой мыслью. «Многіе и многіе вѣка на это уходятъ, говоритъ г. Михайловскій, но въ концѣ концовъ получается удивительное явленіе. знаніе, совершенно оторванное отъ жизни и не имѣющее ровно никакой цѣны для нея; знаніе, самому себѣ довлѣющее, знаніе, такъ сказать, въ себя влюбленное Въ наше время Шопенгауеръ заявляетъ, что только безполезное можетъ имѣть значеніе. Гегель, доказывая, что бытіе и небытіе тождественны и останавливаясь на частномъ примѣрѣ—все ли равно, существуетъ ли мой домъ или не существуетъ — разрѣшаетъ этотъ

вопросъ такъ, что философія должна освободить человѣка отъ безчисленнаго множества конечныхъ стремленій и цѣлей и сдѣлать его настолько равнодушнымъ къ нимъ, что для него дѣйствительно должно быть все равно, существуютъ эти вещи, или нѣтъ».

Проповѣдуя такое высокомѣрное равнодушіе къ реальной дѣйствительности, къ тому, что входитъ въ кругъ интересовъ и цѣлей человѣческихъ, спеціалистъ мысли, метафизикъ, въ тоже время не хочетъ знать никакихъ границъ въ своемъ преклоненіи предъ той частью дѣйствительности,—односторонне выдѣленной изъ нея и болѣе или менѣе узко обособленной, которая заключается въ явленіяхъ «духа», «разума», «сознанія». Гегель говоритъ «все, отъ вѣка совершающееся на небѣ и на землѣ, жизнь Бога и все, что происходитъ во времени, стремится къ тому, чтобы духъ позналъ самого себя, объективировалъ самого себя». Согласно Шеллингу, «для философіи природа есть ничто иное, какъ органъ самосознанія, и все въ природѣ необходимо только потому, что самосознаніе достигается только этимъ путемъ». У Гартмана сознаніе точно также является спасителемъ міра и завершителемъ мирового процесса.

Столь односторонне отрѣшенное отъ дѣйствительности представленіе о роли сознанія естественно способствуетъ склонности спеціалистовъ мысли задавать отвлеченному мышленію невозможныя задачи—о познаніи міра по ту сторону чувствъ, о причинѣ и цѣли міра, о сущности вещей, о мірѣ въ себѣ и т. п. И это стремленіе къ задачамъ неразрѣшимымъ очень типическая черта метафизиковъ. Но будучи вслѣдствіе этого по самой природѣ вещей обреченными терпѣть фіаско въ сферѣ, которую они считаютъ выше всего на свѣтѣ и рѣшающей всѣ остальные вопросы, метафизики не допускаютъ и мысли, что неутолимость метафизической жажды, направленной на невозможное, есть продуктъ совершенно спеціальныхъ исключительныхъ историческихъ условій. Они не хотятъ знать, что условія эти, отрѣзавъ мысль отъ нормальнаго служенія задачамъ возможнымъ, задачамъ, находящимся въ предѣлахъ природы человѣческаго сознанія, тѣмъ самымъ даютъ сознанію болѣзненное направленіе на задачи невозможныя. Стопть данному распредѣленію и взаимоотношенію интересовъ измѣниться, и интересъ къ метафизическимъ задачамъ пропадетъ, уступивши болѣе здоровымъ стремленіямъ мысли. Но спеціалисту мысли представляется, что задачи, которыя его привлекаютъ—вѣчныя задачи мысли, неизмѣнно присущія человѣчеству при всякихъ условіяхъ. А такъ какъ по самой при-

родѣ человѣческаго ума онъ встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія, для ихъ рѣшенія, то у него и получается впечатлѣніе что вообще стремленія человѣческія фатально неосуществимы,—не только потребность мышленія но и какія бы то ни было потребности человѣка у него естественно рождается склонность думать, что существуетъ фатальный разладъ между требованіями человѣка и дѣйствительностью Поэтому то Гартманъ имѣлъ возможность привести цѣлый сводъ мыслей, къ которымъ пришли метафизики отъ Платона до Шеллинга и Шопенгауера, о неосуществимости счастья, о роковой бренности всѣхъ наслажденій Въ лицѣ самого Гартмана и предшествовавшаго ему Шопенгауера метафизика прямо признаетъ, что небытіе лучше бытія; что высшее возможное счастіе состоитъ въ устраненіи всѣхъ желаній, всякаго хотѣнія «Очень знаменательно, говоритъ г. Михайловскій, что заключенія эти тѣ же, къ какимъ пришла и метафизика индусовъ, этотъ продуктъ системы кастоваго общественнаго строя, т. е. системы кристаллизованнаго раздѣльнаго труда».

Эта комбинація высокомѣрнаго равнодушія къ дѣйствительности съ безнадежнымъ пессимизмомъ однако очень мирно уживается съ самымъ рѣшительнымъ оптимизмомъ. Гартманъ, безжалостно разбивающій всѣ иллюзіи, лежащія въ основѣ человѣческихъ стремленій, къ счастью, въ то же время утверждаетъ, что существующій міръ есть во всѣхъ подробностяхъ лучшій, какой только возможенъ, и что всемогущее «Безсознательное», никогда не ошибающееся, избрало наилучшія формы бытія. И это вовсе не противорѣчіе въ міросозерцаніи Гартмана и ему подобныхъ, а, напротивъ того, вполнѣ послѣдовательная и главное—очень типичная черта, потому что индифферентизмъ и пессимизмъ относятся у нихъ къ стремленію человѣка къ личному счастью, къ способности личности преднамѣренно и цѣлесообразно вмѣшиваться въ ходъ событій, а оптимизмъ—къ безсознательному ходу вещей, къ процессамъ безсознательнымъ. Признавая эти послѣдніе роковыми, неизбѣжными, естественно относиться равнодушно, недовѣрчиво и пессимистически къ усиліямъ личности провести свои стремленія. И пессимизмъ, и оптимизмъ метафизиковъ цѣликомъ опираются на принципіальное недовѣріе къ живой человѣческой личности, къ ея способности дѣятельно вторгаться въ ходъ вещей и быть не просто мыслящимъ и созерцающимъ аппаратомъ, а законченной цѣлостной индивидуальностью, въ которой мысль и чувство ищутъ себѣ непремѣннаго исхода въ дѣйствіи. Ницше го-

ворить, что «самый важный вопросъ въ философіи заключается въ опредѣленіи, насколько все имѣетъ неизмѣнные форму и образъ; когда же будетъ найденъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, тогда нужно съ самой неуклонной смѣлостью стремиться къ улучшенію и исправленію той стороны жизни, которая признана доступной измѣненіямъ». Метафизическая мысль ограничивается первой половиной этой истинно человѣческой задачи, потому что ее исключительно занимаетъ розысканіе того, что абсолютно, вѣчно, неизмѣнно Мало того, ей никогда не удается ограничиться въ этомъ отношеніи тѣмъ, что дѣйствительно «неизмѣнно» и неизбѣжно Односторонняя концентрація сознанія заставляетъ выдумывать, т. е. до извѣстной степени создавать нѣчто роковое тамъ, гдѣ его нѣтъ, все равно какъ птичка, гипнотизируемая взглядомъ змѣи, проникается сознаніемъ, что ей нѣтъ другого выхода, кромѣ рокового стремленія въ пасть змѣи Точно также метафизическая мысль создаетъ воображаемыя цѣли природы, жизни. безсознательнаго, воли. духа и произвольно подсовывая эти выдуманныя цѣли голой фактической дѣйствительности, въ этой формѣ преклоняется предъ нею. Это очень странная черта метафизической мысли. претендующей подниматься не только выше фактической дѣйствительности, но вообще высоко-высоко надъ дѣлами и интересами человѣческими, даже надъ чувственнымъ міромъ. Но въ каждомъ частномъ случаѣ не трудно убѣдиться, что при всемъ высокомѣріи въ теоріи, практически отношеніе метафизическихъ принциповъ къ дѣйствительности неизмѣнно сводится къ возведенію на степень чего то рокового всевозможныхъ элементовъ фактической дѣйствительности,- т. е къ безсильному преклоненію предъ случайностями презираемой дѣйствительности. И во всякой метафизической системѣ всегда можно выдѣлить тѣ иногда очень скромные элементы дѣйствительности, которые совершенно произвольно—только потому, что они случайно попали въ поле зрѣнія мыслителя—возводятся на степень неизмѣнной сущности, роковыхъ законовъ естества и даже «сверхъестества». Мысль метафизиковъ неизмѣнно приходитъ къ этой комбинаціи безволія съ произволомъ («рабства» и «барства»): безволіе неразрывно связано тутъ съ произволомъ, такъ какъ совершенно произволенъ самый выборъ того элемента, предъ которымъ метафизическая мысль требуетъ преклоненія. Въ этомъ смыслѣ метафизическая мысль является характернымъ выраженіемъ и типическимъ спутникомъ всякой обезличенности, этого рокового

результата узкой специализации жизненныхъ задачъ и обособленности интересовъ.

IV.

Въ метафизикѣ нашла себѣ выраженіе только одна отрасль умственной дѣятельности, обособившейся отъ прочихъ интересовъ и задачъ жизни. Рядомъ съ ней процессъ дробленія человѣческихъ стремленій выдѣлилъ другую специальность—эмпиризмъ. Въ то время, какъ метафизика, односторонне сосредоточиваясь на отвлеченномъ мышленіи, отрекается отъ опыта и наблюденія, эмпиризмъ, стремясь безраздѣльно погрузиться въ факты, заключаетъ въ себѣ притязаніе на полное игнорированіе предвзятыхъ идей и какихъ бы то ни было обобщеній. Но представляя собой, какъ и метафизика, проявленіе узкой специализаціи стремленій, эмпиризмъ, подобно метафизикѣ, непзмѣнно проникнутъ тенденціей пассивно фаталистическаго отношенія къ дѣйствительности.

Типичный представитель эмпиризма, Спенсеръ, говоритъ: «Вѣроятно, что въ соціологіи, какъ и въ біологіи, накопленіе фактовъ, болѣе критическое ихъ сопоставленіе и выводы, сдѣланные при помощи научныхъ методовъ, будутъ сопровождаться возрастающимъ сомнѣніемъ въ выгодахъ, которыхъ можно достигнуть той или другой мѣрой, и возрастающимъ опасеніемъ за неблагопріятныя послѣдствія, которыя могутъ быть вызваны этими мѣрами. Вѣроятно, что названное для индивидуальнаго организма не совсѣмъ точно, хотя и довольно удачно, vis medicatrix naturae (цѣлебная сила природа) будетъ найдено въ аналогичной формѣ и въ общественномъ организмѣ»

Съ этой точки зрѣнія Спенсеръ, по словамъ г. Михайловскаго, утверждаетъ, что «учрежденія, существующія въ какомъ нибудь обществѣ, непремѣнно соотвѣтствуютъ характеру членовъ общества, степени ихъ совершенства; и было бы напрасною мечтой замѣнить эти учрежденія учрежденіями высшаго типа: несовершенные люди не вынесутъ такого бремени благополучія. Все и всегда находится на томъ мѣстѣ и является во то время, гдѣ и когда ему надлежитъ явиться. Все въ свое время полезно и необходимо, все въ свое время исчезаетъ, какъ негодное и невозможное. Это относится не только къ учрежденіямъ, а и къ понятіямъ. Извѣстныя понятія, будучи сами по себѣ весьма неправильны, тѣмъ не менѣе вполнѣ соотвѣтствуютъ данному состоянію общества и дѣлаютъ полезное и

необходимое дѣло». (III, 372). Такъ по собственнымъ подлиннымъ словамъ Спенсера, «для радикала очевидно, что предразсудки торія не позволяютъ ему видѣть много зла въ настоящемъ и добра въ будущемъ; для торія не подлежитъ сомнѣнію, что радикалъ не сознаетъ добра, скрытаго въ учрежденіи, которое хочетъ онъ уничтожить, и не умѣетъ понять зла, которое должно произойти отъ перемѣны, предлагаемой имъ. Ни тому, ни другому не приходитъ въ голову, что его противникъ играетъ не менѣе полезную роль, чѣмъ онъ самъ. Радикалъ, который носится со своимъ недостижимымъ идеаломъ, не замѣчаетъ, что энтузіазмъ его способенъ лишь нѣсколько подвинуть вещи впередъ, да и то совсѣмъ не въ томъ направленіи, какъ онъ ожидалъ; онъ никакъ не согласится, что тормазящій консерватизмъ торія можетъ имѣть полезное вліяніе Торій, упрямо отстаивающій старый порядокъ, не въ состояніи видѣть, что послѣдній хорошъ только относительно, и что приверженность къ нему служитъ только охраной противъ преждевременныхъ нововведеній; въ то же время онъ не въ состояніи видѣть въ яромъ антагонизмѣ и радужныхъ надеждахъ радикала тѣ силы, безъ которыхъ прогрессъ невозможенъ Такимъ образомъ, ни тотъ, ни другой не способенъ оцѣнить должнымъ образомъ свою роль или роль противника, и въ той мѣрѣ, въ какой онъ не понимаетъ ея, онъ теряетъ способность вѣрной оцѣнки соціологическихъ отношеній»

«Но такая способность вѣрной оцѣнки, говоритъ по этому поводу г. Михайловскій, очевидно и нежелательна, потому что, оцѣнивъ необходимость торія, радикалъ, конечно, утратитъ часть своего энтузіазма и радужныхъ надеждъ, а это силы, безъ которыхъ прогрессъ невозможенъ Обратно, если торій признаетъ необходимость энтузіазма и радужныхъ надеждъ радикала, онъ перестанетъ быть надежной охраной противъ преждевременныхъ нововведеній, преждевременныхъ, значитъ вредныхъ, нежелательныхъ. Всѣ заблужденія необходимы и полезны, только истина ненужна и вредна! Это—прямой выводъ изъ разсужденій Спенсера. Но мы имѣемъ и непосредственное его заявленіе въ этомъ смыслѣ. «Я не имѣю намѣренія сказать, заявляетъ онъ, что эта господствующая неспособность къ научному пониманію соціальныхъ явленій заслуживаетъ сожалѣнія. Какъ замѣчено выше, это явленіе составляетъ часть того необходимаго равновѣсія, какое должно быть между существующими мнѣніями и требуемыми въ настоящее время формами соціальной жизни. Для сохраненія равновѣсія въ данной фазѣ человѣческаго характера,

должны существовать извѣстныя, приспособленныя къ этой фазѣ учрежденія и такой строй мыслей и чувствованій, который находился бы въ достаточной гармоніи съ этими учрежденіями. Слѣдовательно, нѣтъ необходимости желать, чтобы при нынѣшнемъ среднемъ уровнѣ человѣческой природы распространялись въ массахъ идеи, которыя естественны при болѣе высокомъ развитіи общества и при болѣе высокомъ типѣ гражданъ, сопровождающемъ такое состояніе общества».

Руководствуясь этой точкой зрѣнія, Спенсеръ возмущается тѣмъ, когда «человѣкъ на молчаливое повелѣніе природы «дѣлай это», отвѣчаетъ, что, сообразивъ обстоятельства, онъ полагаетъ, что можетъ поступить лучше. Сомнѣваться въ предусмотрительности и въ дѣйствительности законовъ природы и предполагать съ безконечною самоувѣренностью, что человѣческое сужденіе можетъ быть безошибочнымъ—вотъ настоящее невѣріе, вотъ истинный атеизмъ. Пусть человѣкъ оставитъ свою неумѣстную претензію критиковать великій божій міръ съ точки зрѣнія своего кусочка мозга. Пусть онъ поймётъ, что существуетъ дѣйствительно истинный законъ, хотя онъ и лежитъ покуда за предѣлами его разсудка; пусть онъ слѣдуетъ этому закону въ благоразумномъ молчаніи, повинуясь ему, какъ закону несомнѣнному».

Изъ приведенныхъ мнѣній Герберта Спенсера можно видѣть, что и представители эмпирическаго направленія не меньше метафизиковъ способны относиться съ высокомѣріемъ къ притязаніямъ человѣка вмѣшиваться въ ходъ вещей и влиять на него своей личностью, т.-е. силой своихъ субъективныхъ стремленій, требованій и идеаловъ. Согласно Спенсеру, какъ мы видѣли, человѣкъ долженъ слѣдовать въ благоразумномъ молчаніи законамъ природы, хотя бы лежащимъ за предѣлами его разсудка; онъ долженъ стараться приспособить строй своихъ мыслей и чувствованій къ данной объективной обстановкѣ и положиться на существованіе въ общественномъ организмѣ чего то въ родѣ vis medicatrix naturae.

Этотъ оптимистическій фатализмъ не составляетъ исключительной особенности Спенсера. Дарвинъ говоритъ «Хотя это намъ и трудно, но намъ слѣдуетъ восхищаться дикой, инстинктивной злобой, пчелы-матки, уничтожающей молодыхъ матокъ, своихъ дочерей, тотчасъ по ихъ рожденіи или погибающей въ борьбѣ съ ними, ибо это несомнѣнно полезно обществу». Вы спросите, говоритъ г. Михайловскій, съ какой стати стану я восхищаться тѣмъ, что полезно такому

обществу, организація котораго допускаетъ всякія варварства? Дарвинъ отвѣтитъ вамъ: съ такой стати, что это общество существуетъ. Согласно ученію Дарвина, всѣ индивидуализированныя единицы природы ведутъ между собою неустанную и самую жестокую борьбу. Посредствомъ этой борьбы слабые борцы вымираютъ, сильные выживаютъ и множатся, и такимъ образомъ осуществляется прогрессъ и совершенствованіе. Примѣняя ко всѣмъ дѣятелямъ природы языкъ человѣческихъ отношеній, говоритъ г. Михайловскій, мы могли бы сказать, что природа полна всевозможныхъ преступленій: насилій, воровства, грабежа, разврата, убійствъ Но именно эта жесточайшая свалка обусловливаетъ собой развитіе высшихъ формъ жизни. Не будь ея, слабые индивиды увѣковѣчили бы въ потомствѣ путемъ наслѣдственной передачи свои недостатки, а сильные за недостаткомъ упражненія постепенно ослабѣли бы. «Такъ изъ вѣчной борьбы, говоритъ Дарвинъ,—изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, какое мы можемъ себѣ представить, а именно возникновеніе высшихъ формъ жизни». Увлекаясь этимъ ученіемъ, дарвинистка г-жа Ройе требовала, чтобы безпомощнымъ не оказывать никакой помощи. Но самъ Дарвинъ утѣшаетъ, что и безъ того дѣла идутъ не дурно. «Преступниковъ, — говоритъ онъ — казнятъ или подвергаютъ долгосрочному тюремному заключенію, такъ что они не могутъ свободно передавать потомству свои дурныя качества, меланхоликовъ и сумасшедшихъ запираютъ или они кончаютъ самоубійствомъ; люди запальчивые или задорные часто погибаютъ насильственною смертью» и проч., такъ что, замѣчаетъ г. Михайловскій, въ концѣ концовъ все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Процессъ, которымъ вырабатываются высшія формы жизни, ужасенъ и глубоко возмутителенъ. Это цѣпь насилій, голодныхъ смертей, медленныхъ и внезапныхъ самоубійствъ. Но кончается все прекрасно... (I 417—8)

Выраженный въ этихъ воззрѣніяхъ оптимизмъ эмпириковъ цѣликомъ опредѣляется тѣмъ, что въ основѣ его лежитъ рабски фаталистическое отношеніе къ дѣйствительности. Не просто фаталистическое, а именно рабское, потому что тутъ имѣетъ мѣсто не подчиненіе по неволѣ тому, что дѣйствительно неизбѣжно, а совсѣмъ особое преклоненіе предъ фактами дѣйствительности—при условіяхъ аналогичныхъ съ тѣми, при какихъ гипнотизируемый субъектъ или гипнотизеръ забываютъ обо всемъ въ мірѣ, кромѣ узко ограниченнаго, однообразнаго круга явленій, и вслѣдствіе этого видятъ въ

этомъ кругѣ явленій, въ его условіяхъ нѣчто провиденціальное, неизбѣжное.

Дѣло въ томъ, что, какъ мы видѣли, въ борьбѣ за существованіе не всегда побѣждаютъ «высшія формы жизни», не всегда погибаютъ дѣйствительно слабые и негодные. Побѣда принадлежитъ приспособившимся къ даннымъ, часто очень узкимъ условіямъ жизни. Поэтому когда Дарвинъ, его послѣдователи Спенсеръ и другіе утверждаютъ, что въ борьбѣ за существованіе, въ приспособленіи къ внѣшнимъ условіямъ лежитъ залогъ совершенствованія человѣка, то это съ ихъ стороны не простое констатированіе фактовъ вообще, а проявленіе рабскаго способа отношеній къ дѣйствительности, — выраженіе преклоненія предъ извѣстнымъ тѣсно ограниченнымъ кругомъ явленій, внѣ которыхъ оставляется безъ вниманія обширная область дѣйствительности, не менѣе достойная вниманія, а именно та категорія явленій, которая указываетъ на возможность для организмовъ не только приспособляться къ условіямъ окружающей жизни, но и приспособлять эти условія къ себѣ, къ требованіямъ совершенствованія личности.

Точно также всякій эмпиризмъ, избѣгая «предвзятаго» идейнаго и дѣйственнаго отношенія къ дѣйствительности, вслѣдствіе этого неизмѣнно заключаетъ въ себѣ опасность подчиненія самой узкой тенденціи, а именно — тенденціи игнорировать все, что выходитъ за предѣлы тѣснаго круга фактической дѣйствительности данной минуты. Для эмпирика, такъ сказать, не существуетъ ничего внѣ случайной дѣйствительности сегодняшняго дня и поэтому въ его глазахъ всякая случайная комбинація обстоятельствъ можетъ пріобрѣсти значеніе чего-то рокового. Фатализмъ, такимъ образомъ, является тутъ, — такъ же, какъ и въ метафизикѣ, — слѣдствіемъ игнорированія сложности, богатства и разнообразія жизни. Это продуктъ душевнаго строя, приспособившагося къ условіямъ, которыя упрощаютъ содержаніе личной жизни, подобно тому, какъ въ органическомъ мірѣ при аналогичныхъ обстоятельствахъ продуктомъ приспособленія являются безкрылыя насѣкомыя и подслѣповатыя пещерныя животныя. И когда, вслѣдствіе такого упрощенія индивидуальности, ослаблена способность чувствовать сложность, богатство жизни и допускаемое ею разнообразіе, — тогда для личности уменьшается возможность дѣлать выборъ и руководствоваться имъ, потому что сокращена сфера выбора. Мысль и чувство становятся лицомъ къ лицу предъ тѣснымъ кругомъ явленій, кажущихся безысходными, и вмѣсто того, чтобы

свободно выбирать, безспльно подчиняются—не фактамъ вообще, а фактамъ данной минуты. Мысль эмпириковъ, односторонне сосредоточиваясь на фактахъ, выдѣленныхъ изъ общей сложности дѣйствительности,—благодаря этому впадаетъ въ рабское къ нимъ отношение,—фаталистически растерянное, а вслѣдствіе этого и фаталистически безспльное. И въ основѣ претензіи эмпиризма на свободу отъ предвзятыхъ тенденцій, — непзмѣнно лежитъ именно растерянность руководящихъ побужденій и началъ, растерянность требованій и растерянность въ постановкѣ задачъ. Именно въ растерянности—этомъ наиболѣе яркомъ выраженіи обезличенности—коренится путаница въ побужденіяхъ, заставляющая эмпириковъ отрекаться отъ какихъ бы то ни было тенденцій, отъ предъявленія дѣйствительности какихъ бы то ни было требованій, чтобы въ концѣ концовъ отдаваться мнимо роковымъ требованіямъ дѣйствительности, т. е на самомъ дѣлѣ — по рабски неустойчиво подчиняться всѣмъ случайностямъ внѣшнихъ вліяній, которымъ не противоставляется ничего отъ лица человѣческой индивидуальности. Спутанность и неясность тенденцій внушаетъ и эмпирикамъ, и метафизикамъ предположеніе о возможности быть независимыми отъ тенденцій, или же слѣдовать тенденціямъ внѣчеловѣческимъ. На самомъ же дѣлѣ ни то, ни другое немыслимо Недостаточная же сосредоточенность тенденцій около интересовъ человѣческой индивидуальности сообщаетъ какъ эмпирическому знанію, такъ и метафизической мысли неустойчивое, неопредѣленное и поэтому не самостоятельное отношеніе къ дѣйствительности Другими словами, притязанія эмпиризма на свободу отъ тенденцій, какъ и притязанія метафизики на независимость отъ условій человѣческой природы—связаны съ тѣмъ, что въ постановкѣ задачъ мысли и знанія требованія какъ тѣхъ, такъ и другихъ сгруппированы не около цѣльной человѣческой индивидуальности, а либо около высшей индивидуальности, въ которую человѣкъ входитъ какъ часть или органъ, либо около низшей,—представляющей собою обособленную дробь человѣческой. При такихъ условіяхъ задачи мысли и знанія подчиняются не интересамъ человѣческой индивидуальности, а требованіямъ общественной спеціализаціи—сословнымъ, профессіональнымъ, узко національнымъ и т. п., или же извращеннымъ требованіямъ личности, обратившейся въ органъ какихъ нибудь исключительныхъ, обособленныхъ отправленій. Но такъ какъ человѣкъ никогда не можетъ безповоротно обратиться въ дробь, безъ остатка отрѣшиться отъ полноты человѣческаго содержанія, то предъявленіе подобныхъ

требованій не можетъ быть устойчивымъ, оно поэтому не въ состояніи дать ни увѣренности, ни самостоятельнаго отношенія къ дѣйствительности, а напротивъ того непзмѣнно разрѣшается проявленіемъ «рабства» мысли, — т. е. отношенія къ дѣйствительности обезсиленнаго, бездѣйственнаго, растерянпаго, вообще—обезличеннаго

V

Подобно тому, какъ въ метафизикѣ и эмпиризмѣ—этихъ разновидностяхъ «чистой» науки, или «науки для науки», точно также и въ «чистомъ» искусствѣ, или «искусствѣ для искусства», самое характерное свойство есть претензія на независимость отъ тенденціи, съ одной стороны, и отъ давленія дѣйствительности, съ другой,—въ сочетаніи съ рабски обезсиленнымъ и рабски растерянпымъ отношеніемъ къ этой дѣйствительности

Чистые эстетики, жрецы искусства для искусства, замкнувшись въ служеніе «чистой» красотѣ, подобно метафизикамъ, склонны относиться съ высокомѣріемъ къ практической дѣйствительности съ ея заботами, страстями и интересами, равнодушно предоставивъ ее своему собственному роковому теченію «подите прочь—какое дѣло поэту мирному до васъ». Поэтъ, рожденный для «звуковъ сладкихъ и молитвъ», какъ пстый «сынъ небесъ», претендуетъ служить вѣчной красотѣ, а не преходящимъ интересамъ. На самомъ же дѣлѣ однако это не такъ

Желая отрѣзать тенденцію эстетическую отъ другихъ областей человѣческихъ интересовъ, эстетики претендуютъ при этомъ отрѣшиться отъ субъективнаго отношенія къ создаваемымъ ими образамъ, устранить всякія симпатіи и антипатіи свои, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются идеей прекраснаго, идеей «вѣчной красоты». Въ дѣйствительности они только произвольно навязываютъ представленія о «чистомъ», «вѣчномъ», т. е. о чемъ то провиденціальномъ, непзмѣнномъ и неизбѣжномъ, тѣмъ эстетическимъ вкусамъ, которые, такъ сказать, носятся въ окружающей художника средѣ, т. е. господствующей въ ней рутинѣ мысли, чувства и общественныхъ отношеній. Возьмите, напримѣръ, понятіе о красотѣ человѣческаго тѣла.

«Если данная социальная группа, говоритъ г. Михайловскій, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній испытывала наслажденіе власти, она необходимо внесетъ соотвѣтственный элементъ въ свой идеалъ красоты: величественную поступь, повелительные жесты и взгляды.

гордый поворотъ головы. И такимъ же образомъ отражаются въ понятіи о красотѣ всѣ остальныя эмпирическія, т. е фактическія условія, которыя выработаны для данной группы историческимъ путемъ общественныхъ дроблені̆. Рутинный типъ идеальной красоты высшихъ слоевъ европейскаго общества извѣстенъ блѣдное или съ слабымъ румянцемъ лицо, прямой лобъ, мало развитыя скулы, тонкія кости, маленькія руки и ноги, томные или страстные, вообще выразительные глаза и т. д Всѣ эти элементы такъ называемой идеальной красоты, какъ оказывается, даны эмпирическимъ, т. е. фактическимъ порядкомъ вещей. Они навязаны имъ художнику и художникъ рабски имъ подчиняется, подчиняетъ имъ даже свои идеалы. Все это существенные признаки такой общественной единицы, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ воспитывала въ себѣ интеллектуальную сторону на счетъ физической. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ не могъ войти въ идеалъ красоты, напримѣръ, русскаго мужика. За неимѣніемъ досуга, онъ не могъ испытать пріятныхъ ощущені̆, даваемыхъ умственнымъ развитіемъ, не могъ выработать себѣ высокаго, прямого лба и задержать развитіе скуловыхъ костей и нижней челюсти, и потому ни въ грошъ не ставитъ личной уголъ; не испыталъ онъ и удовольствія мечты и потому не оцѣнитъ томныхъ глазъ; не входятъ въ составъ его идеала красоты и тонкія кости и блѣдный цвѣтъ лица. Десять идеальныхъ красавицъ высшаго круга онъ отдастъ за одну умѣренно полную бабу съ здоровыми руками и румянцемъ во всю щеку. Точно также ожирѣвшій идеалъ, напр., купеческаго сословія совершенно соотвѣтствуетъ существующимъ условіямъ этой соціальной группы, удаленной и отъ тяжкаго труда, и отъ утонченнаго развитія страстей, и отъ умственнаго развитія».

И такимъ же самымъ образомъ во всѣ эстетическія представленія неизбѣжно вплетаются господствующія въ средѣ художника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его личныя, сужденія о дѣйствительности,—оцѣнка ея, пониманія ея. Все это прибавляетъ къ «чистой красотѣ»,—которая въ дѣйствительности никѣмъ не испытывается—такія или иныя тенденціи и идеи. Онѣ могутъ быть очень мелкими или ничтожными, напр. свестись къ стремленію забавлять и развлекать,—но онѣ всегда есть. Входя въ представленія художника о возвышенномъ, о пріятномъ, изящномъ, красивомъ, во всѣ чувства и настроенія, тенденціи и идеи составляютъ неотъемлемую составную часть того содержанія искусства, безъ котораго никакая форма даже существовать не мо-

жетъ. «Вы можете, говорить г. Михайловскій, придать какому-нибудь сосуду форму красивую или безобразную, можете влить въ него ядъ или лекарство. Но вы очень ошибетесь, если подумаете, что, не наливъ въ него ничего, вы такъ его пустымъ и оставили. въ крайнемъ случаѣ, въ немъ окажется воздухъ, и, по всей вѣроятности, болѣе или менѣе испорченный. Такъ и въ поэзіи. Художникъ можетъ вдвинуть въ художественную форму очень разнообразное содержаніе и, слѣдовательно, заставить свое искусство служить очень разнообразнымъ цѣлямъ. Но если онъ захочетъ служить именно чистой красотѣ, именно формѣ, то, помимо его воли и сознанія, въ эту форму вкрадется, по всей вѣроятности очень низменное содержаніе, а слѣдовательно, и искусство будетъ служить очень низменнымъ цѣлямъ». И если поклонники чистой красоты претендуютъ на полную свободу ихъ идей и тенденцій, то, какъ неизмѣнно показываетъ ближайшій анализъ ихъ произведеній, идеи и тенденціи входятъ въ ихъ настроенія и побужденія помимо ихъ воли и сознанія, помимо участія какихъ либо устойчивыхъ опредѣленныхъ руководящихъ началъ, выработанныхъ и приведенныхъ въ систему при содѣйствіи сознательнаго выбора. Поэтому художникъ «безъ тенденцій» въ концѣ концовъ всегда рабски слѣпо подчиняется случайнымъ тенденціямъ и идеямъ, рабски неустойчиво приспособляется къ ихъ колебаніямъ и противорѣчіямъ. Лишенный собственныхъ руководящихъ началъ, лишенный принципіальной основы въ самомъ себѣ, такой художникъ безпомощно поддается всякимъ случайнымъ воздѣйствіямъ, какъ бы онѣ ни были ничтожны, грубы и низменны.

Бѣлинскій говоритъ о чистомъ искусствѣ, какъ о «предметѣ сибаритскаго наслажденія, игрушкѣ праздныхъ лѣнивцевъ». И въ наше время одинъ изъ представителей чистаго искусства, натуралистъ Гонкуръ не задумался въ своемъ романѣ «Братья Земганно», посвященномъ изображенію двухъ клоуновъ гимнастовъ, назвать ихъ художниками, артистами, а ремесло ихъ—искусствомъ. Это, какъ указываетъ г. Михайловскій, очень характерно для натуралистовъ, этихъ современныхъ представителей самодовлѣющаго искусства «безъ тенденцій», такъ какъ имъ самимъ въ немалой степени свойственна тенденція служить безъ разбора праздным и низменнымъ интересамъ толпы—эксплоатированіемъ грубыхъ, пикантныхъ и непристойныхъ сюжетовъ.

Точно также, художникъ «безъ тенденцій», т е. въ дѣйствительности безъ широкихъ обобщающихъ и руководящихъ началъ,

является совершенно безсильнымъ предъ напоромъ разрозненныхъ мелочей жизни и предъ давленіемъ узкихъ, произвольныхъ, случайныхъ обобщеній Душевному строю, лишенному широкаго кругозора и широкой устойчивой системы, ничего не стоитъ безъ остатка отдаваться одностороннимъ, узкимъ воздѣйствіямъ и впечатлѣніямъ. Если наличныя модныя теченія, или какія-нибудь другія случайныя обстоятельства поразятъ его воображеніе экзальтированно фантастическими образами, то слѣдствіемъ этого является произвольное, и въ то же время возведенное въ систему,—игнорированіе реальной дѣйствительности съ ея сложностью и разнообразіемъ,—является склонность къ грубой рутинѣ шаблонныхъ фигуръ Если, наоборотъ, мода и обстоятельства прикуютъ его вниманіе къ мелочамъ фактической дѣйствительности, то воображеніе его оказывается подавленнымъ обиліемъ разрозненныхъ мелочей, путающихъ и затемняющихъ образы, причемъ опять таки односторонне произвольное сосредоточеніе на той или другой спеціальной области фактической дѣйствительности придаетъ этой спеціальной области значеніе чего то исключительнаго, всеобъемлющаго, рокового. Первое направленіе является источникомъ суздальски грубыхъ элементовъ въ образахъ романтиковъ и эстетиковъ, второе—источникомъ распущенности, однотонности и тусклости образовъ натуралистовъ. При всей кажущейся противоположности, обѣ эти разновидности искусства для искусства тѣсно связаны другъ съ другомъ и легко переходятъ одна въ другую. Въ основѣ ихъ обѣихъ лежитъ одна и та же комбинація безвольнаго и произвольнаго отношенія къ дѣйствительности. «Чистое искусство» въ томъ и другомъ случаѣ неизмѣнно является выраженіемъ растерянно безвольнаго и растерянно произвольнаго служенія всему, что случайно въ данную минуту взяло верхъ. Оно относится къ дѣйствительности то по «рабски» безвольно, то по «барски» произвольно

VI.

Рабски обезличенное отношеніе человѣка къ дѣйствительности, какъ мы уже видѣли изъ предъидущаго, не можетъ исчерпываться пассивнымъ подчиненіемъ внѣшнимъ вліяніемъ. «Потребность отдавать свою волю въ чужія руки, говоритъ г. Михайловскій, вытекая сама собой изъ извѣстныхъ условій общественной жизни, въ нихъ же встрѣчаетъ препятствія для мирнаго и спокойнаго своего удовлетворенія. Для повинующагося и смиреннаго возникаетъ именно вопросъ:

кому, чему повиноваться»? При сложныхъ, запутанныхъ и противорѣчивыхъ внѣшнихъ воздѣйствіяхъ на каждомъ шагу случается, что нѣтъ физической возможности повиноваться заразъ сталкивающимся между собой требованіямъ, ибо это значило бы разорваться въ буквальномъ смыслѣ слова. Интересы и требованія семьи, рода, общины, сословія, государства, націи сплошь и рядомъ могутъ противорѣчить другъ другу, и вотъ личность, умѣющая только повиноваться, именно въ силу своей чрезвычайной податливости, теряетъ устойчивость и обнаруживаетъ рядомъ съ смиреніемъ и безволіемъ черту какъ будто противоположнаго характера—склонность къ *необузданности* и *произволу*. Но черта эта, какъ показываетъ г. Михайловскій, являясь естественнымъ продуктомъ тѣхъ же условій жизни, что и безволіе, тѣсно съ нимъ переплетаясь, выражаетъ собой только другую сторону того же «рабскаго» отношенія къ дѣйствительности. Тутъ, какъ и въ пассивномъ подчиненіи, основной фактъ заключается въ ослабленіи способности личности быть господиномъ положенія,—владѣть собой и обстоятельствами Когда личность покорно поддается первому сильному впечатлѣнію, чтобы предъ слѣдующимъ сильнымъ впечатлѣніемъ кинуться въ другомъ направленіи, и такъ далѣе, то это значитъ что внутри нея, въ ея душевномъ механизмѣ не хватаетъ центральной силы, достаточно прочной, чтобы противостоять временнымъ и случайнымъ вліяніямъ, а именно не достаетъ способности разбираться среди смѣны побужденій и впечатлѣній, выбирать среди нихъ, организовать ихъ и давать имъ направленіе. И въ разстройствѣ этой организующей силы именно и заключается источникъ не только безвольной пассивности, но также порывовъ распущенности и необузданнаго произвола стремленій.

Особенно яркой иллюстраціей явленій этого рода служатъ массовыя движенія, характерныя для психологіи «толпы». Податливость толпы всякимъ случайнымъ вліяніямъ—очень типичная для нея черта, засвидѣтельствованная и исторіей, и въ произведеніяхъ художниковъ, напр у гр. Л. Толстаго, Пушкина, Шекспира. И эта черта очень замѣчательнымъ образомъ переплетается у толпы съ порывами необузданности, не менѣе характерными для нея. Г. Михайловскій приводитъ, между прочимъ, такой любопытный примѣръ. «Во Франціи въ XIV вѣкѣ возстали десятки тысячъ крестьянъ. Измученные, голодные, избитые, мужья, отцы и братья опозоренныхъ женъ, дочерей, сестеръ, они додумались, наконецъ, что они такіе же люди, какъ и бароны. Эти «жаки» грабили и разо-

ряли замки феодаловъ, избивали ихъ самихъ, ихъ семьи. Разгромъ былъ страшный Но, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, когда ихъ спрашивали, зачѣмъ они такъ поступаютъ, они отвѣчали, что не знаютъ, а дѣлаютъ такъ, какъ другіе, и думаютъ, что надо такимъ образомъ истребить всѣхъ дворянъ на свѣтѣ Когда жакерія была подавлена, то горсть крестьянъ подъ предводительствомъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ жаковъ просила позволенія у начальства сразиться съ вторгнувшимися во Францію англичанами, предъ которыми пасовали побѣдители жаковъ—дворяне».

Разбираясь въ фактахъ этого рода и въ довольно разнообразныхъ объясненіяхъ этихъ явленій, г. Михайловскому пришлось встрѣтиться и, для выясненія и обоснованія своего взгляда на дѣло, усиленно бороться съ упорной наклонностью изслѣдователей видѣть нѣчто роковое въ безвольной пассивности «толпы»,—склонность возводить это свойство въ неизмѣнный законъ человѣческой природы. При этомъ, одни хотятъ видѣть въ этой способности къ пассивному подчиненію внѣшнему міру провиденціально благодѣтельное начало—залогъ общественныхъ и симпатическихъ побужденій; другіе же, напротивъ того, отыскиваютъ въ этой чертѣ роковой источникъ безчувственности, свирѣпости, жестокости. Представителями перваго направленія служатъ Адамъ Смитъ и Гербертъ Спенсеръ, второе проводится Тардомъ, Сигеле и другими.

Адамъ Смитъ, обративъ вниманіе на явленія подражанія, положилъ ихъ въ основу своей «Теоріи нравственныхъ чувствъ». Источникъ нашей чувствительности къ страданіямъ ближнихъ онъ видитъ въ способности личности переноситься воображеніемъ на мѣсто другихъ людей, представлять себѣ то, что они чувствуютъ, и испытывать тѣ же ощущенія. А эта способность находитъ себѣ поддержку въ способности и склонности подражать жестамъ, положенію, движеніямъ, выраженіямъ другихъ людей. Спенсеръ развиваетъ аналогичный взглядъ и при этомъ приходитъ къ тому выводу, что «степень и ширина сочувствія или симпатіи зависитъ отъ ясности и обширности воспроизводительности мысли, что сочувствіе или симпатія можетъ существовать только въ степени, пропорціональной силѣ умственнаго воспроизведенія», Вслѣдствіе этого жестокость представляется ему результатомъ недостатка умственныхъ способностей, которыя не могутъ представить жестокому человѣку съ достаточною ясностью тѣ страданія, которыя онъ наноситъ. И, наоборотъ, заразительность зѣвоты есть для Спен-

сера наглядный образчикъ проявленія значительныхъ умственныхъ силъ, особенно когда мы зѣваемъ при одной мысли о зѣвотѣ.

Такимъ образомъ, по Адаму Смиту, люди, склонные къ нравственной заразѣ, суть наиболѣе «чувствительные» и наиболѣе нравственные люди, а по Спенсеру—это люди съ сравнительно высокими умственными способностями

Г. Михайловскій утверждаетъ, что и Адамъ Смитъ и Спенсеръ въ данномъ случаѣ ошибаются, главнымъ образомъ потому, что смѣшиваютъ симпатію, сочувствіе — съ автоматическимъ подражаніемъ. Мнѣніямъ ихъ рѣшительно противорѣчатъ факты подражанія по ступкамъ подлымъ или жестокимъ. Хотя нельзя не признать, что симпатія и подражаніе имѣютъ много общаго въ своихъ основаніяхъ но по своимъ тенденціямъ и результатамъ онѣ различны. То, что есть общаго между ними, вполнѣ опредѣляется словами Льюиса: это есть «стремленіе приходить въ унисонъ съ окружающими людьми». Но, говоритъ г. Михайловскій, придти на помощь къ человѣку, котораго бьютъ и принять участіе въ его побіеніи — это двѣ вещи разныя. Въ первомъ случаѣ человѣкъ приходитъ въ унисонъ съ жертвой, во второмъ—съ палачами.

Въ противоположность Смиту и Спенсеру, нѣкоторые современные изслѣдователи, какъ Тардъ, Сигеле и другіе, считаютъ толпу съ характерной для нея склонностью увлекаться потокомъ безсознательнаго взаимнаго подражанія, по самой природѣ своей расположенной къ жестокимъ звѣрскимъ инстиктамъ. Сигеле и Тардъ вообще полагаютъ, что собраніе индивидовъ всегда ниже отдѣльно взятыхъ составляющихъ его членовъ. Согласно Тарду, коллективная мысль или дѣятельность всегда ниже мысли или дѣятельности индивидуальной; вступая въ общество, каково бы оно ни было, человѣкъ непремѣнно становится причастенъ къ какому нибудь минусу въ умственномъ или нравственномъ отношеніи. Поэтому въ народныхъ скопищахъ ненависть въ отношеніи заразительности вообще беретъ перевѣсъ надъ любовью, злословіе — надъ похвалою, отрицательныя убѣжденія — надъ положительными. Вслѣдъ за Тардомъ и Сигеле русскій изслѣдователь, г. Случевскій, говоритъ, что звѣрскіе инстинкты, дремлющіе до поры до времени въ человѣкѣ и заглушаемые добрыми инстинктами, всплываютъ наверхъ при благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, а такимъ именно благопріятнымъ для нихъ обстоятельствомъ и является толпа.

Этому представленію о толпѣ, какъ о чемъ-то преимущественно

жестокомъ, г. Михайловскій противопоставляетъ, во первыхъ, что извѣстны многочисленные факты, когда надъ толпою вѣетъ духъ правды, добра, безкорыстія и великодушія. Да и нѣтъ вообще никакого основанія утверждать, что заразительными могутъ быть только безнравственныя дѣянія. Механизмъ психической заразы, возникающій при условіяхъ односторонней концентраціи вниманія, заставляетъ человѣка повторять всякое представленіе независимо отъ того—доброе ли оно или жестокое. Во вторыхъ, данные изслѣдователи упускаютъ изъ виду весь сложный комплексъ общественныхъ явленій, предшествовавшій взрывамъ коллективной жестокости. Если принять во вниманіе эту сторону дѣла, хотя бы въ примѣненіи напр. къ крестьянскимъ движеніямъ въ XVI вѣкѣ, то, ничего не измѣняя въ картинѣ жестокости, жестокость, какъ необходимое свойство толпы, утратитъ свою яркость. И въ третьихъ, г Михайловскій указываетъ на нерѣдкіе случаи жестокости одинокихъ людей, жестокости, своей утонченностью и выдержкой далеко превосходящей все. что можетъ предъявить въ этомъ отношеніи толпа. Отсюда слѣдуетъ, что объясненія жестокости толпы надо искать не въ коренныхъ и особенныхъ свойствахъ толпы, а въ тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ жестокой и одинокую личность. Условія эти слѣдующія. Во первыхъ, по мѣрѣ того, какъ процессъ раздѣленія труда обособляетъ и отчуждаетъ другъ отъ друга общественные классы, представители этихъ обособленныхъ классовъ—крестьяне, ремесленники, купцы, дворяне и т. д.—привыкаютъ смотрѣть другъ на друга какъ на совсѣмъ другія породы существъ, относительно которыхъ позволительна всякая жестокость, всякая неправда А во вторыхъ, какъ отмѣчаетъ Сигеле, «многочисленность толпы не только поднимаетъ ея возбудимость путемъ взаимной заразы, но и способствуетъ возникновенію въ ней ничѣмъ не ограниченной самоувѣренности, сознанія своей силы, которой ничто въ данную минуту противостоять не можетъ. Толпа видитъ своими многочисленными глазами, что передъ ней все уступаетъ — люди, двери, ворота, дома, и практика этой безграничной, хотя и недолговременной, власти доводитъ ее до того градуса, когда становится нужна кровь, какъ высшее свидѣтельство власти..» Это положеніе, говоритъ г. Михайловскій, чревато прискорбными послѣдствіями и для одинокаго человѣка. Д-ръ Якоби, изслѣдованіе котораго посвящено знаменитымъ своею безумною жестокостью и распутствомъ римскимъ цезарямъ, указываетъ на то, что «это были всемірные владыки, которымъ воздавались боже-

скія почести и которые ни надъ собой, ни около себя, ни въ самихъ себѣ не знали никакихъ преградъ и предѣловъ. Это пріучало ихъ къ мгновенному исполненію всякой, казалось бы, самой невозможной фантазіи, каждаго мимолетнаго и сейчасъ же забытаго желанія, каждаго каприза, и тѣмъ самымъ атрофировало дѣятельность задерживающихъ центровъ и развинчивало, разслабляло цезарское «я» даже до степени рѣзко выраженнаго психическаго разстройства. Характерность этого явленія вызвала даже созданіе нѣмецкими психіатрами особаго термина Cäsarenwahnsinn для обозначенія такого спеціальнаго вида психической болѣзни, въ число симптомовъ которой входитъ какая то ироническая и вмѣстѣ съ тѣмъ сладострастная кровожадность... И эта же самая практика безконтрольной власти и силы и у толпы кружитъ головы до кровожадности».

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы, такимъ образомъ, имѣемъ предъ собой необузданность порываній, доходящую до ожесточенія, до сладострастія въ жестокости и кровожадности, какъ результатъ стремленій, не знающихъ никакихъ преградъ и предѣловъ ни внѣ личности, т. е. въ требованіяхъ внѣшней дѣйствительности, ни внутри ея—въ другихъ стремленіяхъ той же личности. Практика игнорированія всякихъ преградъ и предѣловъ есть проявленіе односторонняго и произвольнаго выдѣленія личности изъ остальной дѣйствительности (подобно тому, какъ гипнотикъ игнорируетъ все, кромѣ извѣстной точки). А такъ какъ игнорированіе имѣетъ очень мало общаго съ независимостью, то при этихъ условіяхъ для личности неизбѣжны на каждомъ шагу неожиданности, неизбѣжны неувѣренность и неустойчивость побужденій, легко раздражающія и сообщающія душевному строю характеръ необузданности, а при случаѣ и жестокости. При этомъ неустойчивая воля не только легко повинуется внѣшнимъ вліяніямъ, но и не менѣе легко поддается любому мимолетному внутреннему побужденію, какъ бы оно ни было произвольно, дико, жестоко. Отсюда эта легкость сочетанія пассивной безвольности съ необузданностью. Поэтому растерянная личность, съ разслабленнымъ и развинченнымъ «я», есть не только рабъ внѣшнихъ воздѣйствій, но и внутреннихъ случайныхъ порываній. Поэтому она не только пассивно покоряется, но и проявляетъ необузданность и произволъ. И именно потому, что необузданность и произвольное отношеніе къ дѣйствительности неизбѣжно отражаютъ въ себѣ растерянность личности, по существу въ нихъ заключается такое же рабское отношеніе къ дѣйствительности, какъ и въ пас-

сивномъ безволіи то же безсиліе, та же неустойчивость, та же способность ликвидировать и игнорировать все человѣческое какъ ни въ чемъ не бывало—подъ напоромъ перваго сильнаго толчка, откуда бы онъ ни исходилъ, извнѣ или извнутри.

Замѣчательную иллюстрацію этой характерной комбинаціи необузданности побужденій, переходящихъ въ жестокость, съ неувѣренностью и неустойчивостью побужденій, т. е. съ слабостью воли — представляетъ личность Іоанна Грознаго.

Константинъ Аксаковъ говоритъ объ Іоаннѣ Грозномъ, что «значеніе царя слилось въ его понятіи съ произволомъ и этотъ произволъ явилъ полное отсутствіе воли въ человѣкѣ, ибо отсутствіе воли и необузданная воля это все равно». Согласно г. Михайловскому, «главнымъ опредѣляющимъ факторомъ жизни и дѣятельности Грознаго является несчастное сочетаніе крайней слабости воли и сознанія съ непомѣрной властью».

Якоби говоритъ о новости и невыработанности идеи государства, какъ объ одномъ изъ условій, благопріятствовавшихъ психическому разстройству римскихъ цезарей. Историкъ Шампаньи, указывая на чудовищную обширность власти доставшейся Калигулѣ, какъ на одно изъ условій его душевнаго разстройства, тоже говоритъ о сравнительной новости во время Калигулы положенія цезарей. Точно также, говоритъ г. Михайловскій ново было и положеніе Грознаго это не былъ цезаризмъ, но во всякомъ случаѣ московское царство при Грозномъ отнюдь не было монархіей въ томъ смыслѣ, какой выработала позднѣйшая исторія. Іоаннъ былъ, употребляя его же выраженіе, «со вчерашняго дня государемъ», въ томъ смыслѣ, что онъ первымъ изъ московскихъ великихъ князей вѣнчался на царство. «Идеи царя и царства еще только нарождались, воспринимая въ себя и аттрибуты азіатскихъ владыкъ, падавшихъ къ ногамъ новаго царя, и аттрибуты византійскихъ императоровъ, блюстителей истинной вѣры и преемниковъ всемірнаго римскаго владычества. Все это еще только складывалось, опредѣлялось; открывались новые, еще смутные, но огромные и пугающіе своею огромностью горизонты, которые и вскружили голову Ивану IV». По словамъ Соловьева, вообще въ то время «вѣкъ задавалъ важные вопросы» и «во главѣ государства стоялъ человѣкъ, по характеру своему способный немедленно приступить къ ихъ рѣшенію». Но, какъ подробно доказываетъ г. Михайловскій, Іоанну эти задачи ни въ какомъ отношеніи не были по

силамъ ни по его уму, ни по его развитію и образованію, ни по характеру его интересовъ и привычекъ. Правда, этого несоотвѣтствія онъ могъ не сознавать и не чувствовать. Но что онъ несомнѣнно чувствовалъ и что его волновало, такъ это несоотвѣтствіе между его понятіями о власти, по праву ему принадлежавшей, и дѣйствительной его властью. Въ дѣтствѣ его, въ періодъ управленія страны бсярами, бояре, хотя и дѣлали, что хотѣли, но и ему предоставляли дѣлать, что онъ хочетъ, поощряя его капризы, и тѣмъ самымъ пріучая его не знать удержу своимъ стремленіямъ, т. е. не имѣть ничего устойчиваго, что бы руководило ими. И то же самое мы видимъ у него и впослѣдствіи. «Каждая мелькнувшая въ его головѣ или внушенная какимъ нибудь Грязнымъ или Басмановымъ мысль немедленно превращалась въ дѣйствіе, минуя всякіе задерживающіе центры. Гнѣвъ на сына въ ту же минуту разрѣшается убійственнымъ ударомъ костыля. Взглядъ на красивую женщину,—и она становится его второй, третьей, пятой, седьмой женой».

И это было въ немъ очень характерной чертой. Любое побужденіе не встрѣчало въ душевномъ строѣ Грознаго ничего устойчиваго, ничего руководящаго, оставаясь одинокимъ и обособленнымъ среди прочихъ его же собственныхъ побужденій, оторваннымъ отъ какихъ бы то ни было общихъ требованій, пользы государства, справедливости, религіи. «Пользы и нужды молодого объединеннаго государства не существуютъ Девлетъ-Гирей выжигаетъ Москву, Баторій наноситъ русскимъ войскамъ пораженіе за пораженіемъ, а царь хлопочетъ только о томъ, чтобы уколоть Баторія его малымъ королевскимъ достоинствомъ, да добиваетъ недобитыхъ воеводъ и совѣтниковъ, замѣняя ихъ шпонами, грабителями и кровопійцами. Добиваетъ же онъ воеводъ и совѣтниковъ не потому, что они измѣнники, а единственно потому, что они были виднѣе, цвѣтнѣе, все равно, какъ Калигула ненавидѣлъ высокихъ людей: просто они бросались въ глаза».

Такимъ же безсодержательнымъ, такимъ же лишеннымъ опредѣленныхъ побужденій онъ былъ во всемъ. «Въ религіозныхъ спорахъ онъ не интересуется сущностью дѣла, а ограничивается остротами въ родѣ «Лютеръ—лютъ». Въ писаніяхъ Грознаго нельзя не признать извѣстной талантливости, но это талантъ виртуоза стилиста, прикрывающій крайнюю скудость мысли. Онъ озабоченъ главнымъ образомъ не тѣмъ, чтобы убѣдить своего противника, а чисто словесной, риторской побѣдой. Онъ придирается къ словамъ, отвѣчаетъ

на мысль словами, имѣющими къ ней чисто внѣшнее, грамматическое отношеніе, играетъ словами, словами срываетъ зло сердца своего. Въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ впадаетъ въ многословіе и празднословіе, и самъ не можетъ не чувствовать безцѣльности своихъ словъ, но не въ силахъ сдержать себя».

Это отсутствіе опредѣленныхъ и устойчивыхъ руководящихъ побужденій дѣлало его съ одной стороны игрушкой собственныхъ страстей и капризовъ, и въ то же время безсильно подчиняло самымъ разнообразнымъ постороннимъ вліяніемъ. Но «легко повинуясь, онъ грозно возмущался противъ всякаго нравственнаго давленія, когда какой нибудь случай открывалъ ему глаза и онъ доходилъ до сознанія своей подчиненной роли. Всякій могъ хозяйничать въ этой душѣ, но подъ условіемъ, чтобы Іоаннъ не замѣчалъ этого. Ему можно было, говоритъ г. Михайловскій, до поры до времени и съ соблюденіемъ извѣстныхъ предосторожностей «шептать во ухо» все, что угодно: можно было нашептать и земскій соборъ, и опричину, и составленіе Судебника и полную безсудность всея Руси. Но чѣмъ слабѣе былъ Іоаннъ внутренно, тѣмъ важнѣе былъ для него внѣшній ореолъ власти. Между тѣмъ, вознесенный удачами, лестью и собственными аппетитами превыше всѣхъ земнородныхъ, сравниваемый то съ Августомъ, то съ Константиномъ Великимъ, онъ въ одинъ несчастный для Россіи день понялъ, что не онъ былъ иниціаторомъ совершившихся великихъ дѣлъ, что онъ совершилъ ихъ по указкѣ попа Сильвестра да «собаки» Адашева съ братіей. Съ горечью и раздраженіемъ пишетъ онъ о томъ Курбскому, какъ Сильвестръ, Адашевъ и другіе дѣлали, что хотѣли и правили царствомъ помимо царя. И эта обида за посягательство на его власть проходитъ яркимъ слѣдомъ чрезъ всю его жизнь, объясняя его страшную подозрительность, его раздражительность, его растерянность и его ожесточеніе. Притязаніе на власть безпредѣльную при вѣчномъ опасеніи, что на нее кто-то посягаетъ, при постоянномъ страхѣ за то, хватитъ ли силъ осуществить ее и быть господиномъ положенія совладать съ кознями и злоумышленіями — вотъ, что лишало Грознаго самообладанія и, наполняя его душу страхомъ и ожесточеніемъ, заставляло безумно неистовствовать въ проявленіяхъ своей власти и еще больше въ проявленіяхъ дикаго и жестокаго произвола. Какъ замѣчаетъ г. Ключевскій, «Иванъ дѣйствовалъ, какъ не въ мѣру испугавшійся человѣкъ, который, закрывъ глаза, билъ на-право и на-лѣво, не разбирая своихъ и чужихъ». Это былъ неистовый, не-

обузданный произволъ человѣка съ разслабленной волей,—у котораго побужденія не контролируются и не регулируются ничѣмъ устойчивымъ, ничѣмъ достаточно прочнымъ, чтобы противостоять временнымъ и случайнымъ дуновеніямъ. Болѣзненно придавленная въ своей потребности самостоятельнаго отношенія къ дѣйствительности, личность «грозно возмущалась» и неистово, жестоко протестовала, но по слабости воли протестовала произволомъ, т. е. по рабски неувѣренно и по рабски неустойчиво.

VII.

Комбинація пассивности и безволія съ разнузданностью и жестокостью имѣетъ мѣсто не только тамъ, гдѣ личность не знаетъ никакихъ преградъ и предѣловъ своимъ побужденіямъ, но и тогда, когда между потребностями и возможностью ихъ удовлетворенія представляются повидимому непреоборимыя преграды. Получающееся при этомъ чувство безысходности наступаетъ при обстоятельствахъ двоякаго рода, противоположныхъ по характеру, но сходныхъ по результату, а именно тогда, когда потребности систематически не удовлетворяются и когда онѣ систематически переудовлетворяются. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ съ теченіемъ времени наступаетъ притупленіе потребностей. И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, если положеніе почему нибудь представляется личности безысходнымъ, то является либо пассивное подчиненіе ходу событій, либо отчаяніе и растерянность, — либо стремленіе къ самообвиненію и самоуничиженію, либо разнузданность страстей и стремленій, доходящая до игнорированія предѣловъ человѣческой природы, — отчасти переходящая въ склонность превзойти эти предѣлы. На первый взглядъ эти два теченія не имѣютъ ничего общаго между собой. Но длинный рядъ историческихъ фактовъ свидѣтельствуетъ о несомнѣнной родственности ихъ, о какой-то тѣсной связи между ними. Они всюду появляются рядомъ, одновременно, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, и легко переходятъ одно въ другое. Крупныя общественныя бѣдствія—неурожаи, голодовки, повальныя болѣзни, пожары, нашествія иноплеменниковъ или внутреннія смуты — вообще случаи безсилія личности въ столкновеніи со зломъ — во всѣ вѣка разрѣшаются, съ одной стороны, бѣгствомъ въ монастыри и пустыни для спасенія души, изможденіемъ плоти и покаяніемъ въ грѣхахъ,

а съ другой стороны, и въ то же время,—всяческой разнузданностью и всевозможнымъ распутствомъ, разгуломъ и непстовствами Точно также и чрезмѣрность въ наслажденіяхъ неизмѣнно находитъ себѣ исходъ, съ одной стороны, въ чувствѣ разочарованія въ жизни, а съ другой—въ незнающей никакихъ предѣловъ жаждѣ новыхъ наслажденій. Эта комбинація приниженія жизни и самоуниженія личности съ разнузданностью стремленій и требованій нашла себѣ также выраженіе въ многочисленныхъ сектахъ и движеніяхъ религіознаго характера. По словамъ г. Михайловскаго, въ чудовищныхъ культахъ древняго Египта. Ассиріи, Вавилона, Финикіи самыя страшныя самоистязанія сочетались съ свирѣпою жестокостью, до мучительскихъ человѣческихъ жертвоприношеній, и съ оргіями разврата. Комбинація тѣхъ же элементовъ имѣла мѣсто въ греческихъ и римскихъ вакханаліяхъ, и она же проходитъ чрезъ всѣ средніе вѣка у самобичевателей или флагеллантовъ, появившихся въ XIII вѣкѣ и имѣвшихъ послѣдователей вплоть до XVII столѣтія. «Огромная толпа полураздѣтыхъ мужчинъ и женщинъ переходила съ мѣста на мѣсто, распѣвая священныя пѣсни и нанося себѣ кровавые удары, жестоко истязуя себя ударами ременныхъ плетей, въ которыя вплетались еще кусочки заостреннаго желѣза.. И въ то же время въ Испаніи флагелланты носили цвѣта любовницъ на плети, бичевались передъ ихъ окнами, при встрѣчѣ съ красивой женщиной наровили ударить себя такъ, чтобы кровь брызнула на нее. Спеціальный историкъ аскетизма говоритъ о «формальныхъ преступленіяхъ и то утонченныхъ, то скотски грубыхъ ужасахъ разврата въ флагеллантизмѣ, исторіей развитія которыхъ можно бы было наполнить многія страницы, пожалуй цѣлые томы мистически-уголовной исторіи и статистики». По тому же поводу тотъ же историкъ указываетъ на «сладострастно жестокое наслажденіе, испытываемое человѣкомъ отъ собственнаго или чужого физическаго страданія». Современные путешественники также свидѣтельствуютъ о параллелизмѣ мистическаго экстаза съ распущенностью и оргіями.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ своеобразной комбинаціи аскетизма съ разнузданностью все сводится къ тому, что въ столкновеніи съ препятствіями личность теряется, когда она признаетъ условія, которыя не даютъ ей удовлетворенія потребностей, роковыми, не подлежащими воздѣйствію. А теряясь, и вслѣдствіе этого раздражаясь, она какъ бы забѣгаетъ впередъ даннымъ фактическимъ условіямъ, принимаемымъ ею за роковыя, и вступаетъ въ борьбу съ

самой природой человѣка, съ собственными потребностями, стремясь задавить ихъ въ себѣ, какъ нестерпимо безпокойный источникъ страданій безъ исхода. Но борьба эта по самому существу своему безнадежна, побѣда тутъ немыслима. Чѣмъ рѣзче и грубѣе мѣры насилія противъ бунтующихъ потребностей, тѣмъ необузданнѣе и грубѣе взрывы похотей, выражающіе въ этомъ случаѣ месть оскорбленной природы, задержанной въ своихъ нормальныхъ проявленіяхъ и потому прорывающихся въ болѣзненныхъ, грубыхъ, низменныхъ формахъ. «Какъ запруженная рѣка, говоритъ г. Михайловскій, на далекія пространства затопляетъ окрестности около мѣста запруды, такъ низшая потребность, которой загороженъ свободный переходъ въ высшую, затопляетъ собою всего человѣка Заглушенныя потребности вспыхиваютъ при первомъ удобномъ случаѣ и удовлетворяютъ себя уже безъ всякаго удержу». Стремленіе растерянной личности къ насильственному сокращенію предѣловъ человѣческой природы по естественному порядку вещей вызываетъ болѣзненныя въ своей необузданности порыванія, легко доводящія до забвенія этихъ предѣловъ, а именно до стремленія выйти за ихъ границы. Ницше какъ то говоритъ, что въ общемъ строѣ человѣческихъ стремленій излишество есть врагъ необходимаго, т. е. другими словами, что стремленіе къ ненужному отнимаетъ силу у стремленій къ тому, что нужно человѣку. Какъ видимъ, и обратное справедливо Насильственное подавленіе необходимыхъ человѣку потребностей вызываетъ излишество потребностей, сообщаетъ имъ оттѣнокъ чего то ненужнаго—съ точки зрѣнія совокупности и гармоніи человѣческихъ потребностей. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ,—и тогда, когда содержимое жизни обнаруживаетъ стремленіе перелиться черезъ край, выйти за границы человѣческаго существованія, и тогда, когда въ этихъ границахъ остаются пустыя пространства,—личность раньше или позже должна испытать безпокойное душевное раздвоеніе: съ одной стороны, она отрекается отъ тѣхъ или другихъ элементовъ человѣческой природы, высокомѣрно презираетъ ихъ, стремится ихъ задавить; а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, она отъ времени до времени должна чувствовать свою зависимость отъ нихъ. И какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ имѣетъ мѣсто большая или меньшая ликвидація требованій человѣческой индивидуальности предъ требованіями, которыя личность по недоразумѣнію принимаетъ близко къ сердцу. Ближайшій анализъ неизбѣжно обнаруживаетъ, что личность пассуетъ тутъ—съ одной стороны предъ требованіями обще-

ственныхъ индивидуальностей, въ составъ которыхъ она входитъ (т. е. предъ требованіями сословными, національными, семейными, профессіональными и т. д.), а съ другой стороны—предъ требованіями оторванныхъ отъ нея низшихъ индивидуальностей, составляющихъ ея часть (т. е. отдѣльно взятыхъ запросовъ ума, чувства, воли). А такъ какъ при подобныхъ условіяхъ должна ослабнуть способность стойко, послѣдовательно и устойчиво противопоставлять дѣйствительности человѣческую точку зрѣнія, то необходимымъ слѣдствіемъ этого является большая или меньшая растерянность—въ качествѣ неизбѣжной особенности личности, вольно или невольно отрекающейся отъ тѣхъ или другихъ элементовъ человѣческаго существованія. Произволъ разнузданнаго своевольнаго отношенія къ дѣйствительности и жестокаго тираническаго отношенія къ человѣку—являются, такимъ образомъ, своеобразнымъ, но естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ рабской пассивности—этой основной чертѣ децентрализованной, обезличенной индивидуальности

VIII.

Мы выше видѣли, что обезличенность, какъ результатъ узкаго, односторонняго и обособленнаго характера побужденій, вноситъ въ душевный строй не только пассивное *отреченіе отъ человѣческихъ требованій*, но и до извѣстной степени разрѣшается активными проявленіями *„негуманности“*. Міровоззрѣніе г. Михайловскаго, обнаруживая общую основу того, что умаляетъ и нарушаетъ чисто человѣческое отношеніе къ дѣйствительности, тѣмъ самымъ съ особенной ясностью раскрываетъ все разнообразіе этихъ проявленій негуманности, выражающихся и въ стремленіи устранить изъ науки элементъ субъективный, изъ нравственности—то элементъ общественный, то элементъ личный, изъ искусства—мысль и мораль, изъ общественности—проявленія идеальныхъ побужденій и личной иниціативы.

Среди различныхъ проявленій утраты личностью чисто человѣческихъ руководящихъ началъ и связанной съ этимъ растерянности, совершенно особенное и очень выдающееся мѣсто занимаетъ стремленіе личности искать себѣ опоры во всякаго рода туманныхъ, мистическихъ началахъ, сверхличныхъ и даже сверхчеловѣческихъ,—стремленіе особенно типичное для состоянія растерянности. Явленія этой категоріи очень своеобразно и интересно иллюстрируются столь распространенными въ исторической жизни народовъ явленіями политическаго и религіознаго самозванства.

Въ 1841 году, разсказываетъ г. Михайловскій, къ знаменитому поэту Мицкевичу, бывшему тогда однимъ изъ центровъ польской эмиграціи въ Парижѣ, явился нѣкто Товянскій и заявилъ ему, что близокъ часъ воскресенія Польши, что дѣло это предназначено совершить ему, Товянскому, въ тѣло котораго воплотился духъ Наполеона. Мицкевичъ и польскіе эмигранты увѣровали въ Товянскаго и одинъ изъ нихъ, графъ Пильховскій, въ оффиціально засвидѣтельствованномъ документѣ призналъ себя подданнымъ Товянскаго, а послѣдняго - всемірнымъ правителемъ. Г. Михайловскій комментируетъ этотъ странный эпизодъ такъ. «Товянскій своей безумной вѣрой и нераздвоенной рѣшительностью удовлетворялъ смутнымъ и неопредѣленнымъ позывамъ кучки польскихъ эмигрантовъ. Придавленная скорбью, постоянно занятая мыслью о судьбѣ родины, она съ восторгомъ встрѣтила безумца, который взялъ на себя новый починъ; за этотъ обманчивый лучъ свѣта, такъ просто разрѣшавшій сомнѣнія и колебанія, она, безконечно благодарная, отдавала себя, въ лицѣ Пильковскаго, въ полное распоряженіе Товянскаго: пусть онъ все возьметъ—имущество, жизнь, волю, лишь бы выйти изъ напряженнаго состоянія».

Характерная особенность въ данномъ эпизодѣ—это самозванство Товянскаго: онъ выдавалъ себя за мессію и за Наполеона. Изслѣдуя на многихъ историческихъ примѣрахъ эту любопытную черту, г. Михайловскій обращаетъ вниманіе на то, что лже-пророки, лже-мессіи и самозванные претенденты на новые троны вліяли на людей децентрализованныхъ, да и сами были людьми съ душевнымъ строемъ децентрализованнымъ. «И сами они, и ихъ послѣдователи часто подвергались эпилептическимъ припадкамъ и, среди конвульсій, кричали и пророчествовали на неизвѣстныхъ имъ языкахъ. Душевныя состоянія этого рода нерѣдко сопровождаются присутствіемъ очень выдающихся душевныхъ качествъ. Это зналъ еще Платонъ, когда утверждалъ, что «Богъ даруетъ мантику (предвидѣніе) только человѣку, лишенному разума». И согласно г. Михайловскому, «Буше-Леклеркъ очень вѣрно комментируетъ это изреченіе, говоря, что для «мантики» индивидуальность должна быть предварительно ослаблена или уничтожена восторженностью, сномъ или болѣзнью Дѣйствительно, человѣкъ, достигшій, вслѣдствіе большаго или меньшаго помраченія сознанія и воли, децентрализаціи своего «я», способенъ улавливать такіе признаки какого-нибудь явленія, которые обыкновеннымъ, здоровымъ людямъ недоступны. Вдобавокъ съ ними случается то же

самое, только въ большей степени, что бываетъ и съ здоровыми людьми, когда изъ нѣдръ безсознательнаго вступаютъ, повидимому, неизвѣстно откуда, таинственно полученные образы, картины, фактическія знанія. Если прибавить, что при нѣкоторыхъ формахъ ослабленія сознанія и воли утрачивается чувство боли и горя, то станетъ понятнымъ, говоритъ г. Михайловскій, почему человѣчество издревле почитало людей децентрализованнаго «я» сверхъестественно могучими и святыми. По своему они дѣйствительно могучи. Эти люди становятся огромной силой, передъ которой преклоняется толпа, когда они обладаютъ свойствами, гипнотизирующими толпу, и когда обстоятельства предварительно сдѣлали толпу воспріимчивой къ гипнотизаціи, т. е когда однообразіе впечатлѣній, скудость жизни, узость интересовъ, односторонность духовной дѣятельности сдѣлали изъ личности раба, жадно ищущаго передъ кѣмъ преклониться, кому отдать въ руки свою волю»

Но при этомъ ихъ самихъ ставитъ втупикъ ихъ собственное могущество. «Какимъ бы авторитетомъ эти децентрализованныя личности ни пользовались и какія бы чудеса онѣ ни совершали, по существу дѣла онѣ рабы, рабы всякаго впечатлѣнія, которому не могутъ противопоставить никакой преграды, которое неотразимо кладетъ на нихъ свою печать (stigma). Когда мученикъ, чувствуя боль, не выдаетъ себя ни стономъ, ни жестомъ, то онъ держитъ всѣ свои органы въ строгомъ подчиненіи,—онъ, значитъ, владѣетъ собой, господинъ положенія. Когда же средневѣковая вѣдьма умираетъ такою же мучительною смертію, такъ же безстрашно, то ей нечего и обнаруживать,—она просто не чувствуетъ боли, потому что развинченный организмъ ея утратилъ всѣ атрибуты индивидуальности цѣльнаго я, въ томъ числѣ и способность чувствовать боль».

Личность въ этомъ состояніи побуждается непонятными ей могучими вліяніями, къ которымъ примыкаетъ и въ которыхъ участвуетъ не какъ цѣльная личность, а только нѣкоторыми своими элементами. Не владѣя ими, привыкшая чувствовать себя по отношенію къ нимъ безпомощной, она получаетъ склонность приписывать именно этимъ темнымъ элементамъ, не поддающимся ея воздѣйствію, этимъ источникамъ своего собственнаго безсилія,—значеніе чего-то стоящаго выше личнаго, таинственно сверхчеловѣческаго. «Люди децентрализованнаго я, говоритъ г. Михайловскій, никогда не дѣйствуютъ отъ своего личнаго имени, ихъ всегда кто нибудь послалъ .. Человѣкъ, опьяненный настоемъ или отваромъ мухомора,

приписываетъ всѣ свои ни съ чѣмъ несообразные поступки велѣніями мухомора мухоморъ приказалъ идти туда-то и сдѣлать то-то». Точно также обожествляются наркотическіе напитки—индійская «сома», иранская «гаома».

То, что лишаетъ личность самообладанія, ослабляетъ ея индивидуальность, является такимъ образомъ предметомъ поклоненія. Въ этомъ сказывается, рядомъ съ побужденіемъ, которое заставляетъ птичку кидаться въ пасть гипнотизирующей ее змѣи, своеобразная потребность личности, чувствующей свою растерянность и не довѣряющей самой себѣ, искать себѣ опору въ чемъ нибудь внѣличномъ,—жажда личности, потерявшей самообладаніе, получить власть надъ собой и надъ дѣйствительностью путемъ сверхъестественнымъ, магическимъ, въ обходъ человѣческой и личной основѣ вещей Однако при этомъ претенціозный ореолъ безличнаго, сверхчеловѣческаго и сверхъестественнаго является поощреніемъ къ тому, чтобы навязать любому изъ своихъ побужденій—сословныхъ, классовыхъ, профессіональныхъ, или узко личныхъ, какъ бы они ни были случайны, преходящи и односторонни,—значеніе чего-то не подлежащаго никакому контролю и ограниченію. Это—самое вѣрное поощреніе произвола, ничѣмъ не регулируемаго. Поэтому, гдѣ у личности является склонность опираться на безличныя или сверхчеловѣческія начала, тамъ имѣются всѣ шансы для всякаго рода произвольныхъ отношеній къ дѣйствительности. Поэтому то въ бурныхъ общественно политическихъ движеніяхъ, когда протестъ личности противъ собственнаго безсилія и растерянности принимаетъ мистически безличную форму, подъ ея прикрытіемъ на историческую сцену въ такомъ изобиліи являются самозванцы, а вмѣстѣ съ ними—типическая комбинація потребности отдавать свою волю въ чужія руки съ склонностью тиранически произвольнаго отношенія къ личности и ея достоинству: крайнія проявленія аскетизма, съ одной стороны, и разнузданности страстей—съ другой, смиренія, съ одной стороны, и дикаго насилія надъ личностью, съ другой. Точно также и въ области мирныхъ духовныхъ стремленій, въ области сужденій о явленіяхъ общественныхъ, нравственныхъ, юридическихъ, въ сферѣ искусства и критики, когда протестъ противъ своего безсилія со стороны личности, чувствующей свою растерянность въ столкновеніи со сложностью жизни, принимаетъ характеръ преклоненія предъ безличнымъ и сверхчеловѣческимъ, неизбѣжно является элементъ самозванства. Получается самозванное навязываніе частнымъ и исключительнымъ эле-

ментамъ жизни, приписываніе узко-личнымъ, профессіональнымъ или сословнымъ интересамъ и требованіямъ — значенія чего то сверхчеловѣческаго, т. е. произвольно возвышеннаго. При этомъ является, съ одной стороны, фаталическая ликвидація требованій человѣческой индивидуальности предъ внѣличнымъ и сверхчеловѣческимъ, а съ другой стороны—произвольное и растерянное подсовываніе подъ эти туманныя начала чего угодно, любого изъ своихъ побужденій, какъ бы оно ни было исключительно и какой бы ничточный элементъ жизни оно собой ни представляло. Притязанія личности, какъ на мистическое, такъ и на безличное, или сверхличное отношеніе къ дѣйствительности, являются такимъ образомъ выраженіемъ комбинаціи безвольнаго и произвольнаго къ ней отношенія, неизмѣнно присущихъ обезличенной и растерянной индивидуальности.

IX.

Никому въ такой степени не свойственно энергичное противоставленіе человѣческой личности и ея требованій силѣ внѣшнихъ воздѣйствій, какъ людямъ большихъ силъ и способностей. Но у нихъ же съ особенной яркостью обнаруживается, какимъ образомъ односторонность и исключительность руководящихъ побужденій сообщаетъ оттѣнокъ обезсиленнаго и растеряннаго отношенія къ дѣйствительности даже самымъ смѣлымъ идеальнымъ стремленіямъ. Замѣчательную иллюстрацію къ этому представляютъ нѣкоторыя стороны дѣятельности гр. Льва Толстого.

Гр. Левъ Толстой, какъ моралистъ, предъявляетъ человѣку очень высокія требованія—любви, самоотверженія, правды и т. д. Но страстно отдаваясь этимъ возвышеннымъ началамъ, онъ при этомъ беззавѣтно вѣруетъ въ исключительную силу нравственной проповѣди.

Гр. Толстой, напримѣръ, не одобряетъ тѣхъ порядковъ, при которыхъ рабочій только работаетъ, землепашецъ только землю пашетъ, мыслитель только мыслитъ и т. д., и каждый изъ нихъ не живетъ тою полнотой жизни, къ какой способенъ человѣкъ. При этомъ онъ не считаетъ такой порядокъ необходимымъ, неизбѣжнымъ, неотмѣннымъ. Какимъ же, спрашивается, образомъ домогаться иного порядка вещей? Къ разрѣшенію этой задачи, говоритъ г. Михайловскій, можно подойти съ двухъ сторонъ, нисколько другъ другу не

противорѣчащихъ, даже напротивъ—необходимо помогающихъ другъ другу, а именно: со стороны общественной реформы и со стороны личнаго самосовершенствованія. Гр Толстой придаетъ исключительное значеніе послѣднему средству и рѣшительно отвергаетъ первый способъ рѣшенія задачи. Съ его точки зрѣнія предъ лицомъ, напр, крѣпостного права всѣ усилія должны бы быть исключительно направлены на то, чтобы будить совѣсть помѣщиковъ, возбуждать личное достоинство крестьянъ и именно этимъ путемъ уничтожить все зло крѣпостного права, не уничтожая предварительно его самого, какъ извѣстный строй. Признавая во всѣхъ такихъ случаяхъ единоспасающее значеніе за правилами личной морали и самосовершенствованія, гр. Толстой считаетъ общественныя условія ихъ осуществленія не заслуживающими вниманія. Однако, теоретически игнорируя эти условія съ высоты отвлеченныхъ отъ нихъ принциповъ, онъ, благодаря этому, практически не только подпадаетъ подъ ихъ власть, но подвергается опасности по рабски преклониться предъ ними, такъ какъ, игнорируя ихъ значеніе, онъ даже не подвергаетъ ихъ оцѣнкѣ, не разбираетъ, подлежатъ ли онѣ измѣненію и воздѣйствію. Получается неизбѣжное противорѣчіе—между предъявленіемъ возвышенныхъ принциповъ и смиреннымъ преклоненіемъ предъ условіями, отъ которыхъ зависитъ ихъ осуществленіе и которыя сплошь и рядомъ исключаютъ эти принципы. Именно этого рода противорѣчія, согласно г. Михайловскому, составляютъ нѣкоторую общую скобку, за которую могутъ быть поставлены Толстой, Достоевскій и Гоголь въ ихъ учительской дѣятельности, отмѣченной «смиреніемъ», съ одной стороны, и «ханжескимъ самодовольствомъ богозванцевъ», съ другой,—«дѣятельности, сотканной изъ противорѣчій смиренія и гордости, разговоровъ объ огромномъ журавлѣ въ небѣ и спокойнаго обладанія жалкой синицей въ рукахъ, теоретическихъ объятій, раскрываемыхъ всему человѣчеству, и практическаго резонерства въ видахъ собственнаго самодовольства». Такъ, напримѣръ, гр. Толстой видитъ рѣшеніе вопроса о правильномъ раздѣленіи труда въ распредѣленіи дня на четыре части или упряжки, такъ чтобы одна часть дня—первая упряжка, была посвящена тяжелому труду, другая—умственному, третья ремесленному и четвертая—общенію съ людьми. «Мнѣ представилось, пишетъ онъ, что тогда только уничтожится то ложное раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ, и установится то справедливое раздѣленіе труда, которое не нарушаетъ счастія человѣка». Но рекомендуя свою программу для осу-

ществленія данной цѣли, говоритъ г. Михайловскій, онъ не хотѣлъ знать о томъ, кто можетъ выполнить ее, даже при искреннѣйшемъ желаніи, — доступна ли она хотя бы тому наборщику, который ее набиралъ, деревенскому жителю и т. д. Въ дѣйствительности она доступна только немногимъ счастливцамъ. Поэтому-то въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, и выходитъ, что хотя гр. Толстой и ратуетъ противъ роскоши и за трудъ, но практически онъ рекомендуетъ не трудъ, а именно роскошь, доступную ему самому, но совершенно недоступную огромному большинству, и тѣмъ самымъ санкціонируетъ то самое «ложное раздѣленіе труда», съ которымъ хочетъ бороться своей проповѣдью труда и протестомъ противъ роскоши.

И это не случайность въ міросозерцаніи и пріемахъ мысли гр. Толстого, а характерная черта, коренящаяся въ склонности возводить на степень общеобязательнаго, для всѣхъ равно необходимаго закона природы— то, что есть только продуктъ извѣстныхъ частныхъ условій—общественныхъ или даже спеціально личныхъ При такой постановкѣ любой коллизіи человѣческихъ чувствъ и потребностей съ внѣшними обстоятельствами придается характеръ чего-то безысходнаго, потому что при подобномъ съуженіи кругозора человѣку свойственно быть подавленнымъ фактомъ, какъ это бываетъ и съ гипнотикомъ, принимать фактъ за нѣчто роковое Предъ лицомъ такой роковой коллизіи между потребностями и дѣйствительностью растерянная мысль не находитъ ничего другого, кромѣ безысходнаго морализованія и «тиранства естества»—т. е. столь же безысходнаго стремленія аскетически урѣзать самыя потребности. Къ этому дѣйствительно и сводится все въ нравственныхъ поученіяхъ гр. Толстого.

Въ «Крейцеровой Сонатѣ» изображена тяжелая драма на почвѣ отношеній между мужемъ и женой. Между Позднышевымъ и его женой нѣтъ никакой связи, кромѣ физической. Они совершенно чужды другъ другу, и въ то же время чувствуютъ себя неразрывно связанными, что естественно должно вызывать вражду между ними, даже безъ видимыхъ причинъ. По выраженію Позднышева, это взаимное озлобленіе есть протестъ человѣческой природы противъ животнаго, которое подавляетъ ее. «Если бы, говоритъ г. Михайловскій, Позднышевъ могъ себѣ представить другой порядокъ вещей, другія отношенія между мужчиной и женщиной, если бы мысль его не была до такой степени плѣнена данными развратными отношеніями, то онъ

поставилъ бы свой печальный личный опытъ въ извѣстные предѣлы и сказалъ бы: мнѣ и моей женѣ не удалось испытать настоящей любви, мы знали только голую, обнаженную животную любовь; извлеките же изъ нашей судьбы урокъ, старайтесь, всемѣрно старайтесь не о томъ, чтобы въ корень подкосить естественное чувство животной любви,—это невозможно и не нужно,—а о томъ, чтобы любовь не оставалась на этой низшей ступени, чтобы она не оставалась голою; старайтесь, чтобы мужчины и женщины имѣли какъ можно больше общихъ духовныхъ интересовъ, дабы въ этомъ единеніи освятилось и одухотворилось животное чувство». Но Позднышевъ, возмущаясь безобразіемъ данныхъ отношеній, дѣлаетъ изъ нихъ тотъ выводъ—что половая любовь «неестественна». Такимъ образомъ, тотъ порядокъ, тѣ условія, при которыхъ получаются подобныя отношенія между мужемъ и женой, оказываются какъ бы не причемъ, а свойственное человѣку половое чувство приговаривается безпощадному сокращенію и даже искорененію—во имя возвышенныхъ идеальныхъ требованій. Вооруженный этими высокими требованіями, Позднышевъ не останавливается предъ борьбой съ природой человѣческой и, какъ выражается г. Михайловскій, «учитъ природу естественности». Но при этомъ, благодаря игнорированію той сложности и того разнообразія условій, которыя въ состояніи такъ или иначе оттѣнить данное чувство и тѣмъ самымъ сообщить ему такой или иной характеръ, благодаря сведенію задачи къ нравственной проповѣди воздержанія,—вся возвышенность требованій разрѣшается у него полнымъ безсиліемъ мысли предъ зломъ дѣйствительности, потому что во всѣхъ его разсужденіяхъ, во всѣхъ его нападкахъ противъ зла—данный характеръ отношеній представляется ему неизбѣжнымъ, лежащимъ въ самой природѣ вещей. Иначе, какъ подъ ихъ руководствомъ, онъ не можетъ смотрѣть на весь Божій міръ; подъ ихъ давленіемъ онъ судитъ и о музыкѣ, и о женскомъ образованіи, и о семьѣ, пригибая все въ своихъ сужденіяхъ къ этимъ фактическимъ отношеніямъ—въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ данное время и въ данной обстановкѣ. Спрашивается, что жъ остается послѣ этого отъ возвышенныхъ требованій, въ чемъ отражается ихъ вліяніе?— Остается только одна проповѣдь нравственныхъ идей,—проповѣдь ради проповѣди, ради процесса построенія въ воображеніи стройныхъ картинъ, не имѣющихъ шансовъ осуществленія въ дѣйствительности.

И вращаясь въ этомъ процессѣ построенія идеальныхъ тре-

бованій, лишенныхъ исхода, и мучимая его безысходностью, мысль со временемъ пріучается къ его безцѣльности, что и даетъ себя чувствовать во всей дѣятельности гр. Толстого, какъ моралиста «Процессъ душевной работы и стройность умственныхъ построеній до такой степени поглощаютъ его, — говоритъ г. Михайловскій, что онъ спокойно, равнодушно относится къ тому, въ какой степени эта внутренняя работа можетъ найти осуществленіе въ дѣйствительности, въ какой степени она цѣлесообразна и можетъ повлечь за собой какіе нибудь практическіе результаты». Такъ, онъ «знаетъ и исповѣдуетъ прелесть неизвѣстности, въ коей утонулъ богоугодный старикъ сказки «Два старика», а самъ гремитъ по всему міру съ каждымъ маленькимъ движеніемъ души, съ каждымъ сшитымъ имъ сапогомъ, и спокоенъ. Онъ считаетъ свои прежнія сочиненія ложью и съ чистою совѣстью смотритъ, какъ эта ложь распространяется и улавливаетъ въ свои сѣти все новыя и новыя сердца... Онъ проповѣдуетъ любовь къ ближнему и помощь ему, и въ то же время говоритъ: не помогай ближнему деньгами, не помогай знаніемъ, не помогай дѣятельнымъ вмѣшательствомъ противъ зла, вообще не противься злу. Всѣмъ этимъ онъ отклоняетъ самые распространенные и удобные виды помощи ближнему».

Не то интересно во всѣхъ этихъ случаяхъ, что гр. Толстой противорѣчитъ себѣ, а достойно вниманія, что въ основѣ всѣхъ противорѣчій этого рода лежитъ одно и то же коренное противорѣчіе—между высокомѣрнымъ отношеніемъ къ практикѣ жизни спеціалиста мыслителя и моралиста, съ одной стороны, а съ другой—безсиліемъ и растерянностью его по отношенію къ ней. Во всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ сказывается произвольность, неустойчивость, и въ тѣсной связи съ этимъ—безсиліе руководящихъ началъ, какъ неизмѣнный результатъ притязанія навязать жизни въ ея цѣломъ содержаніе и смыслъ одного обособленнаго уголка ея. Гр. Толстой лично отрекся отъ роскоши, отъ потребности художественнаго творчества, отъ потребности участія въ общественной жизни противленіемъ злу, наконецъ, отъ потребности половой любви. Отъ всего этого онъ стремится отречься теперь, въ извѣстномъ возрастѣ, при извѣстныхъ спеціальныхъ условіяхъ, въ свое время взявши отъ жизни все, что можно взять. И найдя при этихъ исключительныхъ условіяхъ, на этомъ спеціальномъ пути высокую степень нравственнаго удовлетворенія и счастья, онъ рекомендуетъ тотъ же путь къ счастью и нравственному совершенству всѣмъ людямъ, возводя такимъ образомъ на степень универсальнаго

закона то, что соотвѣтствуетъ его личнымъ условіямъ въ данный исключительный періодъ его жизни, когда цѣльный живой человѣкъ стушевался въ немъ предъ спеціалистомъ моралистомъ. На почвѣ подобнаго рода склонности неизбѣжно должна явиться спутанность и неустойчивость, потому что случайныя спеціальныя условія сегодняшняго дня могутъ измѣниться завтра и быть непримѣнимыми при новыхъ обстоятельствахъ, въ новомъ мѣстѣ, какъ вообще все спеціальное, исключительное не можетъ служить сколько нибудь устойчивымъ руководящимъ началомъ. А неустойчивость въ руководящихъ началахъ неизбѣжнымъ образомъ влечетъ за собой, съ одной стороны, безысходное, а съ другой—растерянное отношеніе къ дѣйствительности. Первое выразилось у гр. Толстого въ склонности къ процессу морали ради морали, къ безцѣльному, по своему существу, процессу исключительно внутренняго самосовершенствованія, безъ отношенія къ общественнымъ условіямъ, и ярче всего — въ проповѣди непротивленія злу. Второе-же—по преимуществу, въ претензіи бороться съ природой человѣка.

Мы не будемъ здѣсь дольше останавливаться на конкретныхъ примѣрахъ того, какъ освѣщается съ точки зрѣнія г Михайловскаго столкновеніе крупной индивидуальности съ внѣшними условіями жизни, когда эти условія, складываясь неблагопріятно, стремясь сократить полноту личнаго существованія, даютъ побужденіямъ ненормальное направленіе, отклоняя ихъ отъ служенія интересамъ цѣлостной человѣческой личности, отъ служенія гуманнымъ задачамъ— къ задачамъ «ненужнымъ», безцѣльнымъ, безысходнымъ и прямо таки мучительнымъ. Въ этомъ отношеніи изслѣдованія г. Михайловскаго о жестокомъ мучительскомъ и мрачномъ характерѣ творчества Достоевскаго и особенно его характеристика трагической судьбы Лермонтова — представляютъ изъ ряда вонъ выходящій интересъ, притомъ интересъ общій, независимый отъ того, что дѣло идетъ именно о Достоевскомъ и Лермонтовѣ. Интересъ тутъ заключается въ положеніи личности съ большими силами, которой обстоятельства не даютъ развернуться во всю ширь ея способностей и инстинктивныхъ порываній, ищущихъ исхода и приложенія. Терзаемая насиліемъ надъ своей природой, безысходностью и, такъ сказать, ненужностью своихъ силъ, крупная личность легко переходитъ изъ роли жертвы въ наступательную роль, при данныхъ условіяхъ неизбѣжно болѣзненную по своему характеру. Раздражаемая безысходно и теряя самообладаніе, она научается находить мучительное удовольствіе въ

самой безысходности своихъ стремленій, и, вмѣсто отстаиванія цѣлесообразныхъ задачъ, испытываетъ болѣзненное наслажденіе въ томъ, чтобы мучить и себя, и другихъ стремленіями безъ цѣли и безъ исхода.

X

Рядомъ съ разсмотрѣнными отрицательными проявленіями драматической борьбы личности съ враждебными ей элементами мы не должны упустить изъ виду положительныя силы- двигатели этой борьбы.

Въ общей картинѣ борьбы личности за цѣлостность своего существованія, за самостоятельное отношеніе къ дѣйствительности, — въ этой борьбѣ противъ обезличенія, — болѣзненныя уклоненія въ сторону безъисходныхъ стремленій къ «ненужному» занимаютъ, правда, очень значительное мѣсто. Но тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ положительная основа этой борьбы,—та сторона ея, которая обнаруживаетъ шансы личности на побѣду Эта болѣе свѣтлая часть занимающей насъ исторической картины является у г. Михайловскаго не въ качествѣ чисто кабинетныхъ построеній мечтателя. Въ его міровоззрѣніи въ данномъ отношеніи только ярче и послѣдовательнѣе выступаетъ то, что занимаетъ, и во всѣ времена занимало, въ дѣйствительной жизни свое очень опредѣленное реальное мѣсто. И въ то же самое время, то, что г. Михайловскій посвящаетъ этой сторонѣ дѣла, представляетъ собой даже въ его литературномъ багажѣ, столь богатомъ по содержанію, нѣчто исключительное по цѣнности.

Когда читатель знакомится съ этой положительной стороной міровоззрѣнія г. Михайловскаго, — въ его критическихъ изслѣдованіяхъ о гр. Л. Толстомъ и Шиллерѣ, о Бѣлинскомъ, Гл. Успенскомъ, Лермонтовѣ, Щедринѣ, Ибсенѣ, Щелгуновѣ и въ другихъ мелкихъ статьяхъ,— то онъ, конечно, можетъ и не замѣтить, что предъ нимъ развертывается положительная сторона ученія о «борьбѣ за индивидуальность», составляющаго, такъ сказать, внутренній скелетъ ихъ. Но и для читателя незнакомаго съ этимъ ученіемъ г. Михайловскаго, или относящагося къ нему съ недостаточнымъ вниманіемъ, при всей внѣшней разрозненности указанныхъ работъ, никоимъ образомъ не можетъ укрыться господствующая въ нихъ и связывающая ихъ между собой общая идея, или, вѣрнѣе выражаясь —общая забота. Это—забота о личномъ и человѣческомъ достоин-

ствѣ, относительно которой не достаточно было бы сказать, что она «красною нитью» чрезъ нихъ проходитъ, потому что она проникаетъ ихъ цѣлой кровеносной системой, съ живой красной кровью, и сообщаетъ имъ живое единство. Безъ руководящаго принципа — читатель во многихъ деталяхъ этихъ работъ, а иногда и въ существенномъ, —остановится предъ неразрѣшимыми противорѣчіями или неясностями, если упуститъ изъ виду практическое руководящее начало, которое въ нихъ господствуетъ. Это практическое начало, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ и высокій принципіальный интересъ Оно указываетъ на ту реальную силу, на тотъ конкретный стимулъ, которые побуждаютъ личность, рядомъ съ заботой о своей пользѣ, о своемъ счастьѣ, о своихъ спеціально личныхъ интересахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ бороться и за свою индивидуальность. или другими словами— тотъ стимулъ, который побуждаетъ личность, рядомъ съ своими интересами, какъ дроби, отстаивать также и свои интересы, въ качествѣ цѣлостной индивидуальности. Такимъ конкретнымъ стимуломъ является, согласно г. Михайловскому, комбинація изъ чувствъ совѣсти и чести, въ своей совокупности образующихъ чувство отвѣтственности человѣка, какъ предъ собой, такъ и предъ подобными себѣ, иначе выражаясь,—чувство человѣческаго достоинства.

Чувство это, съ точки зрѣнія борьбы за индивидуальность, есть сила, которая побуждаетъ человѣка, слѣдуя закону органическаго развитія, отстаивать интересы человѣческой индивидуальности не только стремленіемъ къ высокой *степени* развитія, но, прежде всего, къ высокому *типу* существованія. Уклоненія отъ совершеннаго типа, при всѣхъ успѣхахъ въ степени развитія, грозятъ неизбѣжнымъ нарушеніемъ интересовъ индивидуальности. Это неизбѣжно должно раньше или позже обнаружиться—какъ только въ достаточной степени измѣнится физіономія тѣхъ спеціальныхъ условій, къ которымъ личность въ данный моментъ «приспособилась», въ увлеченіи беззавѣтной борьбой за существованіе. Но никогда не бываетъ такъ, чтобы дѣло сразу дошло до совершенно яснаго, такъ сказать, осязательнаго обнаруженія, что въ данномъ одностороннемъ направленіи интересамъ человѣческой индивидуальности грозитъ коренной, существенный ущербъ. На это требуется иногда очень много времени. При этомъ, можетъ быть, со временемъ окажется слишкомъ поздно, чтобы поправить дѣло, или, по крайней мѣрѣ, для этого могутъ потребоваться чрезвычайныя усилія и жертвы. Въ этомъ отношеніи на помощь является, какъ предупредитель грядущаго зла, — особое чувство неудовлетворенности,

ощущеніе нарушеннаго равновѣсія. дисгармоніи. Чувство это предупреждаетъ событія, можетъ быть, очень задолго, потому что оно можетъ явиться въ такое время, когда вполнѣ удовлетворены интересы личности въ данномъ ея объемѣ.—ея «польза», ея «счастье», т.-е. удовлетворены требованія ея, какъ односторонняго орудія чуждой ей «индивидуальности». Если при этомъ односторонность не пустила еще слишкомъ крѣпкихъ корней, то ощущеніе дисгармоніи, достигнувъ полноты и законченности, и захвативъ сознаніе и волю, выразится въ ощущеніи неотразимой потребности возстановить нарушенное равновѣсіе. Когда личность не чувствуетъ себя въ силахъ противостоять этому побужденію, то въ лицѣ этого побужденія въ общую сѣть стихійныхъ силъ и воздѣйствій врывается сила, по своему такая же стихійная и роковая, какъ и остальныя, съ тою только особенностью, что она стоитъ на стражѣ интересовъ человѣческой индивидуальности, между тѣмъ какъ другія побужденія и воздѣйствія отстаиваютъ требованія «индивидуальностей» иного порядка.

Какъ руководящее начало, побужденіе это, выдающееся изъ ряда другихъ своей устойчивостью, послѣдовательностью и шириной, является неотразимо обаятельнымъ для тѣхъ, кто болѣе чутокъ къ дисгармоніи односторонняго развитія, для тѣхъ, кто съ особенной силой чувствуетъ въ себѣ задатки человѣческой многосторонности и цѣльности. И предъ лицомъ этихъ неотразимо привлекательныхъ задатковъ, предъ ихъ неотвратимымъ призывомъ къ совершенству, конкретная личность, съ ея смѣсью дисгармоніи и гармоніи, испытываетъ чувство отвѣтственности: отвѣтственности личности предъ требованіями человѣчности, или выражаясь точнѣе—отвѣтственности односторонней личности предъ требованіями многосторонности и полноты человѣческаго существованія.

Чтобы понять, какой плотью и кровью можетъ быть облечена приведенная отвлеченная схема, намъ надо обратиться къ людямъ сильныхъ чувствъ и яркихъ образовъ, обладающихъ при этомъ способностью непосредственнымъ чувствомъ и воображеніемъ прилагать къ конкретнымъ явленіямъ дѣйствительности широкую мѣрку человѣческаго достоинства и человѣческаго совершенства. Въ нихъ, въ лицѣ выдающихся художниковъ, въ здоровой и положительной сторонѣ ихъ стремленій, въ ихъ пониманіи и освѣщеніи дѣйствительности г. Михайловскій нашелъ самую лучшую поддержку своему ученію, отчасти и возможность развитія его.

У гр. Л. Толстаго, начиная съ его первыхъ художественныхъ вещей и кончая послѣднимъ трактатомъ объ искусствѣ, чрезъ всѣ произведенія непрерывной нитью проходитъ противопоставленіе народа и интеллигенціи, первобытной простоты и извращенной цивилизованности, природы и искусственности, непосредственной правдивости чувствъ и фальшивыхъ мудрствованій. Положительная тенденція, легшая въ основу этого противопоставленія, опредѣляется красивымъ и мѣткимъ замѣчаніемъ французскаго критика Вогюэ: «За всѣмъ, что изображено Толстымъ, чувствуется присутствіе чего-то огромнаго, страшнаго, таинственнаго». Русскій біографъ гр. Толстаго, г. Соловьевъ, приведя эти слова, прибавляетъ отъ себя: «Это присутствіе чего-то огромнаго, страшнаго, таинственнаго не должно поражать насъ, русскихъ читателей, потому что Толстаго мы узнали послѣ Гоголя, Достоевскаго и Лермонтова». Критическій анализъ литературной дѣятельности гр. Толстаго, сдѣланный г. Михайловскимъ, даетъ намъ право считать, что это «огромное» есть не что иное, какъ «гармонія развитія» (подлинное выраженіе самого гр. Толстаго), идея которой постоянно присутствуетъ въ произведеніяхъ гр. Толстаго и противопоставляется всему узкому, мелкому, ничтожному. Въ идеальномъ требованіи «гармоническаго развитія» человѣка заключается, согласно собственному объясненію гр. Толстаго, основаніе его противопоставленія «народа» и «интеллигенціи». «Народъ» проводитъ жизнь на палатяхъ, въ курной избѣ или за сохою, ковыряетъ самъ себѣ лапти и ткетъ себѣ рубахи, никогда не читаетъ ни одной книги, разъ въ двѣ недѣли снимаетъ съ насѣкомыми рубаху, по солнышку и по пѣтухамъ узнаетъ время и не имѣетъ другихъ потребностей, какъ лошадиная работа, спанье, ѣда и пьянство». Но тѣмъ не менѣе гр. Толстой утверждаетъ, что въ этихъ «поколѣніяхъ работниковъ лежитъ и больше силы, и больше сознанія правды и добра, чѣмъ въ поколѣніяхъ бароновъ, банкировъ и профессоровъ». Члены «общества» представляются графу Толстому несостоятельными въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ. «Страшно сказать, говоритъ онъ, я пришелъ къ убѣжденію, что все, что мы сдѣлали по этимъ двумъ отраслямъ (по музыкѣ и поэзіи), все сдѣлано по ложному, исключительному пути, не имѣющему значенія, не имѣющему будущности и ничтожному въ сравненіи съ тѣми требованіями и даже произведеніями тѣхъ же искусствъ, образчики которыхъ мы находимъ въ народѣ. Я убѣдился,... что Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что мы

также испорчены, какъ Пушкинъ и Бетховенъ, потому что Пушкинъ и Бетховенъ одинаково льстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей слабости... Введите дитя народа въ этотъ міръ, вы это можете сдѣлать,—онъ прочувствуетъ и картину Иванова, и Венеру Милосскую, и квартетъ Бетховена, и лирическое стихотвореніе Пушкина. Но войдя въ этотъ міръ, онъ будетъ дышать уже не всѣми легкими, уже его болѣзненно и враждебно будетъ охватывать свѣжій воздухъ, когда ему случится вновь выйти на него». Разбираясь въ вопросѣ о воспитаніи и образованіи дѣтей, гр. Толстой замѣчаетъ, что «идеалъ нашъ сзади, а не спереди... Ребенокъ стоитъ ближе меня, ближе каждаго взрослаго къ тому идеалу гармоніи правды, красоты и добра, до котораго я въ своей гордости хочу возвести его. Сознаніе этого идеала лежитъ въ немъ сильнѣе, чѣмъ во мнѣ. Ему нуженъ отъ меня только матеріалъ для того, чтобы пополняться гармонически и всесторонне». Въ этомъ же смыслѣ гр. Толстой считаетъ достойнымъ зависти и народъ, богатый какъ и ребенокъ задатками къ всестороннему, гармоническому совершенству,— по выраженію г. Михайловскаго, «богатый задатками такой красоты, такой правды, такого добра, которыя при благопріятныхъ условіяхъ должны затмить насъ совсѣмъ, да и теперь уже отчасти затмѣваютъ». Какъ художникъ, чуткій къ художественному совершенству, гр. Толстой особенно указываетъ въ этомъ отношеніи на замѣченное имъ и поразившее его у крестьянскихъ ребятишекъ чувство мѣры—это существеннѣйшее условіе художественности. Во всемъ же жизненномъ строѣ народа рѣшающее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что эти люди «сами удовлетворяютъ своимъ человѣческимъ потребностямъ».

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на извѣстныхъ деталяхъ того, какъ гр. Л. Толстой, побуждаемый чувствомъ отвѣтственности своей, какъ интелигента предъ народомъ, принимался рѣшать и понынѣ стремится разрѣшить проистекающую отсюда драму своей личной жизни,—драму, основанную на столкновеніи между его чувствомъ отвѣтственности предъ народомъ и его же сознаніемъ своей несостоятельности въ этомъ отношеніи, какъ представителя «испорченнаго меньшинства, такъ называемаго, образованнаго класса». Для насъ интересно было здѣсь остановиться на приведенныхъ взглядахъ гр. Толстаго, чтобы шире освѣтить источникъ чувства отвѣтственности человѣка, чтобы на примѣрѣ гр. Толстаго показать, что это чувство входитъ, какъ часть въ цѣлое, въ требованіе гармоніи

человѣческаго существованія въ интересахъ человѣческаго достоинства Для болѣе полнаго выясненія значенія «чувства отвѣтственности» намъ необходимо обратиться къ выводамъ г. Михайловскаго, которые онъ дѣлаетъ помощью анализа драмъ Ибсена и произведеній Гл. Успенскаго.

Не трудно предвидѣть, что жажда гармоніи и индивидуальнаго совершенства, стоя на стражѣ человѣческаго достоинства противъ всего, что его нарушаетъ, легко можетъ придти въ столкновеніе и съ личными интересами, и съ личнымъ счастьемъ, съ интересами и счастьемъ «дроби» личности. Отсюда вытекаетъ возможность многочисленныхъ драмъ, тѣмъ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ труднѣе личности отказаться отъ тѣхъ или другихъ изъ своихъ требованій,—съ одной стороны отъ требованій болѣе или менѣе узко личныхъ, а съ другой отъ требованій «человѣческихъ». Въ драмѣ Ибсена «Строитель Сольнесъ» драматическая коллизія заключается въ томъ, что Сольнесъ, счастливецъ, человѣкъ, которому все удается, не въ силахъ наслаждаться своимъ счастьемъ. Счастье его пугаетъ, онъ боится возмездія за него и несетъ это возмездіе въ мучительныхъ укорахъ совѣсти, въ чувствѣ вины передъ тѣми, кого онъ «уничтожилъ, истопталъ, исковеркалъ и разбилъ въ дребезги» на своемъ пути къ счастью Онъ говоритъ: «Все, что мнѣ удалось сдѣлать, построить, создать красиваго, прочнаго, уютнаго, величаваго,—все это я долженъ постоянно выкупать: платить за все... не деньгами, а человѣческимъ счастьемъ. И не однимъ своимъ собственнымъ счастьемъ, а и чужимъ. И я день за днемъ принужденъ смотрѣть, какъ другіе расплачиваются за меня». Его счастье, по его словамъ, отзывается на немъ, «какъ большая обнаженная рана на груди. Ее не заживить... какъ она иногда горитъ и ноетъ!» Въ этомъ столкновеніи личнаго счастья съ совѣстью, — этимъ голосомъ человѣческаго достоинства, заключается реальная пружина драмы. Разборомъ цѣлаго ряда драмъ Ибсена г. Михайловскій обнаруживаетъ въ нихъ, какъ существенный мотивъ, ту же «работу совѣсти», заставляющую личность противоставлять своимъ личнымъ притязаніямъ на счастье и успѣхъ— свою вину, требующую искупленія, иногда даже вину предковъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ человѣческое достоинство выражается въ чувствѣ, требующемъ отъ личности отвѣтственности за причиненное ею зло, вольное или хотя-бы невольное, отвѣтственности за счастье, пріобрѣтенное цѣною чужаго страданія.

Драма тутъ заключается въ тяжеломъ столкновеніи—иногда безъ-

исходномъ—между неотвязчивымъ чувствомъ отвѣтственности за чужое страданіе, на которомъ построено личное счастье, и трудностью поступиться этимъ счастьемъ. Общечеловѣческій интересъ этого столкновенія зависитъ отъ того, что здѣсь сталкиваются личныя чувства съ чувствомъ человѣческимъ. А трагическій элементъ—въ трудности поступиться которой нибудь изъ этихъ двухъ сторонъ жизни, въ трудности для личности вынести на себѣ бремя отвѣтственности, вообще, въ безсиліи личности и въ слабости поддержки со стороны внѣшней обстановки, со стороны прошлаго, со стороны всевозможныхъ общихъ условій. Тѣ же самые мотивы являются преобладающимъ источникомъ драмы въ цѣломъ рядѣ образовъ у Гл. Успенскаго. Чрезъ длинный рядъ произведеній Успенскаго г. Михайловскій прослѣживаетъ неустанный интересъ автора къ одной неизмѣнной темѣ,—столкновенію требованій совѣсти, или, что у Успенскаго равнозначуще, — требованій сердца и мысли, съ «свинымъ элементомъ», обезсиливающимъ человѣка, не дающимъ ему подняться вверхъ всѣмъ своимъ существомъ, при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ. Въ періодъ послѣ освобожденія крестьянъ въ обществѣ сразу явились свѣтлые идеалы. «И въ эту минуту, говоритъ Гл. Успенскій, явились люди, воспитанные въ самой густотѣ неуваженія чужой личности, въ самымъ затхлыхъ, разлагающихъ понятіяхъ, напримѣръ, что не думать легче и лучше, чѣмъ думать, что не работать лучше, чѣмъ работать, а я выросту большой, женюсь на богатой, поѣду за-границу и т. д.» Эти-то люди заболѣли «болѣзнью совѣсти», «болѣзнью сердца», «болѣзнью мысли», не будучи при этомъ въ силахъ совлечь съ себя ветхаго человѣка, разстаться со «свинымъ элементомъ». Отсюда презрѣніе къ себѣ, негодованіе на свое безсиліе въ борьбѣ за человѣческое достоинство и—драма «обезсиленнаго человѣка, поставленнаго въ необходимость быть нравственно сильнымъ». И въ послѣдующіе періоды за эпохой освобожденія крестьянъ, вплоть до настоящаго времени, г. Михайловскій указываетъ на ту же самую драму,—и у Успенскаго, и у другихъ писателей, и въ жизни,—драму столкновенія идеальныхъ, человѣческихъ запросовъ съ старѣющей нарушенной гармоніей существованія. которая потеряла уваженіе личности, разъѣдаемой «работой совѣсти».

Однако работа совѣсти, отстаивая въ личности ея высшіе, человѣческіе элементы, ухватываясь за таящіяся въ ней задатки высшей гармоніи и борясь противъ односторонняго господства «свиныхъ» и подобныхъ имъ элементовъ, сама по себѣ способна завести очень

далеко за предѣлы и въ сторону отъ своей собственной цѣли. Въ драмѣ Ибсена «Ромерсгольмъ» встрѣчается такая фраза «Духъ Росмера облагораживаетъ, но убиваетъ счастіе». «Духъ Росмера» означаетъ злѣсь пробужденіе совѣсти и «едва-ли нужно доказывать, говоритъ г. Михайловскій, что пробужденіе это съ одной стороны дѣйствительно облагораживаетъ, а съ другой дѣйствительно наноситъ несовмѣстимыя со счастьемъ раны. При этомъ, у героевъ данной драмы Ибсена «пробудившаяся совѣсть убиваетъ не только счастье, а и возможность и желаніе дѣйствовать, бороться, послѣ чего имъ только и остается, что умереть». Спрашивается, отчего же это зависитъ? Объясненіе этого г. Михайловскій видитъ въ томъ, что сила односторонней работы совѣсти, ничѣмъ не уравновѣшенной или слабо уравновѣшенной, парализуетъ энергію, парализуетъ дѣеспособность. Только въ сочетаніи съ «честью» можетъ быть сохранено равновѣсіе, только въ сочетаніи съ «честью» можетъ быть предупреждена односторонность работы «совѣсти»

Подъ «честью», «работой чести» г. Михайловскій разумѣетъ тѣ душевныя побужденія, которыя исходятъ не изъ сознанія своей вины, какъ совѣсть, а изъ сознанія напрасно претерпѣнныхъ обидъ и оскорбленій Человѣку проснувшейся чести не въ чемъ винить себя: онъ ни передъ кѣмъ не виноватъ, а передъ нимъ, можетъ быть, и есть виноватые, хотя бы въ лицѣ стихійныхъ силъ или тѣхъ нравовъ, обычаевъ, предразсудковъ и отношеній, въ выработкѣ которыхъ не участвовали ни его воля, ни его сознаніе и которые онъ застаетъ, очутившись въ данной средѣ въ качествѣ мыслящаго, чувствующаго и дѣйствующаго индивида. Проснувшаяся честь терзаетъ его картинами вынесеннаго имъ срама и насилія, и для утоленія этихъ терзаній нужны не лишенія какія нибудь, не жертвы (какъ подъ вліяніемъ совѣсти), а напротивъ, просторъ всѣмъ сдавленнымъ дотолѣ силамъ, удовлетвореніе всѣмъ притиснутымъ насиліемъ или обманомъ запросовъ души. Совѣсть поступается личною неприкосновенностью, личнымъ достоинствомъ, личнымъ довольствомъ, личнымъ счастьемъ вообще. Честь, напротивъ, всего этого требуетъ. На анализѣ литературныхъ произведеній и явленій жизни г. Михайловскій поясняетъ, въ чемъ онъ, согласно вышеприведенному, видитъ работу «чести», понимаемой какъ орудіе борьбы за человѣческое достоинство, и многими примѣрами иллюстрируетъ, какими конкретными элементами это душевное побужденіе облекается въ дѣйствительной жизни. Не останавливаясь здѣсь на этихъ частныхъ

примѣрахъ, намъ необходимо отмѣтить для уясненія дѣла то существенное обстоятельство, что „работа чести“ не противорѣчитъ работѣ совѣсти, не исключаетъ ее, не смотря на то, что по характеру и направленію эти побужденія типично различны. Онѣ могутъ не только мирно уживаться, но, что важнѣе—дополнять другъ друга На это указываетъ то знаменательное обстоятельство, что, при всемъ своемъ коренномъ отличіи отъ совѣсти, „честь“, совершенно подобно совѣсти, можетъ побуждать личность попускаться своими личными интересами, личнымъ счастьемъ, личными требованіями, даже самой жизнью. На этомъ основаны многочисленныя драмы, и зависитъ это отъ того, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ „честь“ побуждаетъ личность противоставлять своему благу, какъ конкретной личности,—идеальную совокупность интересовъ своей индивидуальности, за которую она сознаетъ себя отвѣтственной и за которую она стоитъ ради своего человѣческаго достоинства. Поступаясь подъ вліяніемъ такихъ побужденій тѣми или другими изъ своихъ конкретныхъ интересовъ, личность при этомъ мирится съ реальнымъ пораженіемъ ради того, чтобы отстоять шансы болѣе полной побѣды въ будущемъ,—чтобы сохранить на будущее задатки болѣе высокаго совершенства, задатки болѣе высокихъ требованій, чѣмъ тѣ, которыя имѣютъ шансы на удовлетвореніе въ настоящемъ. Это—того рода побужденія, которыя нашли себѣ выраженія въ слѣдующихъ словахъ Ницше: „Я не знаю лучшей цѣли жизни, какъ погибнуть, animae magnae prodigus, на великомъ и невозможномъ“, т. е. невозможномъ въ настоящій моментъ. Даже трагическій исходъ борьбы съ роковыми силами, согласно Ницше, не обязываетъ къ мрачному взгляду на жизнь,—была бы только вѣра въ „великія возможности“, заключенныя въ человѣкѣ,—въ „возможности“, которыми человѣчество не пользуется и которыя оно далеко не всегда сознаетъ. Та же мысль лежитъ въ словахъ Бѣлинскаго—въ одномъ изъ его писемъ: „Уважаю практическія натуры въ hommes d'action, но если вкушеніе сладости ихъ роли непремѣнно должно быть основано на условіи безвыходной ограниченности, душевной узости—слуга покорный, я лучше хочу быть созерцающею натурою, человѣкомъ просто, но лишь бы все чувствовать и понимать широко, привольно и глубоко. Я—натура русская. Русская личность—пока эмбріонъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбріона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость. Она боится ихъ, не терпитъ ихъ больше всего—и хорошо, по моему мнѣнію, дѣлаетъ,

довольствуясь пока ничѣмъ, вмѣсто того, чтобы закабалиться въ какую-нибудь дрянную односторонность".

Въ обоихъ этихъ заявленіяхъ, столь далекихъ другъ отъ друга людей выразилось стремленіе личности отказываться отъ того, что возможно въ данныхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ—ради сохраненія шансовъ, можетъ быть, въ очень отдаленномъ будущемъ, на "великія возможности", за которыя личность считаетъ себя отвѣтственной. Изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ видно, что побужденія „чести" могутъ, точно такъ же, какъ и побужденія „совѣсти", влять парализующимъ образомъ на энергію и дѣеспособность, на самое желаніе дѣйствовать. Бѣлинскій, какъ мы видѣли, изъ желанія не впасть въ ограниченность, готовъ отказаться „отъ вкушенія сладости роли hommes d'action". Это ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что побужденія чести и совѣсти, не смотря на существенное различіе въ своемъ характерѣ, могутъ дѣйствовать въ одинаковомъ направленіи. Но этого мало: возможны такія сочетанія между ними, которыя въ состояніи поднимать энергію личности въ отстаиваніи дорогихъ ей человѣческихъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ стремленіе къ высшему личному совершенству,—въ формѣ обостреннаго чувства „чести",—само по себѣ склонно парализовать энергію личности предъ задачами, которыя кажутся ей слишкомъ скромными, тамъ противоположное побужденіе къ самоограниченію, въ видѣ „совѣсти", являясь умѣряющимъ элементомъ, тѣмъ самымъ открываетъ для личности болѣе широкое поле дѣйствія, болѣе широкую сферу для приложенія энергіи, до извѣстной степени приближая уровень требованій личности къ условіямъ фактической, болѣе скромной дѣйствительности. Съ другой стороны, гдѣ тенденція къ самоограниченію сама по себѣ могла бы подорвать самую привязанность къ жизни и способность цѣнить ее, тамъ жажда полноты существованія не дастъ упасть энергіи стремленія къ поднятію жизненнаго строя. Вообще, въ обоего рода стремленіяхъ—и въ требованіи самоограниченія, и въ стремленіи къ полнотѣ существованія, возможны уклоненія отъ требованій человѣческаго достоинства въ сторону отъ „гуманнаго" содержанія жизни. Возможны, именно, повороты въ сторону того чрезвычайно широкообъемлющаго круга явленій, среди котораго г. Михайловскій выдѣляетъ двѣ основныя тенденціи: элементы „безсовѣстной силы" („барства") и элементы „безчестной слабости" („рабства"). Сюда входятъ, съ одной стороны, проявленія силы и успѣха, опирающихся не на заслуги личности, а

на посторонніе ей элементы, а съ другой—проявленія умѣренности, основанной не на сознаніи личностью своего достоинства, а на забвеніи о немъ. Другими словами, сюда относится вся область произвольныхъ и безвольныхъ отношеній къ дѣйствительности, въ обширномъ смыслѣ этихъ понятій. И тѣ, и другіе представляютъ не что иное, какъ именно результаты уклоненій въ сторону отъ положительнаго контроля „совѣсти“ и „чести“ въ ихъ совокупности. Совокупное-же воздѣйствіе этихъ побужденій,—и при томъ въ ихъ сочетаніи, вноситъ рѣшительную и существенную поправку въ стихійный процессъ безволія и произвола, безъисходныхъ страданій и беззавѣтныхъ наслажденій, безнадежныхъ пораженій и ненадежныхъ успѣховъ. Смыслъ этой поправки заключается въ томъ, чтобы съ двухъ сторонъ отстаивать за содержаніемъ жизни ея „гуманный“ характеръ: съ одной стороны, устранять излишнее, т.-е. то, что угрожаетъ вывести жизнь за рамки ея человѣческаго содержанія, а съ другой—добиваться возможно совершеннаго заполненія этихъ границъ. Эта поправка, во первыхъ, требуетъ, чтобы чувство наслажденія и успѣха находило себѣ дополненіе въ стремленіи къ самоограниченію, въ качествѣ противовѣса къ тѣмъ одностороннимъ и неустойчивымъ элементамъ успѣха, которые дѣлаютъ его чѣмъ-то независимымъ отъ личныхъ достоинствъ и заслугъ, и, во-вторыхъ, она противоставляетъ ощущенію страданія и сознанію пораженія—сознаніе личностью своей цѣны, ставящее личность выше случайныхъ частныхъ неудачъ, въ качествѣ хранительницы задатковъ къ высшему совершенству. То и другое является для личности залогомъ возможности чувствовать себя, какъ въ успѣхѣ, такъ и въ пораженіи, въ извѣстной мѣрѣ воплощеніемъ совокупности человѣческихъ способностей и, въ предѣлахъ этихъ способностей, „самой собой“, болѣе или менѣе отвѣтственной и за свое счастье и за свое страданіе, а не безотвѣтственной жертвой удачи или неудачи, не безличнымъ орудіемъ случайныхъ воздѣйствій или одностороннихъ отрывочныхъ побужденій. Такимъ образомъ, „совѣсть“ и „честь“ въ своей совокупности образуютъ силу, которая заставляетъ человѣка противоставлять неустойчивымъ узко-личнымъ элементамъ устойчивое начало многосторонности и полноты человѣческой личности, всѣмъ воздѣйствіямъ стихійнымъ, всѣмъ проявленіямъ безволія и произвола—сознаніе своей отвѣтственности, въ предѣлахъ человѣческихъ силъ. Въ своей совокупности „совѣсть“ и „честь“ образуютъ то чисто человѣческое чувство отвѣтственности, въ которомъ сознаніе ограниченности силъ человѣка, созна-

ніе его зависимости и обязанностей сочетается съ сознаніемъ высокой цѣнности этихъ силъ и съ высокой оцѣнкой тѣхъ „возможностей“, которыя даны человѣку содержаніемъ жизни.

Чтобы оцѣнить значеніе мотивовъ чести и совѣсти, какъ силъ, отстаивающихъ человѣческое достоинство и человѣческую индивидуальность, необходимо имѣть въ виду, что вліяніе этихъ побужденій захватываетъ собой значительно большій кругъ явленій, чѣмъ это намъ обыкновенно кажется, и что вліяніе это касается такихъ областей, которыя на первый взглядъ имѣютъ самое отдаленное отношеніе къ соображеніямъ этическаго характера. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно интересно то освѣщеніе, которое получаютъ со стороны мотивовъ чести и совѣсти задачи мысли и знанія.

Узкіе спеціалисты мысли, побуждаемые чувствомъ профессіальнаго достоинства, обособленнымъ отъ сознанія человѣческаго достоинства, склонны претендовать на отсутствіе какихъ бы то ни было обязанностей со стороны мысли по отношенію къ человѣку съ его реальными интересами. Они склонны ставить себѣ въ заслугу достиженіе того, что для ума нормальнаго человѣка, не обратившагося въ спеціалиста, отчасти недостижимо, а еще въ большей степени ненужно и безполезно. Это высокомѣрно равнодушное отношеніе къ своимъ человѣческимъ обязанностямъ можетъ заставить спеціалистовъ видѣть какое-то свое преимущество не въ особомъ умѣніи исполнять простыя и для всѣхъ нужныя задачи, не въ достиженіи возможной ясности мысли, а въ спеціальной способности упражняться въ безцѣльныхъ хитросплетеніяхъ въ чрезвычайно обширной сферѣ ненужнаго.. Точнѣе говоря,—при этомъ отдается предпочтеніе тому, что *нужно* узкимъ *спеціалистамъ*, или тому, къ чему они вольно или невольно прислуживаются, предъ тѣмъ, что *нужно человѣку*. Претендуя на свободу отъ обязательствъ, налагаемыхъ на мысль требованіями человѣческихъ интересовъ, высокомѣрные спеціалисты не замѣчаютъ, что они тѣмъ самымъ принижаютъ достоинство мысли, потому что, какъ бы ни были скудны эти интересы, они способны развиваться и, развиваясь, поднимать уровень задачъ мысли; а равнодушное и безразличное къ нимъ отношеніе есть источникъ ограниченія для мысли—сокращенія ея силы и вліянія. Между тѣмъ, съ другой стороны, сознаніе лежащихъ на мышленіи и знаніи обязанностей служить человѣку и его интересамъ—отнюдь не принижаетъ высокихъ порываній мысли, не ограничиваетъ ея горизонта. Небходимотолько, чтобы обязанности эти сочетались съ умѣньемъ различать, среди сложной сѣти интересовъ

человѣка. требованія человѣческой индивидуальности въ ея цѣлостной совокупности, чтобы сознаніе этихъ обязанностей сочеталось съ способностью чувствовать достоинство человѣка, въ смыслѣ возможной полноты его существованія Сознаніе о зависимости мысли отъ практики жизни, отъ реальныхъ нуждъ и сознаніе обязанности служить человѣку—въ сочетаніи съ достаточно опредѣленнымъ и широкимъ представленіемъ о доступномъ для человѣка объемѣ жизни—вполнѣ способны уберечь мысль, какъ отъ „барски“ надменнаго, такъ и отъ „рабски“ трусливаго отношенія къ жизни. Необходимо, именно, имѣть въ виду, что трусость мысли, тѣсно связанная съ фальшивыми претензіями на независимость отъ обязательствъ, проявляется очень разнообразно. Она даетъ себя знать въ скептицизмѣ, чуждомъ и чуждающимся какихъ бы то ни было системъ, связанномъ съ опасеніемъ впасть въ какое бы то ни было положительное утвержденіе, или „предвзятое мнѣніе“, и тѣмъ связать себя. Она выражается въ склонности къ таинственному и неясному, къ символизму, мистицизму и т. п.—вслѣдствіе инстинктивнаго нежеланія остановиться на чемъ нибудь опредѣленномъ и тѣмъ обнаружить свое безсиліе на что нибудь положительное. Она проявляется въ пристрастіи къ упрощеннымъ, узкимъ формуламъ, готовымъ и разъ навсегда установленнымъ,—въ нежеланіи провѣрять ихъ новыми фактами, которые могли бы пошатнуть готовые шаблоны. Всѣмъ этимъ проявленіямъ трусости мысли работа совѣсти и чести противопоставляетъ, какъ положительное начало, напоминаніе объ ея обязанностяхъ и объ ея достоинствѣ. Скептицизмъ безъ системы и пристрастіе къ таинственному и неопредѣленному не могутъ долго ужиться съ сознаніемъ обязанности для мысли быть руководящимъ началомъ Слѣпое довѣріе къ готовымъ шаблонамъ несовмѣстимо съ сознаніемъ необходимости для мысли идти вровень съ надвигающимися новыми фактами и мѣняющимися условіями жизни. Слабости къ упрощеннымъ узкимъ теоріямъ не можетъ быть мѣста тамъ, гдѣ есть представленіе о доступной человѣку сложности и полнотѣ существованія вмѣстѣ съ сознаніемъ, что это представленіе къ чему нибудь обязываетъ. Какъ видимъ мотивы обязанностей, мотивы человѣческаго достоинства и отвѣтственности человѣка, мотивы совѣсти и чести способны чрезвычайно ярко освѣтить области, повидимому очень отдаленныя отъ соображеній этическихъ.

Для читателей, знакомыхъ съ произведеніями г. Михайловскаго семидесятыхъ годовъ, не будетъ неожиданностью, если мы укажемъ

на то, что ученіе о совѣсти и чести, хотя оно и недавно выражено въ теперешней формѣ, отнюдь не является въ общемъ строѣ міросозерцанія г. Михайловскаго чѣмъ нибудь новымъ. И въ основныхъ руководящихъ знаменательныхъ журнальныхъ обозрѣніяхъ за 1873 г., и въ очеркахъ „Въ перемежку“, и въ „Запискахъ Профана“, этомъ можетъ быть, наиболѣе замѣчальномъ произведеніи г. Михайловскаго, требованіе отвѣтственности — основной, руководящій мотивъ. Въ вопросѣ объ отношеніяхъ интеллигенціи и общества къ народу, въ вопросахъ, просвѣщенія и педагогики, о задачахъ искусства и науки, и въ женскомъ и національномъ вопросѣ, — тема отвѣтственности является рѣшающимъ и глубоко захватывающимъ началомъ. И требованія отвѣтственности являются въ нихъ въ томъ же сочетаніи двухъ побужденій—стремленія къ сознательному самоограниченію и стремленія къ возможной полнотѣ существованія. Обратившись къ указаннымъ сейчасъ статьямъ, читатель безъ труда усмотритъ изъ нихъ, въ какихъ историческихъ и общественныхъ явленіяхъ русской жизни коренится изложенное ученіе объ отвѣтственности человѣка, съ ея сочетаніемъ совѣсти и чести, или самоограниченія и стремленія къ полнотѣ существованія. Изъ нихъ читатель, которому предыдущее, можетъ быть, показалось слишкомъ отвлеченнымъ, усмотритъ, какой плотью и кровью русская исторія въ свое время облекла идею о достоинствѣ и совершенствѣ человѣческой личности и идею объ отвѣтственности личности,—т.-е. какіе конкретные положительные идеалы она въ этомъ направленіи выставила. Мы же останавливаться на этомъ не будемъ: это не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ наша цѣль—только дать руководящую нить.

XI

Вопросъ о шансахъ личности на самостоятельное отношеніе къ дѣйствительности въ большей или меньшей степени никогда не переставалъ интересовать человѣка. Поэтому слѣды этого вопроса проходятъ яркимъ отраженіемъ чрезъ многія разсужденія и изслѣдованія на темы общественныя, философскія, нравственныя, психологическія, чрезъ многія художественныя и житейскія драмы и комедіи. И поэтому у г. Михайловскаго не могло быть недостатка въ подходящихъ поводахъ для освѣщенія съ очень разнообразныхъ сторонъ этого вопроса, неизмѣнно привлекавшаго его къ себѣ. Но особенный ин-

тересъ въ этомъ отношеніи представляютъ два умственныхъ теченія. Одно изъ нихъ полнѣе всего выражается въ ученіи объ исторической необходимости и родственныхъ съ нимъ воззрѣніяхъ, а другое въ томъ общирномъ движеніи, которое носитъ названіе индивидуалистическаго. На отношеніи г. Михайловскаго къ этимъ двумъ умственнымъ направленіямъ намъ необходимо остановиться, чтобы пополнить предыдущее и дать приведенному выше ту степень законченности, на которую можетъ претендовать настоящая работа.

Идея исторической необходимости представляетъ собой, какъ много разъ указывалъ г. Михайловскій, «соблазнительно красивое общее положеніе, безплодное въ практическомъ отношеніи, а въ научномъ— по крайней мѣрѣ заслоняющее огромную группу историческихъ явленій», а именно всю область цѣлесообразной дѣятельности человѣка, въ которой онъ руководится своими чувствами, вкусами, стремленіями, идеями и идеалами.

«Человѣкъ всегда жилъ, говоритъ г. Михайловскій, живетъ и будетъ жить подъ давленіемъ желѣзныхъ законовъ, безъ которыхъ ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы его и самъ онъ не сдѣлаетъ ни единаго шага. Но подъ давленіемъ этихъ же законовъ ему всегда казалось, кажется и будетъ казаться, что онъ до извѣстной степени свободно выбираетъ жизненные пути, т.-е. дѣйствуетъ подъ вліяніемъ сознаваемыхъ имъ цѣлей,—сознательныхъ идей и идеаловъ. Самыя эти идеи суть такіе же продукты исторической почвы, какъ и все остальное. При этомъ, «одни изъ ихъ носителей признаютъ данный установившійся укладъ и желаютъ дальнѣйшаго его развитія; другіе имъ недовольны и стремятся измѣнить его, подъискивая въ дѣйствительности хоть какого нибудь зерна, изъ котораго, при надлежащемъ уходѣ, могло бы развиться нѣчто соотвѣтствующее ихъ идеямъ и идеаламъ. И тѣ и другіе суть равно необходимые продукты исторической почвы. Пусть и тѣ и другіе заблуждаются, считая себя дѣятелями, тогда какъ они „дѣемые“, маріонетки, но и заблужденіе это есть историческая необходимость“.

Закону исторической необходимости подчинена, въ числѣ прочаго, и неистребимая въ личности потребность руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ собственнымъ выборомъ, собственнымъ вкусомъ, своими собственными идеями, соображеніями, цѣлями, идеалами. Пусть это иллюзія, что личность способна руководиться своимъ собственнымъ „свободнымъ“ выборомъ, пусть цѣли ея стремленій даны исторической необходимостью, т.-е. продиктованы ходомъ предшествую-

щихъ обстоятельствъ. Но эта иллюзія личности, заставляющая ее думать, что то или другое зависитъ отъ нея самой, отъ ея вкусовъ, цѣлей и стремленій, отъ ея способности различать среди тысячи возможностей немногое привлекательное, отъ способности ея по своему различать и оцѣнивать различныя стороны дѣйствительности,—эта иллюзія есть тоже продуктъ исторической необходимости, и притомъ продуктъ неизбѣжный. Безъ этой иллюзіи у личности должны бы опуститься руки: если-бы у нея было сознаніе, что она никакъ не можетъ повлять на ходъ вещей, что этотъ ходъ вещей нисколько не зависитъ отъ ея отношенія къ дѣйствительности, отъ ея цѣлей, стремленій, идей и идеаловъ, то она бы шагу ступить не могла Даже бороться съ иллюзіями съ этой точки зрѣнія нѣтъ основанія, потому-что къ чему бороться съ тѣмъ, что неизбѣжно, съ тѣмъ, что-какъ и все па свѣтѣ—есть продуктъ исторической необходимости „Съ этой точки зрѣнія можно оправдать всякую нелѣпость и всякую мерзость. Но это будетъ собственно не оправданіе, а празднословіе, очень удобно опрокидываемое нѣсколькими словами, а именно: человѣкъ, стремящійся стереть съ лица земли существующія нелѣпости и мерзости, есть тоже продуктъ исторіи". И, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія «надежда прошибить стѣну лбомъ есть не глупость, а необходимость, совершенно такъ же, какъ Квазимодо не уродъ, а необходимость, Каинъ и Іуда не злодѣй, а необходимость. Словомъ, говоритъ г Михайловскій, руководясь въ практической жизни ею одною, мы попадаемъ въ какое то фантастическое безграничное пространство, гдѣ нѣтъ идей и вещей, нѣтъ явленій, а есть только одноцвѣтныя тѣни идей и вещей".

Но въ дѣйствительности никто никогда и не становится на эту невозможную для человѣческато ума точку зрѣнія. Въ дѣйствительности признавать историческую необходимость, включающую человѣка въ великую міровую цѣпь причинъ и слѣдствій,—не значитъ еще видѣть въ личности пассивное безвольное орудіе внѣшнихъ вліяній, лишенное собственныхъ индивидуальныхъ, ей одной присущихъ свойствъ, а главное—способности мыслить, чувствовать, стремиться и дѣйствовать. Возьмите любого выдающагося человѣка, героя исторіи. «Пусть онъ не болѣе, какъ орудіе исторіи, но исторія выбрала, однако, въ свои орудія именно его изъ десятковъ и сотенъ тысячъ. Пусть онъ орудіе, но онъ орудіе чувствующее, мыслящее и, главное, работающее въ опредѣленномъ, сознательно преслѣдуемомъ направленіи. Пусть онъ, со всѣми своими исключительными силами, или

даже только съ исключительною удачей, есть результатъ извѣстныхъ причинъ, но, преслѣдуя свою цѣль, онъ самъ становится активною и сознательною причиной дальнѣйшаго хода событій. Причинная связь явленій несомнѣнна, но въ числѣ причинъ или другихъ явленій общественной жизни есть и личная энергія, и стойкость, и убѣждающая сила мысли, и сила примѣра". „Совершенно справедливо, говоритъ г. Михайловскій, что Лютеръ былъ созданіемъ своего вѣка, думалъ его мыслью и дѣйствовалъ по его вкусу, и именно благодаря этому такъ сильно повлялъ на свой вѣкъ. Не будь у него многочисленныхъ связей съ своимъ временемъ и народомъ, онъ пролетѣлъ бы какъ падучая звѣзда. Но дѣло въ томъ, что если бы самъ Лютеръ не вѣрилъ, что думаетъ своею собственною мыслью и дѣйствуетъ по своему собственному вкусу, то реформацію поднялъ бы не онъ, а кто нибудь другой. Пусть связанный историческими условіями по рукамъ и ногамъ, Лютеръ обманывался, думая, что онъ свободно выбралъ себѣ цѣль,—этотъ обманъ неизбѣженъ въ практической дѣятельности: онъ есть одинъ изъ необходимыхъ факторовъ тѣхъ самыхъ историческихъ условій, незыблемость которыхъ провозглашаютъ фаталисты".

И въ той степени, въ какой эта энергія направлена на сознательно преслѣдуемыя цѣли, личность не является простымъ орудіемъ внѣшнихъ вліяній, а въ извѣстныхъ предѣлахъ, и часто очень широкихъ предѣлахъ, владѣетъ и собой, и обстоятельствами.

Существуетъ, однако, остроумное воззрѣніе, что личность, преслѣдуя дорогія ей цѣли, оказывается при этомъ наивной жертвой обмана, такъ какъ цѣли эти подсовываются ей природой и обществомъ. Воззрѣніе это съ замѣчательнымъ блескомъ развито между прочимъ въ оригинальной теоріи половой любви Шопенгауера. Шопенгауеръ доказываетъ, что «геній вида» смѣется надъ индивидуумомъ, заставляя его тратить такую массу силъ на любовь и внушая ему въ высшей степени напряженное стремленіе искать высшаго счастья въ любви. На самомъ дѣлѣ счастье любви и въ отдаленной степени не соотвѣтствуетъ энергіи тѣхъ чувствъ, которыя вкладываются въ нее человѣкомъ, а въ результатѣ достигается только то, что важно для «генія вида»—продолженіе рода человѣческаго.

Половая любовь далеко не единственное чувство, которое «видъ» и вообще общество или общественная индивидуальность навязываетъ личности, обманнымъ образомъ заставляя ее принимать близко къ сердцу не свое счастье, не свою пользу, не свое достоинство, а инте-

ресы общества. Среди очень замѣчательнаго ряда нравственно политическихъ доктринъ нашло себѣ выраженіе убѣжденіе, что таково обязательное отношеніе общества къ личности во всей области нравственныхъ побужденій и нравственной оцѣнки дѣйствительности. Уже Мандевиль, авторъ извѣстной «Басни о пчелахъ», въ началѣ XVIII вѣка утверждалъ, что понятія о благородствѣ и неблагородствѣ, честности и безчестности выдуманы хитроумными мудрецами съ спеціальной цѣлью заставлять простодушныхъ людей отказываться отъ своего личнаго блага въ пользу цѣлаго общества. А такъ какъ можетъ случиться, что благо общества опирается на безумную роскошь, распущенность, обманы и лицемѣріе однихъ, на невѣжество, тупость, ограниченность желаній другихъ, то отсюда прямымъ выводомъ является парадоксальное положеніе, которое составляетъ второе заглавіе «Басни о пчелахъ», а именно—что «пороки частныхъ лицъ благодѣтельны для общества». Другими словами, общество обладаетъ способностью внушать входящимъ въ его составъ частнымъ лицамъ беззавѣтную и, такъ сказать, безкорыстную приверженность къ лишеніямъ, съ одной стороны, и къ порокамъ, съ другой.

Мысль Мандевиля въ новѣйшее время блестяще развита Фридрихомъ Ницше. Согласно Ницше, «добродѣтели (прилежаніе, послушаніе, цѣломудріе, справедливость) большею частью вредны ихъ обладателямъ... Если ты обладаешь добродѣтелью, то ты ея жертва. Но сосѣдъ твой именно поэтому хвалитъ твою добродѣтель. Хвалятъ прилежнаго человѣка, хотя бы онъ этимъ своимъ прилежаніемъ портилъ себѣ зрѣніе и разрушалъ оригинальность и свѣжесть своего ума... Юношу, надорвавшагося надъ работой, жалѣютъ не ради него самого, а потому что въ его лицѣ общество лишилось преданнаго и безкорыстнаго орудія. Въ добродѣтеляхъ мы цѣнимъ ихъ служебную природу и затѣмъ слѣпое влеченіе, не ограниченное соображеніями о другихъ сторонахъ пользы индивида, короче говоря—неразуміе въ добродѣтели, благодаря которому единичное существованіе превращается въ функцію цѣлаго... Хвала самоотверженному, безкорыстному, добродѣтельному, слѣдовательно, человѣку, не всю свою силу и разумъ обращающему на свое собственное сохраненіе, развитіе, подъемъ, усиленіе—эта хвала проистекаетъ отнюдь не изъ безкорыстія. «Ближній» хвалитъ безкорыстіе потому, что извлекаетъ изъ него выгоду.—Моральная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій, читаемъ мы дальше у Ницше, есть всегда выраженіе потребностей общины, стада... Отъ «я» требуется самоотреченіе въ формѣ приспособленія

къ цѣлому, устанавливающему кругъ правъ и обязанностей Сознательно или безсознательно, люди стремятся ни больше, ни меньше, какъ къ полному преобразованію, и именно ослабленію, даже уничтоженія индивидуума».

Въ то время, какъ Ницше глубоко возмущается самоотреченіемъ личности, добровольно накладывающей на себя «рабскую мораль» подчиненія и смиренія, цѣлый рядъ мыслителей,—утилитаристы, представители органической теоріи общества, въ новѣйшее время дарвинисты, и многіе другіе—относятся къ этому стремленію съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, проникнутые наивнымъ оптимизмомъ, утверждаютъ даже, что этимъ путемъ достигается полная гармонія интересовъ личности и общества. Другіе же, болѣе прозорливые, не обманывая себя мнимой гармоніей интересовъ, тѣмъ не менѣе смѣло настаиваютъ на томъ, что во всякомъ случаѣ таковъ ужъ непререкаемый законъ природы. Это воззрѣніе нашло себѣ очень яркое выраженіе у Эрнеста Ренана.

Согласно Ренану (мы приводимъ идеи Ренана въ изложеніи г. Михайловскаго, съ сокращеніями), міръ, какъ цѣлое, имѣетъ какую то таинственную, божественную цѣль и, стремясь къ своей цѣли, эксплоатируетъ все частное, индивидуальное, въ томъ числѣ и человѣка. Природа заставляетъ насъ служить своимъ собственнымъ цѣлямъ, но дѣлаетъ это такъ искусно, съ такимъ макіавелизмомъ, что мы и не догадываемся о подчиненности своей роли. Природа вложила въ насъ извѣстныя стремленія, желанія, потребности, по удовлетвореніи которыхъ мы, однако, немедленно разочаровываемся. Это потому, что, въ существѣ вещей, мы совсѣмъ не ради себя желаемъ и стремимся, а ради верховныхъ цѣлей природы, которая заманиваетъ насъ и надуваетъ Что-то организуется на нашъ счетъ; мы—игрушки въ рукахъ высшаго эгоизма, эгоизма природы. Такъ, напримѣръ, съ личной точки зрѣнія эгоизмъ разуменъ, но повинуясь голосу природы, которой нужно самопожертвованіе индивидовъ, мы презираемъ эгоизмъ и стыдимся его.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ люди не замѣчаютъ этого обмана, не замѣчаютъ иллюзуарнаго характера своихъ стремленій и слѣпо увѣрены, что руководствуются собственными интересами. Но нѣкоторымъ удается проникнуть въ хитрость природы, сознать свое положеніе вѣчно обманываемыхъ и куда-то заманиваемыхъ. Такимъ предстоитъ два пути: возмущеніе или покорность. Возмутившійся разбиваетъ въ людяхъ вѣру въ жизнь, показывая ея ничтожество:

отравляетъ каждое наслажденіе, показывая нелѣпость всѣхъ стремленій, желаній, идеаловъ, разнуздываетъ людей, показывая, что, съ точки зрѣнія ихъ эгоистическихъ интересовъ, узы, налагаемыя инстинктами религіи, любви, потребностями въ добрѣ и истинѣ, не выдерживаютъ критики Такая революціонная дѣятельность преступна и безполезна. Въ концѣ концовъ побѣда останется всегда на сторонѣ природы, которая слишкомъ хорошо приготовилась. Поэтому, въ то время, какъ масса всегда будетъ безсознательно подчиняться велѣніямъ природы, удѣлъ мудрецовъ—сознательная покорность и содѣйствіе цѣлями природы. Мудрецъ долженъ быть сотрудникомъ высшаго существа, помогать ему обманывать индивидовъ для блага цѣлаго, для міроваго блага. Онъ долженъ быть орудіемъ великой иллюзіи, проповѣдуя людямъ добродѣтель и очень хорошо зная, что они не извлекутъ изъ нея никакой личной пользы

Та цѣль, къ которой, согласно Ренану, стремится природа, есть сознаніе, господство разума,—такъ какъ то, что вывело вещи изъ ихъ первобытнаго равновѣсія въ движеніе, есть желаніе быть, идея Все исходитъ изъ матеріи, но все оживляется идеей. Поэтому міровая цѣль можетъ состоять только въ сознаніи, въ господствѣ разума, и человѣкъ есть только орудіе и матеріалъ для высшей цѣли, для образованія существъ съ концентрированнымъ сознаніемъ. При этомъ, цѣль природы состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы всѣ познали истину, а въ томъ, чтобы истина была познана нѣкоторыми и чтобы преданіе ея не затерялось. Поднять всѣхъ до одинаковаго уровня невозможно, да и вовсе не нужно. Тотъ принципъ, что общество существуетъ только для благополучія и свободы составляющихъ его индивидовъ, повидимому, не согласенъ съ планами природы, въ которыхъ недѣлимое приносится въ жертву виду и роду и согласно которымъ цѣль міра заключается въ созданіи боговъ, высшихъ существъ, которымъ остальныя существа будутъ служить и находить въ этомъ служеніи свое счастье. «Рядомъ съ человѣкомъ науки, говоритъ Ренанъ, должны стоять люди, готовые на него и за него работать, и притомъ не понимая его дѣятельности". При господствѣ демократіи «распространеніе первоначальнаго образованія сократитъ число готовыхъ на самопожертвованіе; народъ, полный глупаго тщеславія, не захочетъ содержать высшую культуру, то есть имѣть господъ». Между тѣмъ, «цѣль человѣчества состоитъ въ созданіи великихъ людей. Важны не столько просвѣщенныя массы, сколько великіе геніи и публика, способная ихъ понять. Если невѣжество массъ есть не-

обходимое условіе для этого—тѣмъ хуже. Природа не останавливается передъ такими препятствіями, она уничтожаетъ цѣлые виды для предоставленія другимъ необходимыхъ условій развитія». Жертвовать живымъ существомъ эгоизму другого—чудовищное дѣло, но принесеніе живаго существа въ жертву цѣлямъ природы—законно Большинство должно мыслить и наслаждаться посредственно, черезъ представителей. Средневѣковая идея вѣрна: масса работаетъ, нѣкоторые молятся за нее и исполняютъ за нее высшія функціи жизни—вотъ картина человѣчества. Нѣкоторые живутъ за всѣхъ. Народъ никогда не удовлетворится эгоизмомъ. Если онъ самъ не наслаждается, такъ хочетъ, чтобы существовали наслаждающіеся.

Согласно изложенному, если природа и общество обладаютъ способностью внушать личности стремленія, побужденія и цѣли, не имѣющія ничего общаго съ ея собственными интересами, то хотя со стороны Ницше этотъ порядокъ вещей вызываетъ негодованіе, а со стороны Ренана—требованіе абсолютнаго преклоненія, но и тотъ и другой признаютъ его неизбѣжнымъ, обязательнымъ отношеніемъ между личностью и обществомъ Тѣмъ самымъ и тотъ, и другой не признаютъ возможнымъ для личности, живя въ обществѣ руководиться собственными интересами, быть самой собой, а не безвольнымъ орудіемъ внѣшнихъ воздѣйствій Г. Михайловскій, съ глубокимъ интересомъ останавливаясь на этихъ и родственныхъ имъ ученіяхъ, отнюдь не отрицаетъ того, что въ примѣненіи къ извѣстнымъ условіямъ фактической дѣйствительности онѣ совершенно справедливы,—а потому и заслуживаютъ полнаго нашего вниманія Несомнѣнно, говоритъ г. Михайловскій, что въ природѣ вездѣ происходитъ поглощеніе низшихъ индивидуальностей высшими, что и обусловливаетъ собой борьбу за индивидуальность. Несомнѣнно, что и общество, когда оно развивается по типу органическаго процесса, когда оно обособляетъ функціи, атрофируетъ у каждой отдѣльной группы индивидовъ присущія человѣку силы и способности, кромѣ немногихъ, тѣмъ самымъ лишаетъ индивидовъ самостоятельности, превращаетъ ихъ въ свои служебные органы, внушая имъ соотвѣтственныя чувства, стремленія. Но видѣть нѣчто роковое въ этомъ процессѣ поглощенія безсознательнымъ строемъ общественной индивидуальности живой человѣческой индивидуальности, чувствующей и мыслящей—значитъ упускать изъ виду, что человѣческая индивидуальность не меньше общественной стремится развиваться и, въ своемъ стремленіи къ развитію, т.-е. къ усложненію своего строенія и своихъ отправленій, стреми-

тся совмѣстить въ себѣ какъ можно больше изъ присущихъ человѣческой природѣ способностей. Утверждать, будто таковъ ужъ роковой ходъ вещей, что личность должна поглощаться обществомъ и вообще рабски подчиняться внѣшнимъ вліяніямъ, значитъ упускать изъ виду, что гдѣ интересы сталкиваются между собой, тамъ существуютъ по крайней мѣрѣ двѣ стороны и возможна борьба, и, что особенно важно, что въ этой борьбѣ замѣщаны интересы наиболѣе намъ близкіе— человѣческіе.

Даже допуская, что у природы есть свои цѣли, мы не должны забывать, что если природа вложила въ человѣка инстинктъ самопожертвованія и подчиненія своего эгоизма интересамъ, внѣ его находящимся, то съ другой стороны она же вложила въ него и потребность независимости, и жажду власти. Какое же основаніе считать, что одни инстинкты соотвѣтствуютъ цѣлямъ природы, а другіе имъ не соотвѣтствуютъ? На самомъ же дѣлѣ природа не имѣетъ цѣлей, или, что практически одно и тоже, ея цѣли неуловимы, не существуютъ для человѣка. А кто склоненъ ссылаться на цѣли природы, тотъ только произвольно возводитъ въ законъ природы расшатанность своихъ побужденій, неувѣренность въ самомъ себѣ, недостатокъ вѣры въ собственныя свои стремленія. Подобное отношеніе къ человѣческой сторонѣ дѣйствительности является въ усиленной степени въ извѣстные историческіе періоды, когда ходъ историческихъ обстоятельствъ развѣнчалъ въ глазахъ личности старые идеалы, не создавъ новыхъ, или когда по существующимъ условіямъ личность чувствуетъ себя не въ силахъ осуществить свои стремленія. Но дѣлать отсюда тотъ выводъ, что вообще не стоитъ и безполезно человѣку стремиться и предъявлять жизни свои требованія—значитъ произвольно принимать въ принципѣ данную дѣйствительность за всю дѣйствительность, смѣшивать факты данной минуты со всей областью возможнаго и желательнаго. Подобное обуженное отношеніе къ дѣйствительности, будучи явленіемъ очень распространеннымъ въ извѣстныя эпохи и особенно въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ, составляетъ удѣлъ личности, которая въ борьбѣ за индивидуальность, т. е. въ борьбѣ съ условіями, стремящимися раздробить и специализировать содержаніе жизни человѣка,—потерпѣла пораженіе. Побѣжденная въ этой борьбѣ со спеціализаціей душевнаго строя, она передъ лицомъ факта какъ будто забываетъ, что онъ не стоитъ одиноко и имѣетъ отношеніе къ другимъ фактамъ, что онъ подлежитъ воздѣйствію и измѣненію подъ давленіемъ человѣческихъ идей и стремленій. Въ то же

время, что касается идей и стремленій, она забываетъ объ ихъ отношеніи къ дѣйствительности и къ цѣльной человѣческой индивидуальности. Какъ къ фактической дѣйствительности, такъ и къ внутреннимъ побужденіямъ она относится подобно гипнотику, т.-е. односторонне сосредоточившись, теряетъ способность сколько нибудь широко охватывать условія жизни въ томъ объемѣ, какъ онъ доступенъ личности, не сдѣлавшейся жертвой узкой специализаціи. При этихъ-то условіяхъ и является тотъ родъ иллюзій, на которыя указываютъ Шопенгауеръ и Ренанъ, когда человѣкъ не различаетъ интересовъ и достоинства своей личности отъ интересовъ и цѣлей, навязываемыхъ ей враждебными условіями. Сосредоточиваясь на какой нибудь тѣсной сферѣ впечатлѣній и интересовъ, личность подобно гипнотику, подобно птичкѣ, бросающейся въ пасть змѣи, и бабочкѣ, летящей на огонь, теряетъ устойчивость и самообладаніе. Въ этомъ состояніи она автоматически, т.-е. безъ собственныхъ руководящихъ началъ, которыя бы послѣдовательно охватывали совокупность ея интересовъ,—подчиняетъ свою волю внѣшнимъ воздѣйствіямъ, или же «допускаетъ овладѣть собой какой нибудь одной сторонѣ своего существа, одной умственной складкѣ или одной страсти въ ущербъ полнотѣ жизни», т.-е. въ ущербъ интересамъ и достоинству своей личности. Не различая требованій своей индивидуальности и ея человѣческаго достоинства отъ принижающихъ и умаляющихъ ее спеціальныхъ, узкихъ и исключительныхъ требованій, личность ошибочно принимаетъ за признакъ своей силы энергію этихъ побужденій, въ которыхъ она, по существу дѣла не вольна. Когда, напримѣръ, женщина усиленно сосредоточиваетъ всѣ свои интересы около любви, принося этому интересу въ жертву все остальное, она, согласно Шопенгауеру, жертва иллюзіи: она бьется не за свои интересы, а за что-то ей посторонее, принимая это посторонее за свой кровный интересъ. Г. Михайловскій не только не отрицаетъ существованія этой иллюзіи, но именно въ подтвержденіе своей точки зрѣнія особенно настойчиво останавливается на этомъ. Женщина дѣйствительно жестоко ошибается, принимая «чары любви», обаяніе женственности за свою силу и усматривая во всемъ этомъ свое достоинство. Она не замѣчаетъ, что преклоненіе, доходящее даже до обожанія, которому она подвергается какъ женщина, переплетается очень интимными нитями съ высокомѣрнымъ къ ней отношеніемъ, какъ къ человѣку. По словамъ г. Михайловскаго, «въ окружающей женщину атмосферѣ поклоненія явственно слышится струя обидно снисходитель-

наго презрѣнія, хотя бы и безсознательнаго. Она полу-раба, полу-царица, и въ кругъ тѣхъ интересовъ и идей, которыя мы считаемъ наиболѣе важными, мы ее не допускаемъ, любезно объясняя такое исключеніе «женственностью», женственною прелестью, которой, дескать, не слѣдуетъ соприкасаться съ житейскими дрязгами Женщинѣ, собственно «дамѣ»—«розы рвать, жасмины поливать», а намъ—рѣшать глубочайшіе вопросы науки, управлять ходомъ общественныхъ дѣлъ, потому что ихъ дамскій птичій мозгъ ничего въ этомъ понимать не можетъ» Поэтому, сосредоточивая свои интересы около того, что даетъ ей возможность въ спеціальной сферѣ любви быть «царицей», она тѣмъ самымъ играетъ въ руку условіямъ, которыя дѣлаютъ изъ нея рабу въ другихъ отношеніяхъ Заботясь о своей женственности, о силѣ своихъ женскихъ прелестей, т-е. о такихъ свойствахъ, которыя ее отличаютъ отъ мужчины, стремясь устранить изъ содержанія своей жизни цѣлыя сферы дѣйствительности, она подставляетъ на мѣсто своихъ человѣческихъ интересовъ требованія спеціальныхъ условій, которыя обращаютъ ее въ орудіе любви и наслажденій. Она упускаетъ изъ виду, что эти же условія, специализируя и обособляя интересы и способности ея, тѣмъ самымъ принижаютъ ея самостоятельность, силу и достоинство, какъ человѣка. Женщины первобытныхъ народовъ, «по всей вѣроятности, мало женственны, т-е. очень похожи на своихъ мужчинъ и лишены такихъ признаковъ, какъ тонкая талія, маленькія руки и ноги, нѣжная кожа, которыми мы такъ любуемся въ своихъ дамахъ, равно какъ и милая наивность, всесторонняя неумѣлость и другія умственныя и нравственныя черты, которыя мы пожалуй нѣсколько и презираемъ, хотя и пользуемся ими». Но, какъ ни скуденъ кругъ жизни дикарей, въ немъ нѣтъ ни одного уголка, недоступнаго женщинѣ. При этихъ условіяхъ, когда различія между мужчиной и женщиной не обострены подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чувство любви лишено той мучительности и болѣзненной напряженности, которой оно достигаетъ при усиленіи, такъ называемыхъ, вторичныхъ половыхъ признаковъ. По мѣрѣ же усиленія неравенства между полами, чувство любви все больше проникается двойственнымъ характеромъ оно складывается изъ сознанія зависимости отъ другого пола и въ то же время—чувства отчужденности отъ него. Чѣмъ меньше общихъ интересовъ, тѣмъ болѣе чужды другъ друга мужчина и женщина, но въ то же время тѣмъ сильнѣе зависимость ихъ другъ отъ друга, не только матеріально, но и духовно, потому что каждый ищетъ въ

другомъ то, чего ему не достаетъ Пока мужчина и женщина представляютъ изъ себя, такъ сказать, двѣ половины одного цѣлаго, это стремленіе, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени можетъ быть удовлетворено. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго дифференцированія и увеличенія несходствъ, по мѣрѣ обращенія ихъ обоихъ въ трети, четверти и вообще въ дроби меньшія, чѣмъ половина, это стремленіе другъ къ другу получаетъ безъисходно роковой характеръ. Отсюда его напряженность и оттѣнокъ мучительности, достигающей своей высшей степени въ патологическихъ формахъ любви,—пассивизмѣ и садизмѣ: «пассивистъ» готовъ съ радостью переносить всѣ пытки и истязанія, которыми награждаетъ его любимая рука; «садистъ» самъ долженъ истязать любимое существо. У перваго—любовь осложняется жаждой подчиненія, рабства, поклоненія. у второго—стремленіемъ къ деспотизму и насилію. Отъ этихъ крайнихъ явленій существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней къ явленіямъ того же рода, которыя насъ нисколько не поражаютъ, а отчасти даже идеализируются нами.

Во всѣхъ подобныхъ проявленіяхъ мучительно обостреннаго любовнаго чувства человѣкъ перестаетъ отстаивать интересы человѣческой личности и ея достоинство, обращаясь въ слабое волей и въ то же время разнузданное орудіе страсти, болѣзненно сконцентрированной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ орудіе извѣстныхъ формъ общественныхъ отношеній. Рабская пассивность и рабская разнузданность получаются тутъ такимъ образомъ, какъ результатъ пораженія личности въ борьбѣ за индивидуальность,—борьбѣ, которую ей приходится всегда вести на два фронта: съ высшими индивидуальностями и съ низшими, съ внѣшними враждебными воздѣйствіями и съ элементами собственнаго «я». Поэтому личность, потерпѣвшая пораженіе въ этой борьбѣ, смѣшиваетъ свои интересы—интересы своей человѣческой индивидуальности, съ обѣими этими категоріями враждебныхъ ей интересовъ. Это можно наблюдать въ области всевозможныхъ человѣческихъ стремленій,—жажды наслажденій, богатства, власти, жажды знаній и дѣятельности. Въ сферѣ всѣхъ этихъ побужденій человѣкъ, сосредоточиваясь на какомъ нибудь узко-специфическомъ разрядѣ интересовъ, въ большей или меньшей степени теряетъ опредѣленное сознаніе интересовъ своей личности, теряетъ самообладаніе, одновременно съ этимъ обращается въ орудіе одной какой нибудь стороны своего существа и тѣмъ самымъ въ орудіе постороннихъ вліяній.

Это имѣетъ мѣсто во всей той безграничной области явленій, въ

которой личность дѣйствуетъ подъ давленіемъ моды, рутины, шаблона и всякихъ формъ, сглаживающихъ и устраняющихъ оттѣнки индивидуальныхъ особенностей и вкусовъ, безпощадно игнорирующихъ сложное разнообразіе требованій человѣческой индивидуальности. Люди наживы и спекуляціи въ высокой степени выдѣляются своей склонностью обращаться въ обезличенную толпу, которая сегодня вся, какъ одинъ человѣкъ, набрасывается на одно предпріятіе, чтобы завтра столь же стремительно сбывать его съ рукъ. Они рабы своей жадности и обезличены ей, и въ то же время они рабы внѣшнихъ впечатлѣній—слуховъ, извѣстій, пересудовъ, которымъ отдаются совершенно зря, нисколько не руководясь никакими побужденіями собственнаго вкуса, никакими соображеніями собственнаго разума. Тѣ, люди, программа жизни которыхъ узко ограничена спеціальнымъ кругомъ наслажденій, нарядовъ, театровъ, концертовъ, картъ, рулетки и всякаго спорта, какъ извѣстно, тоже неизмѣнные рабы моды и невольныхъ увлеченій, въ которыхъ личные вкусы и побужденія исчезаютъ И вмѣстѣ съ тѣмъ, они рабы своей жажды ощущеній-потому что это побужденіе, выдѣленное изъ общей совокупности стремленій, не даетъ личности ни устойчивости, ни самообладанія Точно также, когда личность получаетъ идеи, убѣжденія, идеалы формы общественныхъ отношеній въ видѣ чего-то готоваго, не переработаннаго усиліями индивидуальнаго сознанія, то она, съ одной стороны, становится рабомъ формъ и системъ, а съ другой—относится по рабски растерянно и безсильно къ тѣмъ спеціальнымъ своимъ интересамъ, односторонее и безконтрольное господство которыхъ обращаетъ ее въ дробь цѣлаго. Тѣмъ самымъ она обращается въ орудіе отвлеченныхъ формъ и системъ, враждебныхъ человѣческой личности. И во всѣхъ указанныхъ случаяхъ иллюзія, заставляющая личность принимать за свои интересы чуждыя ей требованія,—является результатомъ потери цѣлостнаго отношенія къ дѣйствительности Лишенная цѣлостности личность не чувствуетъ устоя внутри себя, въ собственныхъ своихъ разрозненныхъ требованіяхъ отъ жизни и, вслѣдствіе этого, безпомощно ищетъ опоры во внѣ. Лишенная внутренняго плана, выдержки, устойчивыхъ руководящихъ цѣлей, она ищетъ себѣ руководства въ готовыхъ формулахъ, шаблонахъ и системахъ: другими словами, сокращенная въ своей способности стремиться и желать по своему, по собственной волѣ и руководствуясь собственнымъ сознаніемъ, она стремится повиноваться и подражать.

XII.

Даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ въ личности человѣческой никогда не замирала потребность борьбы и протеста противъ давленія внѣшнихъ условій и, въ частности, противъ давленія формъ, шаблоновъ и системъ, нивеллирующихъ все индивидуальное. Но при этомъ, отстаивающая свою самостоятельность личность съ расшатаннымъ строемъ побужденій, которая не въ силахъ противопоставить внѣшнимъ воздѣйствіямъ и стѣснительнымъ «системамъ» свои собственныя, достаточно устойчивыя руководящія начала, имѣетъ склонность ставить на мѣсто подчиненія—разнузданный произволъ, на мѣсто повиновенія неподвижнымъ началамъ—совершенную свободу отъ какихъ бы то ни было началъ, вплоть до провозглашенія полной независимости человѣческаго ума, чувства, воображенія и личности человѣческой отъ внѣ ея лежащаго міра.

Въ области отвлеченной мысли тенденція эта выражается притязаніемъ на познаніе безотносительнаго, сверхчувственнаго, абсолютнаго—т. е. вообще на независимость отъ опыта; въ сферѣ опытнаго знанія—претензіей на возможность обойтись безъ обобщеній; въ искусствѣ—стремленіемъ къ неземному, съ одной стороны, и претензіей на свободу отъ тенденцій, съ другой; въ области нравственныхъ побужденій —притязаніемъ на независимость чувствъ отъ общественныхъ условій. И во всѣхъ этихъ областяхъ, всѣ эти по виду смѣлыя и возвышенныя притязанія на освобожденіе человѣка отъ тѣхъ или другихъ условій дѣйствительности на самомъ дѣлѣ неизмѣнно разрѣшаются болѣе чѣмъ скромнымъ подчиненіемъ любому изъ отвергаемыхъ элементовъ дѣйствительности и человѣческой природы. Такъ, при всемъ презрѣніи метафизиковъ къ опытнымъ, эмпирическимъ и личнымъ элементамъ мышленія, они по выраженію Милля, всегда открывали въ своемъ умѣ то, что сами предварительно въ него вложили и выпутывая изъ своихъ идей то, что сами впутали: «воспринявъ, говоритъ г. Михайловскій, опытнымъ путемъ извѣстный фактъ, они выпускаютъ его изъ себя уже въ видѣ незыблемаго принципа». Такъ, напримѣръ, «Декартъ, предписывавшій сторониться отъ изученія внѣшняго міра и добывать истину изъ самого себя, получилъ идею дуализма духа и матеріи и превосходства перваго надъ второй—путемъ чисто чувственныхъ воспріятій явленій средневѣковой жизни. Онъ ратовалъ противъ этихъ явленій—дуализмъ и презрѣніе къ матеріи составляли коренныя черты католицизма. И не смотря

на революціонный характеръ своего ученія, онъ только перемѣнилъ пьедесталъ подъ этими чертами—замѣнилъ теологію метафизикой. То, что до сихъ поръ выдавалось за велѣніе Божіе, стало выдаваться за продуктъ индивидуальнаго разума, полученный безъ всякаго вмѣшательства, какъ сверхъестественныхъ началъ, такъ и чувственныхъ воспріятій».

Точно также, эмпиризмъ, отвергающій вмѣшательство какихъ бы то ни было идей и идеаловъ, неизбѣжно оказывается во власти очень спеціальныхъ тенденцій и идей: то идеи невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, то благодѣтельности конкуренціи, свободы промышленности и т. д. и т. д.

Въ области художественнаго творчества это же самое стремленіе къ полной свободѣ отъ идей и тенденцій систематически и упорно приводило всегда къ тенденціи—внушать публикѣ восторгъ предъ красотой женскаго тѣла, пейзажа, изящныхъ и богатыхъ нарядовъ и т. п.

Въ области нравственно общественныхъ отношеній стремленіе освободить личность отъ давленія какихъ бы то ни было общественныхъ формъ представляетъ особенный интересъ. Съ одной стороны оно выражается въ аскетизмѣ, т.-е. въ тенденціи достичь независимости цѣною отреченія отъ собственныхъ стремленій, что въ концѣ-концовъ ведетъ къ безсильному преклоненію предъ самыми крайними и наиболѣе жестокими требованіями враждебныхъ человѣку внѣшнихъ условій. Съ другой стороны, эта тенденція нашла себѣ выраженіе въ томъ обширномъ историческомъ движеніи, которой преимущественно предъ другими принято называть «индивидуализмомъ». Такъ его называютъ и сторонники и противники его. Однако ближайшій разборъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ это движеніе произошло, показываетъ, что въ этой и понынѣ продолжающейся борьбѣ между личностью и общественными узами личность, освобождаясь отъ однихъ узъ, сейчасъ же попадала въ тиски новыхъ общественныхъ формъ.

Въ средніе вѣка, говоритъ г. Михайловскій, «личность сжималась тисками цѣлаго, которое называлось то цехомъ, то гильдіей, то общиной, то церковью, то крѣпостными отношеніями, то феодальной системой». Всѣ эти формы общественныхъ отношеній строго регламентировали даже самыя интимныя стороны жизни личности, устанавливая во всѣхъ ея сферахъ и для внѣшнихъ ея проявленій, и для мысли и чувства, совершенно непроходимыя перегородки, непреодолимыя границы. Но со временемъ цѣлый рядъ историческихъ

обстоятельствъ постепенно подкосилъ весь строй, такъ всесторонне и глубоко порабощавшій личность. Первымъ провозвѣстникомъ новаго движенія былъ Лютеръ, провозгласившій право личности на свободу въ вопросахъ религіи Вслѣдъ за Лютеромъ выступилъ цѣлый рядъ публицистовъ, порожденныхъ реформаціей, и провозгласившихъ право личности сопротивлятся велѣніямъ земныхъ властей. Въ произведеніяхъ Монтеня, отрицавшаго и осмѣивавшаго все, чему подчинялась личность въ средніе вѣка, и рекомендовавшаго удаленіе изъ общества ради личнаго спокойствія, и въ произведеніяхъ Рабле, выставившаго принципъ: «дѣлай, что хочешь», нашло себѣ выраженіе полное »возстаніе личности противъ всякихъ стѣсненій» и стремленіе найти въ самомъ себѣ точку опоры. Въ XVIII столѣтіи все содержаніе литературы было сосредоточено около идеи освобожденія личности Противъ нетерпимости и фанатизма въ области мысли литература выставила деизмъ Вольтера и атеизмъ Гольбаха, противъ абсолютизма въ политической сферѣ—конституціонализмъ Монтескье, противъ монополіи въ сферѣ экономической—либерализмъ Кене и Тюрго И въ XIX вѣкѣ борьба за эмансипацію личности нашла себѣ мѣсто, какъ въ естественныхъ наукахъ, такъ и въ философской мысли, въ нравственно политическихъ ученіяхъ и въ практической дѣйствительности.

Г. Михайловскій показываетъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ отстаивались интересы не личности, а только осколка личности, какъ онѣ преломляются въ интересахъ того или другого сложнаго общественнаго цѣлаго. Лютеръ, выступивъ за свободу личнаго изслѣдованія, съ другой стороны проповѣдывалъ крестьянамъ смиреніе и терпѣніе. Протестантизмъ былъ, въ мысли Лютера, движеніемъ исключительно религіознымъ и даже просто церковнымъ. По выраженію Луи Блана, Лютеръ желалъ «свободнаго христіанина, но порабощеннаго человѣка». Кальвинъ въ своей реформаторской дѣятельности не шелъ дальше церковной области. «Протестанскіе публицисты XVI-го столѣтія, рядомъ съ горячею проповѣдью политической свободы и ненавистью къ абсолютизму, были полны презрѣнія и недовѣрія къ народу. Они называли его звѣремъ и считали совершенно невозможнымъ припустить его къ свободѣ. Они желали имѣть противовѣсъ абсолютизму, но только въ лицѣ трехъ сословій, т. е. дворянства, духовенства и буржуазіи. Что же касается собственно народа, то онъ въ принципѣ устранялся отъ свободы и участія въ государственныхъ дѣлахъ». Это противорѣчило основному принципу «эмансипаціи личности», потому что громадное число «личностей» оставалось

не задѣтымъ этимъ движеніемъ, но это противорѣчіе, говоритъ г. Михайловскій, красною нитью проходитъ чрезъ всю исторію «индивидуализма». «Вольтеръ, искренно жаждавшій свободы мысли, взывавшій къ политической свободѣ, требовавшій свободы торговли, словомъ, во всемъ искавшій свободы, свободы и свободы, тѣмъ не менѣе раздѣлялъ людей на «порядочныхъ» и «сволочь», и всяческой свободы требовалъ только для первыхъ, а «сволочи» предоставлялъ невѣжество и воловье ярмо. Страшная революція 1789 года, разбившая феодальные гербы, изорвавшая старинные пергаменты, низвергнувшая тронъ и казнившая короля, тѣмъ не менѣе раздѣлила гражданъ на «активныхъ» и «пассивныхъ», силою оружія разгоняла работниковъ, собиравшихся для обсужденія и заявленія своихъ нуждъ, строго блюла за тѣмъ, чтобы не всплывалъ такъ называемый соціальный вопросъ, и пыталась предоставить свободу печати только торжествующей буржуазіи. Подобныя же явленія представляетъ исторія и послѣдующихъ революцій, не менѣе первой имѣвшихъ въ виду свободу»

Всѣ явленія этой категоріи несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ индивидуалистическомъ движеніи борьба за личность въ значительной степени осложнялась борьбой за тѣ или другія общественныя группы, сословія, классы, или, употребляя термины г. Михайловскаго, борьба за человѣческую индивидуальность осложнялась борьбой за индивидуальности общественныя, интересы которыхъ очень разнообразно комбинируются съ интересами человѣческой личности. Вслѣдствіе этого въ индивидуалистическомъ движеніи борьба за личность сплошь и рядомъ осложнялась борьбой за интересы, несовмѣстные съ интересами цѣлостной человѣческой личности и поэтому неблагопріятные для ея самостоятельности. Можно сказать, что проявлявшееся въ индивидуалистическомъ движеніи стремленіе личности къ эмансипаціи находило себѣ осуществленіе только въ той степени, въ какой это допускалось ходомъ борьбы между отживающими общественнымъ формами и возникающими. Вообще, въ каждомъ своемъ шагѣ, сдѣланномъ для облегченія личности отъ стѣсняющихъ ее общественныхъ узъ, она отнюдь не выходитъ за предѣлы общественныхъ отношеній, а все время двигается впередъ внутри ихъ, внутри послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга общественныхъ системъ. И такъ какъ это лежитъ въ самой природѣ вещей, то интересъ личности, отстаивающей свою самостоятельность въ борьбѣ съ давленіемъ общественныхъ формъ,

сводится не къ устраненію своей зависимости отъ какихъ бы то ни было системъ общественныхъ отношеній, а къ отысканію и отстаиванію такихъ формъ этихъ отношеній, которыя обезпечивали бы ей полноту существованія, т.-е разносторонность и цѣлость, въ чемъ и заключается единственный и дѣйствительный залогъ самостоятельности личности. То же самое должно сказать и объ отношеніяхъ личности къ «системамъ» идей и тенденцій въ области отвлеченнаго мышленія, художественнаго творчества и нравственности. Борясь противъ подчиненія «системамъ», «предвзятымъ» идеямъ и «субъективнымъ» тенденціямъ, личность тѣмъ не менѣе въ каждый данный моментъ непремѣнно руководится какой нибудь системой. Поэтому залогъ дѣйствительно свободнаго отношенія къ «системамъ» не заключается въ томъ, чтобы совсѣмъ ихъ игнорировать или избѣгать—это ведетъ только къ безсознательному къ нимъ отношенію,—а состоитъ въ обладаніи такой системой, которая, отличаясь достаточной устойчивостью, тѣмъ самымъ обезпечивала бы личности возможность оставаться самой собой.

Однако ясная постановка и нормальное рѣшеніе въ этомъ направленіи задачи объ отношеніяхъ личности къ «системамъ» встрѣчаетъ постоянное препятствіе въ условіяхъ, которыя лишаютъ человѣка довѣрія къ системамъ и формамъ, какъ въ области общественныхъ отношеній, такъ и идей. Когда личность подчиняется какимъ бы то ни было нормамъ помимо личнаго убѣжденія,—изъ подражанія, слѣдуя модѣ и рутинѣ, вообще, по слабости собственныхъ руководящихъ началъ, т.-е. по обезличенности, то она не дорожитъ тѣми началами, которымъ подчиняется. Въ большей или меньшей степени утративши при этомъ самую потребность въ выработкѣ достаточно устойчивыхъ собственныхъ руководящихъ началъ, которыми бы она могла дорожить, личность впадаетъ въ произволъ распущеннаго отношенія къ дѣйствительности. Тому, кто не привыкъ уважать наличныя формы общественныхъ отношеній, наличныя идейныя стремленія, легко въ нетерпѣніи придти къ мысли, что спасеніе отъ стѣснительныхъ своей узостью и произвольностью догматовъ и формъ заключается въ свободѣ отъ какихъ бы то ни было системъ и нормъ. И въ результатѣ получается не свобода, а распущенность, т.-е. произволъ и растерянность, выражающіеся въ рабски безсильномъ отношеніи къ случайно слѣдующимъ другъ за другомъ внѣшнимъ вліяніямъ и къ безсвязно смѣняющимся внутреннимъ побужденіямъ. Таковъ, именно, во всѣхъ сферахъ жизни и мысли, неиз-

мѣнный результатъ стремленій личности къ самостоятельности—въ той мѣрѣ, въ какой она видитъ залогъ этой самостоятельности въ полной независимости отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяній и отъ какихъ бы то ни было системъ—идей, общественныхъ отношеній или вещей. Поэтому-то сторонники необходимости подчинять личное начало внѣличнымъ системамъ и догматамъ, не зависящимъ отъ личныхъ стремленій, ставятъ въ вину индивидуализму стремленіе къ идейной и нравственной распущенности, къ разнузданному личному произволу. Фактически они правы,—но не до конца. Высокое значеніе точки зрѣнія г. Михайловскаго заключается въ томъ, что не давая сваливать въ одну кучу всѣ разнообразныя историческія проявленія индивидуализма, она позволяетъ различать и выдѣлять среди сложныхъ историческихъ наслоеній тѣ условія, при которыхъ индивидуализмъ остается вѣрнымъ себѣ, а именно когда онъ освобождаетъ личность изъ подъ власти отрывочныхъ и обособленныхъ интересовъ и побужденій. Если личности, склонной игнорировать организованныя системы, догматы, общественныя формы и вообще какія бы то ни было руководящія начала, кажется, что въ этомъ игнорированіи лежитъ залогъ торжества личныхъ началъ и личной свободы, то это зависитъ отъ того, что она не различаетъ интересовъ человѣческой индивидуальности отъ разныхъ интересовъ, хотя и человѣческихъ, но односторонихъ и исключительныхъ. Ученіе же г. Михайловскаго выясняетъ и возводитъ въ стройную систему то положеніе, что если человѣкъ въ тѣхъ или другихъ частныхъ условіяхъ отстаиваетъ какіе нибудь интересы, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что это дѣйствительно интересы его индивидуальности. Принципіальная цѣнность точки зрѣнія г. Михайловскаго заключается, именно, въ систематическомъ указаніи на то, что односторонніе, узкіе и обособленные побужденія личности не могутъ быть отождествляемы съ интересами человѣческой индивидуальности, не соотвѣтствуя ея достоинству, не давая ей ни самостоятельнаго отношенія къ жизни, ни счастья, ни истины, ни правды. Отстаиваніе любого изъ интересовъ человѣческихъ—жажды знанія, наслажденія, любви, богатства, славы, чести, потребности въ трудѣ и творчествѣ, въ удовлетвореніи чувства изящнаго или нравственнаго чувства-отстаиваніе любого изъ этихъ стремленій перестаетъ соотвѣтствовать интересамъ личности въ той мѣрѣ, въ какой общій жизненный строй личности при этомъ теряетъ въ полнотѣ и цѣлостности. Въ необузданно односторонихъ порываніяхъ къ сверх-

чувственному знанію, къ красотѣ, къ половой любви, къ наслажденіямъ, къ наживѣ и т. д —человѣкъ отстаиваетъ не интересы личности, не интересы человѣческіе, а специфическіе обуженные интересы дроби личности, «разбитой» и «забитой» ходомъ историческаго процесса, враждебнаго полнотѣ и цѣлостности ея существованія. Всѣ подобные интересы, выдѣленные изъ совокупности интересовъ цѣлостной человѣческой индивидуальности, ограничиваютъ жизненный кругозоръ личности и тѣмъ самымъ уменьшаютъ для нея возможность разбирать и выбирать, т.-е. шансы того, въ чемъ заключается вся сущность свободы и самообладанія, потому-что внѣ возможности и способности выбирать для личности нѣтъ никакой свободы. Особенность точки зрѣнія г. Михайловскаго и ея возвышенность заключаются въ систематическомъ и неуклонномъ указаніи на эту основу свободнаго, самостоятельнаго отношенія человѣка къ дѣйствительности. Именно съ этой точки зрѣнія она противоставляетъ цѣлостную личность и ея требованія всему тому, что стремится сократить, обузить содержаніе жизни. Она напоминаетъ о возможной и доступной человѣку полнотѣ жизни и ширинѣ требованій человѣческой природы. Она настойчиво указываетъ на то, что доступная человѣку дѣйствительность въ ея полнотѣ—шире любыхъ данныхъ частныхъ условій: что дѣйствительность для человѣка въ цѣломъ всегда шире фактовъ, потому что факты подлежатъ нашей оцѣнкѣ и нашему воздѣйствію, что она шире идейныхъ началъ, системъ, формулъ и общественныхъ нормъ—въ той мѣрѣ, въ какой эти начала спеціально приноровлены къ тѣмъ или другимъ исключительнымъ интересамъ, обособленнымъ отъ другихъ элементовъ жизни. Принципіально и настойчиво указывая человѣку на систематическій путь къ расширенію содержанія жизни, эта точка зрѣнія тѣмъ самымъ открываетъ предъ личностью наибольшую степень свободнаго отношенія къ внѣшнимъ вліяніямъ и вообще самостоятельнаго отношенія къ дѣйствительности. По основной своей тенденціи примыкая къ обширному историческому теченію, ученіе г. Михайловскаго въ этомъ смыслѣ не ново. Но это только говоритъ въ пользу его основательности. А что у г. Михайловскаго при этомъ самостоятельно, такъ это необычайно ясное принципиальное обоснованіе и развитіе указываемой тенденціи. Необычайно просто, безъ натяжекъ и усилій, ученіе его охватываетъ всю дѣйствительность, и, вслѣдствіе этой простоты, чрезвычайно ясно и убѣдительно показываетъ, что во всѣхъ сферахъ жизни, какъ униженно рабской пассивности, такъ и необузданному

произволу побужденій соотвѣтствуютъ узость, ограниченность, одностороннее подавленіе личности ея же собственными элементами. И съ такой же прозрачной ясностью оно обнаруживаетъ, что залогъ самостоятельнаго отношенія къ жизни, залогъ способности къ организованному, устойчивому строю стремленій и залогъ способности налагать на инертную дѣйствительность печать своихъ человѣческихъ побужденій—заключается въ *полнотѣ* и *цѣлостности* существованія личности въ *ширинѣ* захвата и *сосредоточенности* предъявляемыхъ ею требованій около цѣлостной человѣческой индивидуальности. Весь ходъ развитія психологическихъ ученій, особенно въ новое время, блистательно подтверждаетъ вѣрность мысли г. Михайловскаго съ психологической стороны,—показывая, что свобода личности и залогъ ея активнаго отношенія къ жизни заключаются не въ независимости отъ внѣшнихъ вліяній и впечатлѣній, а въ ширинѣ кругозора, т.-е. обширности сферы выбора, съ одной стороны, и съ другой—въ концентраціи, въ систематической, устойчивой энергіи субъективныхъ требованій, предъявляемыхъ ею къ дѣйствительности. Г Михайловскій постановкой этого же воззрѣнія на общественную почву выводитъ задачу изъ области отвлеченныхъ безъисходныхъ опредѣленій, изъ области мучительски жестокой морали, нападокъ противъ человѣческой природы и личности, изъ области безпощадно отрицательнаго отношенія къ человѣку—на почву положительныхъ, гуманныхъ и практически-осуществимыхъ задачъ Ученіе о борьбѣ за индивидуальность, указывая на полноту и цѣлостность индивидуальнаго существованія, какъ на коренной залогъ самостоятельности и достоинства личности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на основаніе истины, красоты, справедливости и счастія, тѣмъ самымъ съ необычайной ясностью указываетъ, на что должны быть направлены усилія личности въ отстаиваніи всего, что дорого человѣку. Ученіе о борьбѣ за индивидуальность обнаруживаетъ, что общественныя условія, обращающія человѣческую индивидуальность въ дробь, сокращая содержаніе индивидуальной жизни, уменьшаютъ свободное, самостоятельное отношеніе личности къ дѣйствительности въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, уменьшая кругъ того, что доступно выбору личности, и во-вторыхъ, лишая устойчивости и послѣдовательности самое побужденіе къ выбору, т -е. уменьшая опредѣленность и энергію этого побужденія. Въ связи съ этимъ, ученіе это обязываетъ личность во всѣхъ задачахъ жизни, мысли и чувства отстаивать свои интересы и свое достоинство борьбой на два фронта: противъ исключительности, съ одной стороны, противъ индиферен-

тизма и растерянности, съ другой Борьба за индивидуальность налагаетъ на личность, какъ на представителя человѣческихъ интересовъ, обязанность отстаивать эти интересы, какъ противъ внѣшнихъ системъ, такъ и противъ элементовъ собственнаго „я“,—въ той мѣрѣ, въ какой тѣ или другіе являются для нея источникомъ односторонности и отрывочности. Другими словами, міровоззрѣніе г. Михайловскаго указываетъ, какъ на центральную задачу, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ человѣческихъ задачъ—на борьбу противъ обезличенія человѣка, противъ безличнаго и потому „рабскаго„ или „барскаго“ отношенія къ жизни. Къ этому обязываетъ человѣка неизбѣжный фактъ всеобщей борьбы за индивидуальность. И ученіе г. Михайловскаго съ ясностью, которую нельзя достаточно высоко цѣнить, показываетъ, что въ этой борьбѣ противъ обезличенія все сводится для человѣка къ борьбѣ съ вліяніями, стремящимися раздробить и сузить содержаніе личной жизни Вліянія этого рода являются въ человѣкѣ источникомъ „рабскихъ“ и—въ неразрывной связи съ ними—„барски-рабскихъ“ отношеній къ дѣйствительности. Онѣ—источникъ рабства чувства и мысли, съ одной стороны, разнузданнаго произвола ихъ—съ другой: рабскаго подчиненія личности тенденціямъ и требованіямъ по существу своему нечеловѣческимъ, антигуманнымъ, и разнузданнаго произвола по отношенію къ тенденціямъ и требованіямъ человѣческимъ.

Отстаивая индивидуальную цѣлостность, личность тѣмъ самымъ оберегаетъ себя и отъ безволія, и отъ произвола—этихъ основныхъ проявленій обезличенности. Въ той мѣрѣ, въ какой это ей удается, она рѣшаетъ практическую задачу всѣхъ задачъ—какъ владѣть обстоятельствами и собой. Въ той же мѣрѣ она рѣшаетъ и центральную задачу идеальнаго порядка—объ отвѣтственности личности за свои побужденія, за свои требованія, за содержаніе своей жизни и за свое человѣческое достоинство.

УКАЗАТЕЛЬ.

(всѣ ссылки на „Сочиненія“ относятся къ „Сочиненіямъ Н К Михайловскаго“ изд. редакціи журнала Русск. Бог. 1896—1897 г.).

къ главѣ I-й:

Раздѣленіе труда общественное и физіологическое, ихъ отношеніе другъ къ другу и значеніе для личности. См. Сочиненія: I. 31—42, 48—54, 56—61, 78—109, 150—151, 165—182, 191—194, 269—270, 276—281, 286—300, 459—462, 477—479, 554—6. III. 526. 722—9, 737—8. Русск. Бог. 1896. VI. 44. 1897. IV. 168—9. 1897. V. 151—3, 160—7, 176. „Н К. Михайловскій Литературн. воспоминанія и современная смута“. I. 360—1.

Децентрализація „я“, распаденіе личности, возстаніе низшихъ индивидуальностей противъ законнаго господства цѣлаго „я“, какъ источникъ безпредметнаго напряженія, рабской неустойчивости: мимовольное и безсознательное подражаніе и его видоизмѣненія,—автоматическая покорность. См. Сочиненія II. 106—214, 283—326, 358—366, 393—404, 404—466.

къ главѣ II-й:

Борьба за индивидуальность. См. Сочиненія: I. 446, 474—476, 477—491, 503—594, 461—2, 530—554, 573. II. 326—347, 353—358. III. 182, 219, 407—418, 423—4 V. 384—5. VI 894.

Идеальные и практическіе типы. См. Соч. I. 224, 5, 230, 282—4, 288, 9, 249, 277—9, 295, 296, 476.

Типы и степени развитія См. Сочин. I. 218, 282—4, 288, 290—292, 476—9, 508, 510 II. 760. III. 483—503, 516, 527—531, 760—1, 820. V. 128, 130, IV. 395.

къ главѣ III-й:

Раздробленіе человѣческихъ цѣлей и интересовъ, какъ источникъ произвольнаго отношенія къ дѣйствительности: подмѣна человѣческихъ задачъ произвольными спеціальными задачами. Метафизика и безвольное отношеніе къ дѣйствительности—фатализмъ пессимитическій и оптимистическій См. Сочин. I. 100—109, 135—6, 199—215, 463, 555, 949—960, 813—4, 818. III 35—41, 48—9, 52—56, 303—5, 338—354. IV. 91—2. VI. 40—47, 830—1.

къ главѣ IV-й:

Фатализмъ, безвольно произвольное отношеніе къ дѣйствительности въ опытномъ знаніи (эмпиризмъ, объективизмъ), преклоненіе предъ фактомъ I. 10—15, 70—77, 105, 108, 111—121, 126, 128—142, 200—208, 416—418, 793—810. III. 148—152, 154 и слѣд. 290, 341, 347—351, 354—373, 389—407, 423—4. IV. 416, 429—31, 435—7. V. 140. VI 40—47, 720—1.

къ главѣ V-й:

Безвольно произвольное отношеніе къ дѣйствительности въ искусствѣ: искуство для искусства См. Сочин. I. 121—126, 839. II. 524—534, 602, 609—12, 636, 639. III 303. IV. 429—430. V 234, 530, 532, 534, 536, 719—723, 733 VI. 41, 387, 452—3, 1044—6. Р Б. 1898 III, 152, 156. Литературн. воспом. и совр. см. I 148 и д.

къ главѣ VI-й:

Необузданность и произволъ, какъ оборотная сторона рабски обезличеннаго отношенія къ дѣйствительности, вслѣдствіе ослабленія способности владѣть собой и обстоятельствами. Тождество слабой воли и необузданной воли. Характеристика въ этомъ отношеніи психологіи толпы и одинокой личности, утрачивающихъ самообладаніе въ зависимости отъ игнорированія преградъ и предѣловъ своимъ стремленіемъ. См. Сочин. II. 146 и д. 185—6, 188, 190, 403 и д. 428, 430—1 448—450, 450—459, V, 360—1. VI. 167 и д. 206—7, 216—220.

къ главѣ VII-й:

Комбинація пассивности и безволія съ разнузданностью и жестокостью, какъ результатъ систематическаго неудовлетворенія и переудовлетворенія потребностей. Растерянность, выражающаяся въ подавленіи необходимыхъ человѣку потребностей (аскетизмъ) и въ возникновеніи стремленій къ „ненужному“ (наслажденіе въ страданіи, разнузданность) См Сочиненія I. 555—6 и д. 571, 573 620—3, 580—1, 630, 857—9. IV. 754. V. 20—22, 26—32 и д. 58 и д. 64, 67. IV, 43, 233—241, 667, 795, 824, 826—9 и д 839—853, 1014—1025.

къ главѣ VIII-й:

Ослабленіе (децентрализація) индивидуальности, какъ источникъ мистическихъ началъ и самозванныхъ притязаній; „гордость смиренія“. См. Сочиненія. I. 203, 205 и д. 581 II. 217—220, 228 и д. 230—233, 238, 360—6. III. 228—230. VI. 450. V 34, 620, 621. VI. 379. 456—8, Рус Бог. 1898. IV. 143—5, 147, 149, 151. Литературн воспомин. и соврем. смута. I. 204, 205 и д.

къ главѣ IX-й:

Разнузданность и произволъ въ отношеніяхъ крупной личности къ дѣйствительности, какъ слѣдствіе безъисходности и растерянности стремленій и нравственнаго одиночества См. Сочин. IV 889—891, 893—898 V. 323—328, 330 и д. 348, 421—3 и д VI. 369 и д 376—380, 390, 391 и д 408—415 793, 930—936. Русск. Бог. 1898. IV 141, 144—5 Литерат воспом. и совр. смута" I. 171, 172, 175, 184, 185, 229, 230, 233, 234

Сюда же примыкаютъ соображенія по поводу ученій объ исключительныхъ правахъ не обыкновенныхъ личностей и о двоякой морали. Рус Бог 1894 VII. 92—101 XI. 115—116, 124—128 XII. 95, 96 и д, 101—105

къ главѣ X-й:

Положительная сторона въ борьбѣ выдающейся личности за цѣлостность своего существованія Реальный стимулъ этой борьбы: „работа совѣсти и чести"—чувство отвѣтственности односторонней личности предъ требованіями многосторонности и полноты человѣческаго существованія См Сочин III. 445—6 и д., 498—503, 515—6, 530, 684—5, 678—9 IV. 654—5, 657—661 и д. V. 96, 104—138, 179—187, 320—3, 342—348 и д. VI. 404—5. Русск. Бог. 1896 XI. 30—47. XII. 120—143.

къ главѣ XI-й:

Историческая необходимость и личность Значеніе выдающихся личностей. Личность—жертва обмана: смѣшеніе личностью ея интересовъ и достоинства съ интересами и достоинствомъ другихъ индивидуальностей См. Сочиненія. I. 215, 329—332, 368 и д. 777—778, 793—795. II 383—387. III 149, 150, 154—159, 179—182 и д, 184—187, 209—215 и д., 229, 432—440, 448. IV 59—66. V. 163, 378—380 VI. 100—104, 116 и д. 120—124 и д. 326—327, 354, 816—817. Русск. Бог 1894. I. 110—114, VII. 84—89. 1895 XI. 50. 1896. XII. 135—7. 1898 V. 160—162

къ главѣ XII-й:

Индивидуализмъ и гуманизмъ. Принципъ формальной свободы (либерализмъ). Различныя формы начала личности (эгоизма) и необходимость различать и классифицировать ихъ. Существованіе, рядомъ съ паразическимъ типомъ эгоизма, того вида эгоизма, который побуждаетъ личность къ равномѣрному расширенію силъ и формулы жизни. См Сочин. I. 258—270, 430—1, 434—441, 445, 447, 450—1, 456—7, 532—3, 609—612 и д. 641—650,

684—687, 720—1, 724—5, 731, 881—883, 914—5. II. 82—4 III. 20—41, 43—45, 51—67, 190—208, 219—221, 225—230, 252—3, 255—272, 565—566, 570—582 и д, 589, 593. IV. 450—462, 984—1000 V. 384—6, 537 и д. VI. 98, 533, 719 и д. 729—735, 953. Рус Бог. 1894. VIII. 161—172. XI. 120—5. 1898 IX. 74—5, 1899. IV. 191—211 Литер. восп. и соврем. смута I. 143—6, 159—160.

